

Н О В Ы Й
ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.

№ 8.

АВГУСТЪ 1915.

СТИХИ: В. Эдвардъ, Юрій Бочаровъ, Ф. Кирилловъ, С. Михайловъ, На- танъ Венгровъ, К. Большаковъ, Б. Евгеньевъ, Власть Даниловъ, Георгій Адамовичъ, А. Тиняковъ, Георгій Казаровъ	3	М. МОРАВСКАЯ.—Волнующая поэзія	39
АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.—Укрѣпа	5	Г. Г. АЛЕКСѢЕВЪ.—Военныя бесѣды . .	42
А. ИСАКОВА.—Среди враговъ	7	ЧЕРНЯЕВЪ.—Внутреннее обозрѣніе . .	45
С. РАФАЛОВИЧЪ.—Три вечера	13	П. ЧЕРКАССКІЙ.—На зарубежныя темы	49
А. ДРОЗДОВЪ.—Странный случай	14	К. ПАЖИТНОВЪ.—Заря новой жизни для коопераціи	51
А. ТРИПАТОВЪ.—Совушка	23	С. ИСАКОВЪ.—Къ рисункамъ П. И. Львова	53
Б. ПАТЛАЖАНЪ.—Миніатюры	28	А. ДОБРЫЙ.—Выдуманная принцесса .	56
Н. АФИНОГЕНОВЪ.—Мертвый городъ	31	С. ФОМИНЪ.—Современная беллетри- стика	57
М. СРОКОВСКИЙ.—Послѣднее письмо .	34	БИБЛОГРАФІЯ	58
ЖЕНСКОЕ СТИХИ.—Влена Звольта, Любовь Матвѣевская, Над. Ланд- ская, Е. Северинова, М. Орличъ . . .	37	Списокъ новыхъ книгъ	62
		Объявленія.	

Августовскій номеръ иллюстрированъ рисунками художника П. И. Львова.

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Анна Ахматова, Г. Адамовичъ, Г. Г. Алексѣевъ, Л. Андрусонъ, Людмила Ануфриева, Грааль Арельскій, С. Ауслендеръ, Николай Ашукинъ, С. Бахановъ, Александръ Блокъ, А. Боане, А. Богдановъ, К. Большаковъ, А. А. Боровой, Юрій Бочаровъ, Николай Бруни, проф. В. А. Вагнеръ, Натанъ Венгровъ, Борисъ Верхоустинскій, Г. Вяткинъ, пр.-доц. И. И. Гливенко, Е. Голицынская, Максимъ Горькій, Сергій Городецкій, Н. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, А. Добровольскій, Б. Евгеньевъ, Борисъ Зайцевъ, Георгій Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, А. А. Измайловъ, С. К. Исаковъ, М. М. Карповичъ, Г. Кваша, проф. Н. Л. Кладо, Т. Кладо, А. А. Кондратьевъ, Вл. Кохановскій, Всеволодъ Курдюмовъ, К. Кравцовъ, В. Красновъ, М. Кузминъ, А. Липенкій, Н. Ляшко, Артуръ Лурье, О. Манделыштамъ, О. Миртовъ, С. Михайловъ, М. Моравская, И. Накатовъ, К. Одинцовъ, Ин. Оксеновъ, О. Л. д'Оръ, Н. Оцупъ, К. А. Пажитновъ, А. Петричъ, проф. В. Д. Плетневъ, Н. Н. Пунинъ, С. Рафаловичъ, А. Ремизовъ, А. Рославлевъ, Михаилъ Сандомірскій, А. Свирскій, Юрій Слезкинъ, Андрей Соболевъ, П. Соловьева (Allegro), М. Струве, А. Тиняковъ, М. В. Федуловъ, проф. Н. Н. Фирсовъ, А. А. Фридманъ, Б. Р. Фрометъ, П. Черкасскій, А. Ширяевецъ, Е. Эдвардъ, И. Эренбургъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ: Натанъ Альтманъ, Левъ Бруни, В. Д. Замирайло, Л. Квятковскій, В. Кунсъ, П. И. Львовъ, В. А. Милашевскій, Д. И. Митрохинъ, П. Митуричъ, худ.-фот. А. Н. Павловичъ, Н. Пинъгинъ, проф. Н. С. Самокишъ, Н. Тырса, Н. П. Ясиновскій и др.

Тарифъ объявленій

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“.

Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.

1/1 страница	60 руб.	100 руб.	120 руб.
1/2 „	35 „	55 „	65 „
1/4 „	20 „	30 „	35 „

Строка непарели: Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.
50 коп. 60 коп. 80 коп.

Приложенія вѣсомъ до 1-го лота 10 руб. съ тысячи, за каждый послѣдующій лоть по 2 р. 50 к. за каждый лоть.

Редакція „Новаго Журнала для Всѣхъ“ предупреждаетъ **НОВЫХЪ ГОДОВЫХЪ** подписчиковъ, что пятая (Майская) и шестая (Іюньская) книжки журнала за 1915 г. **РАЗОШЛИСЬ** и не могутъ быть повторены новымъ изданіемъ по причинамъ технического характера.

Необходимая поправка.

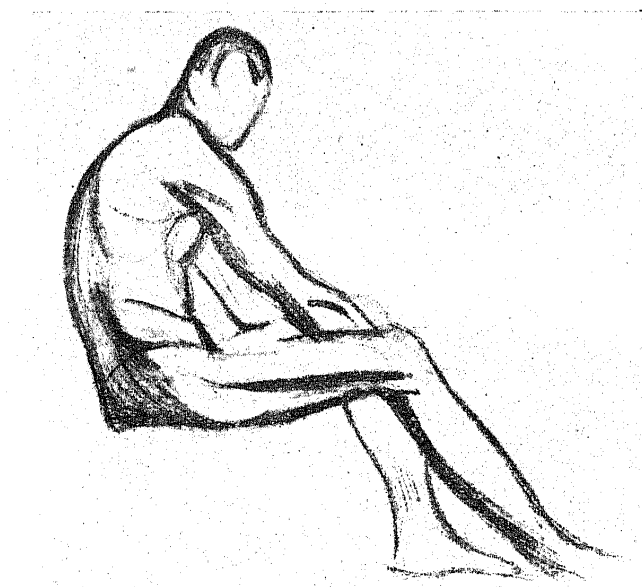
Въ Іюльскомъ № 7 подъ разсказомъ Густава Вилкуна «Начальникъ дубиннаго войска» вмѣсто имени переводчика ошибочно поставлены инициалы **М. О.** Слѣдуетъ читать: **А. Илькка.**

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ
для всѣхъ
1915 г. АВГУСТЪ № 8

П. И. Львовъ.

Автопортретъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

С Т И Х И.

УСПЕНСКИЙ СОБОРЪ ВЪ МОСКВѢ.

Темные, темные своды.
Темнаго золота ризы.
Отблескъ лампадъ дрожащій.
Со стѣнъ почернѣвшихъ, книзу
Смотритъ долгіе годы
Войско въ кольчугахъ блестящихъ.

Угодники все великіе,
Жизнь отдавшіе Богу,
Смерть принявшіе съ вѣрою,
Склонили темные лики,
Взираютъ ласково-строго
На наши шинели сѣрыя.

Тускло мерцаютъ свѣчи.
Дрожатъ золотыя нити.
Мы—ваши сѣрые братья.
Скоро ли будетъ встрѣча?
Благостно насъ примите,
Воины Божьей рати.

Е. Эдвардъ.

Онъ помнитъ о маленькой плакавшей миссѣ...
Онъ помнитъ о плакавшей тихо
миссѣ Кэтти...
Но столько другихъ—не о Кэтти—заботь!..
Отъ трапа въ туманъ оторвался вельботъ.
Врученъ лейтенанту какой-то приказъ, врученъ
въ запечатанномъ жесткомъ пакетѣ.

Въ каютѣ погашенъ рожокъ на стѣнѣ, надъ
маленькой карточкой въ рамкѣ
овальной.
Прочитаны строки командныхъ бумагъ.
Туда, миноносецъ, гдѣ прячется врагъ!
Чуть слышно сзываютъ минеровъ наверхъ.
Сейчасъ атакуютъ. Будь зорче,
штурвальный.

Охотника сгубитъ затравленный звѣрь... Кому
ждать отвѣта сигнальной ракетѣ?..
Поэты, пишите миссѣ Кэтти въ альбомъ—
Свободный британецъ не будетъ рабомъ.
Погибшихъ уже не забудетъ потомъ, увитая
траурнымъ крепомъ миссѣ Кэтти...

Юрій Бочаровъ.

Газета и письмо. Конвертъ измятъ въ дорогѣ,
И адресъ, писанный карандашемъ, поблекъ.
Письмо изъ арміи. Въ волненьѣ и тревогѣ
Я тороплюсь читать исписанный листокъ,
Прочитываю вновь, потомъ опять сначала,
Любуюсь строчками безсвязныхъ, милыхъ
словъ—
Вѣдь каждое изъ нихъ твоя рука писала,
Письмо мнѣ говоритъ—ты живъ и ты здоровъ!..

Газета на столѣ среди бумагъ забытыхъ...
Я только вечеромъ ее случайно взялъ,
И, развернувъ, въ столбцѣ, подъ рубрикой
„убиты“
Среди другихъ именъ твое тамъ прочиталъ.
Ф. Кирилловъ.

* * *

Увижу ль снова тѣ дороги,
Гдѣ камни солнца горячѣй,
Гдѣ не узнаешь, что яснѣй
Кресты иль бронзовыя ноги.

Тиха прозрачная струя,
Заполдневѣло въ полѣ стадо,
Не все ль равно, въ какіе надо
Края кружиться намъ, земля.

И если тронута цвѣтенъе
Дыханьемъ жаркихъ, бѣлыхъ стрѣлъ—
Благословенно травъ успенье,
Благословенъ земной удѣлъ.

Сергій Михайловъ.

* * *

...Уже не страшно? Страшно будетъ.
И неожиданно, какъ тать,
Испепеленное разбудить,
Затѣмъ, чтобъ пепелъ жечь опять,—
Не рана рваная, не тѣло,
Обрубленное до колѣнъ—
Незначашій обрывокъ бѣлый,
Какая нибудь тѣнь, у стѣнъ...
И ты почувствуешь смертельный
И неминучій часъ въ кругу;
И ты увидишь, какъ безцѣльно
Распято дерево въ снѣгу;
И ты поймешь: надъ жертвой боли
Въ пустую издѣвалась тьма...
И станетъ все смѣшно до колікъ,
...И улицы сойдутъ съ ума.

Натанъ Венеровъ.

НА ЛИХАЧѢ.

Эти безтрепетныя руки,
Эта удивленно-поднятая бровь
И глаза, безстрастные отъ скуки,—
Это не любовь.

Но вѣдь это утро только первой ночи,
А надъ паркомъ шумъ тревожный и весенній...
Каждое новое горе непонятно жесточе,
Каждое новое счастье непонятно мгновеннѣй.

А рысакъ разсыпается искрами,
Сухо рвущихъ дорогу копытъ...
Не продлить поцѣлуями быстрыми
Чась, что до дна допить...

Города ропотъ стихнетъ,
Вы взглянете просто и прямо.
Ахъ, тамъ, гдѣ святыхъ нѣтъ,
Вы только усталая дама.

К. Большаковъ.

Никуда отъ Тебя не уйти,
Не могу уйти, не хочу я.
Кто истопчетъ больнѣе чѣмъ Ты?
Кто, измучивъ, нѣжнѣе врачуетъ?

Мое сердце гулко стучить
И такъ сладко вновь замираетъ.
Узнаю васъ, стрѣлы-лучи,
Вы поете, сердце—сгораетъ.

Борисъ Евеневъ.

ЛИСТРИЦЫ.

... Въ кругломъ зеленомъ скверѣ
Гляжу на всѣхъ проходящихъ,
Тонкіе, хитрые звѣри,
Какъ звѣзды, глядятъ леденяще...

Синими глазами дама,
Съ волосами чернѣй графита,
Смотритъ на куполъ храма,
Свѣтлымъ лучомъ залитый...

Мальчикъ въ тоскѣ онѣмѣлой
Ей поднимаетъ перчатку,
На тонкія губы несмѣло
Легла нехорошая складка...

Непонятенъ взглядъ тонкаго звѣря!
Мечты и любовь заброшу!
Самому себѣ не повѣрю,
Если скажутъ, что я хорошій...

Власъ Даниловъ.

Аннѣ Ахматовой.

Такъ безпощаденъ вѣчный договоръ!
И птицы, и лѣса остались дики.
Но слезы,—слезы не туманятъ взоръ
И непороченъ образъ Эвридики.

Такъ дни любви обѣщанной прошли!
Проходятъ дни и темнаго забвенія,
Уже вакханокъ слышится вдали
Тяжелое и радостное пѣніе.

И вѣрности предъ смертью не тая,
Покинутый, и раненый, и плѣнный
Я вижу Елисейскія поля,
Смущенныя душою неблаженной.

Георгій Адамовичъ.

ПѢСЕНКА ПОСЛУШНИЦЫ.

Съ вѣтокъ листьѣ лѣтнее
Валится быстрѣй,
Убыль дня замѣтнѣе,
Зори холоднѣй.

Вечерами черными
Въ кельѣ тишина.
Вздохами покорными
Грудь моя полна.

Золотыми точками
Мѣчу алый шелкъ.
Дождикъ молоточками
Постучалъ и смолкъ.

Вотъ и заколочена,
Въ гробъ навѣки я...
Ахъ! слезами смочено
Золото шитья!..

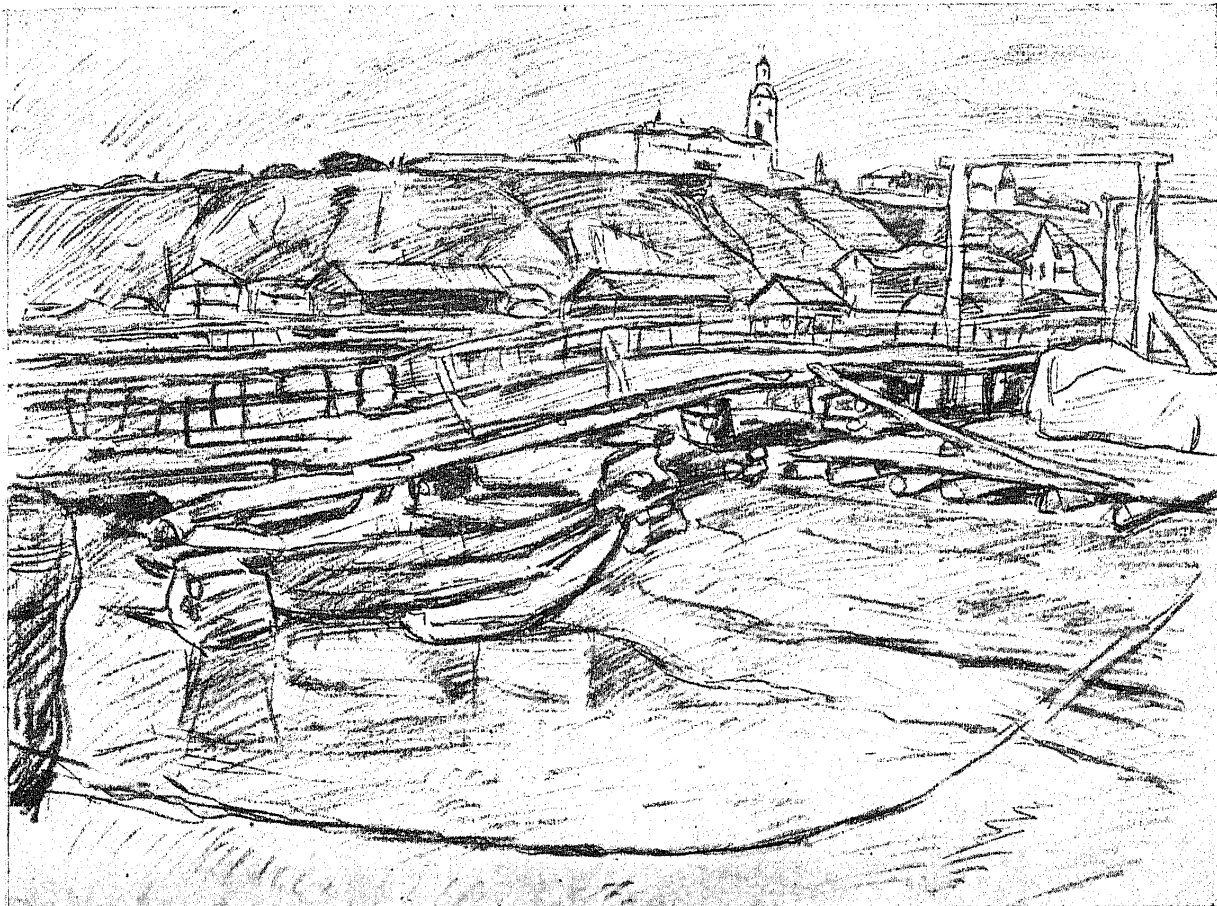
Александръ Тиняковъ.

ВЕЧЕРЪ.

За домами струйки облаковъ
Таютъ въ блескѣ липоватомъ.
Вечерами рѣдкій стукъ шаговъ
Дѣлается глухо-виноватымъ.

Нервнымъ жестомъ чуть письмо помято.
Я заплакать, кажется, готовъ.
Ахъ, вотъ въ эти миги смутныхъ сновъ
Ты была сомной когда-то!...

Георгій Казаровъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Укрѣпа.

СЛОВО.

Алексѣй Ремизовъ.

Камень не камень, твердынное, какъ камень, чистымъ серебромъ окладенное, лежало слово на русской землѣ.

Осенній вѣтеръ вызнабливалъ сердце, вьюжливой метелюжливой зимой зимскою сковывалъ морозъ, заливалъ снѣжный наслудъ и шумно топило его половодьемъ.

А придетъ весна теплая, да долгая, отдохнутъ всѣ поля, и тамъ, на рѣкѣ Костромѣ, гдѣ въ зеленыхъ низовьяхъ шелестятъ камыши и на мелкомъ песку свѣтятся гладкіе голыши, грѣется оно, твердынное, подъ яснымъ солнцемъ—или и осеннему вѣтру не повыкрушить сердца!—слушаетъ звонъ колокольный: надъ воскреснымъ утромъ отъ далекаго озера Святого до Ипатія несется надъ Волгой звонъ благовѣстный.

То мѣсто свято—святая и крѣпкая Русь.

Во времена лихолѣтья гудѣлъ набать въ слободахъ Костромы, собиралъ народъ,—подымался русскій народъ, и отъ роду родовъ не бывало, чтобы даромъ врага промелѣдили—Стань къ сторонѣ!—разбивался врагъ о твердыню.

То мѣсто свято—святая и крѣпкая Русь.

Шелестятъ камыши, лѣниво струится рѣка—темныя волны, волна за волной, въ широкую Волгу, и по приволью большому зеленѣютъ зеленя дала,—тамъ когда-то стояли костры становища дикаго каменнаго люда и гремѣли дикія пѣсни.

Не дикія пѣсни, шелестятъ камыши, слышатъ тепло—лѣто ведренное Богъ посылаетъ, и чудится въ ночи, слышно ржанье коней да глухой мечный звонъ—это дружины русскія

вышли на защиту родной стороны подъ грозный кличъ „За русскую землю!“ и отъ рѣки, вырытой шведской рукой, вплоть до подземнаго подъ Костромою-рѣкой годуновскаго хора стала подъ стягъ стародавняя православная Русь.

То мѣсто свято—святая и крѣпкая Русь.

Камень не камень, твердынное, какъ камень, чистымъ серебромъ окладенное, лежало слово

на русской землѣ, крѣпло отъ вѣка съ крѣпкою Русью, стойкой, готовной вѣрой и правдой до смерти постоять за родимую землю.

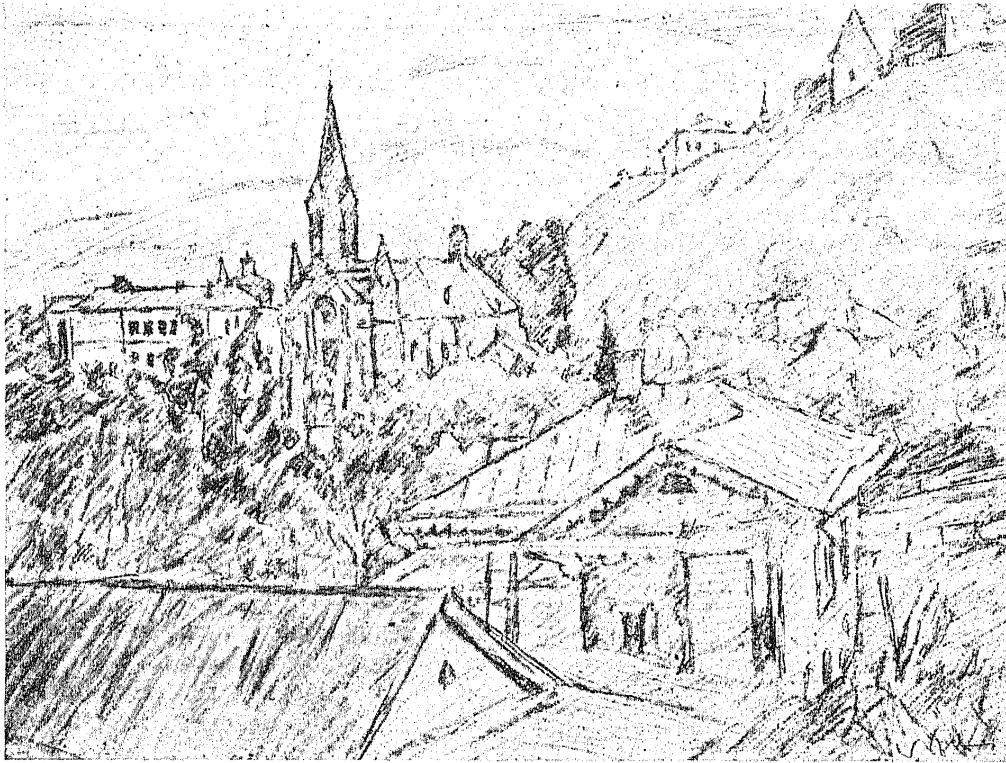
И безмолвное, черезъ всѣ испытанія, пожаръ и напасть хранимое пречистымъ Покровомъ, въ грозный часъ вотъ воспрянуло оно, стародавнее, поновить русскую землю, поднялось оно, крестное, во всей своей силѣ укрѣпить и утвердить—наполнить сердце духомъ единымъ и единою мыслью русской за Русь, за Россію родимую.

Алексѣй Ремизовъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Среди враговъ.

А. Исаковой.

(Окончаніе *).

IV. Освобожденіе.

На вокзалъ было устроено такъ, чтобы на платформу могли проникать только русскіе, съ проѣздными билетами. Огромная толпа провожающихъ (остающихся русскихъ, а отчасти и нѣмцевъ), тѣснилась, волновалась, шумѣла. Люди пожимали другъ другу руки, цѣловались съ отъѣзжающими. Отъ множества голосовъ громкій гулъ стоялъ въ воздухѣ. Но въ самихъ поѣздахъ все въ это время было урегулировано, мѣстъ было ровно столько, сколько и пассажировъ.

Марья Николаевна и Тиночка уже сидѣли въ вагонѣ, поджидали меня и перезнакомились съ сосѣдями.

Нѣкоторыя вещи оказались забытыми въ отелѣ у меня въ номерѣ.

Заработалъ желѣзнодорожный телефонъ, загорѣлась спѣшка, вызванъ былъ служитель изъ отеля на автомобиль, полетѣли въ изобилии лишнія марки...

Господинъ Герике прислалъ на вокзалъ свою конторщицу съ тремя букетами для всѣхъ

насъ, а въ самую послѣднюю минуту явился и самъ, съ тремя одинаковыми коробками шоколада. Онъ умильно извинялся, оправдывался...

Наконецъ поѣздъ тронулся.

Завтра мы будемъ уже за границей Германіи.

Сасницъ-Треллеборгъ-Гефле и Раумо. Вотъ этапы предстоящаго намъ пути, а тамъ хоть и Финляндія, а все-таки Россія! Одинъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ—и мы въ Петроградъ!

Мы знали, конечно, что весь путь этотъ будетъ тяжелъ, но чего нельзя было перенести въ виду такой перспективы!

Оглядѣлись.

Кругомъ—блѣдныя, измученныя, но счастливыя лица. Громкій русскій говоръ напоминаетъ радостное пѣніе птицъ, внезапно выпущенныхъ на свободу изъ клѣтки.

Всѣ спѣшатъ подѣлиться своимъ счастьемъ или обмѣняться тяжестью впечатлѣній минувшихъ.

Были тутъ и такіе, что переходили изъ темницы въ темницу, терпѣли голодъ, холодъ и побои только за то, что были въ возрастѣ,

*) См. №№ 1, 2, 4, 6 и 7 „Нов. Журн. для Всѣхъ“, 1915 г.

годномъ для военной службы. Были больные, убѣжденные, что ѣдутъ домой умирать и радовавшіеся этому, какъ милости Провидѣнія. Были женщины, которыхъ раздѣвали до нага, чтобы убѣдиться въ томъ, что онѣ дѣйствительно женщины. Были и такіе, жизнь которыхъ подвергалась жестокой опасности изъ-за одного только нелѣпаго, ни на чемъ не основаннаго подозрѣнія въ шпіонствѣ.

Многое было. Всего не расскажешь...

Теперь большинство склонно было радоваться тому, что все это—въ прошломъ.

Проѣхали мы ночь, сидя, конечно, тѣсна другъ друга, но весело, какъ дѣти. Къ утру дремали, приладившись, кто какъ умѣлъ, уступивъ каждое лишнее мѣстечко дѣтямъ, мѣняясь мѣстами, когда замирали руки, ноги, бока.

Днемъ пріѣхали въ Сасницъ и перебрались на пароходъ—большой, грузный.

Растерянность и беспомощность публики была при этомъ переходѣ полнѣйшія: никто не зналъ своихъ правъ, соотвѣтствовавшихъ ихъ билетамъ, носильщики и прислуга ничего по этому поводу сказать не могли, или не хотѣли. Попытки приплатить за билетъ перваго или втораго класса не приводили ни къ чему. Оставаться же въ сквозномъ пролетѣ, внизу, куда по рельсамъ вкатывались вагоны съ багажемъ, и гдѣ въ обычное время, повидимому, только и имѣли право оставаться пассажиры третьяго класса, въ холодный сентябрьскій день было положительно невозможно.

Волненіе, раздраженіе овладѣвали усталыми пассажирами. Настроеніе сразу испортилось.

Кончилось тѣмъ, что разсыпались по всѣмъ каютамъ, не считаясь съ „правами“, и все сошло благополучно. Отчета никто не спрашивалъ.

Нѣсколько часовъ довольно мучительнаго переѣзда, впродолженіи котораго многихъ укачало, несмотря на спокойный ходъ большого парохода и на незначительность разстоянія.

Но вотъ мы и въ Треллеборгѣ—мы въ Швеціи! Германія уже не имѣетъ больше никакихъ правъ на насъ, мы свободны!

Переправляемся въ поѣздъ. Своеобразные шведскіе вагончики съ другими оконцами, сидѣньями, дверьми и площадками. На каждой большой остановкѣ „входитъ въ вагонъ шведъ“—членъ Краснаго Креста, кажется,—и хотя поманымъ, но правильнымъ русскимъ языкомъ предлагаетъ кофе, какао, или чегонибудь закутить. Все это даромъ выдается на платформѣ для желающихъ.

Можетъ быть, все это организовано было на тотъ избытокъ, который мы, имущіе, переплачивали за свои проѣздные билеты въ поль-

зу неимущихъ, тѣмъ не менѣе, такое предложеніе ласкало въ то время душу, какъ братскій привѣтъ.

Такъ проѣхали день.

Къ вечеру мы рѣшили остановиться въ Мальмѣ переночевать, отдохнуть и выспаться.

И только съ того момента, когда мы высадились въ Мальмѣ, заняли рекомендованные намъ номера и расположились въ нихъ,—только съ этого момента почувствовали мы себя оторвавшимися отъ того злополучнаго огромнаго цѣлага, къ которому принадлежали, какъ плѣнницы, и опять вернулись къ состоянію простыхъ путешественницъ.

Необычайно странно, непривычно показалось на первыхъ порахъ это чувство независимости и равноправія со всѣми.

Мы познакомились съ Мальмѣ—маленькимъ, симпатичнымъ городкомъ, гдѣ все, какъ и всюду въ Швеціи, говорило о довольствѣ, культурѣ, порядочности; сдѣлали кой-какія покупки, пообѣдали въ красивомъ ресторанѣ, который и въ любой столицѣ былъ бы не плохъ, и снова пустились въ путь, на этотъ разъ въ обыкновенномъ шведскомъ поѣздѣ, среди шведской публики, вкушая все удовольствіе добровольнаго путешествія.

При этомъ всюду—на улицахъ, въ магазинахъ, въ ресторанѣ, на вокзалѣ, въ вагонѣ—встрѣчали мы самое милое, любезное, доброе отношеніе со стороны шведскаго населенія. Насъ внимательно и серьезно выслушивали, несмотря на жалкія свѣдѣнія наши по языку, указывали намъ дорогу, провожали насъ, входили въ частныя наши дѣла съ участіемъ и охотно оказывали намъ всевозможныя услуги.

Я навсегда сохраню самое трогательное воспоминаніе о шведахъ, и такъ упорно, разумно сохраняемый ими нейтралитетъ радуетъ меня, помимо всякихъ политическихъ и военныхъ соображеній еще и тѣмъ, что было бы крайне прискорбно войти во враждебное столкновеніе съ этимъ дѣтски веселымъ и ласковымъ, мужественно красивымъ, простымъ и вмѣстѣ изящнымъ народомъ.

Мы ѣхали на Гефле, а не на Стокгольмъ, потому что въ Берлинѣ билеты третьяго класса выдавались только на Гефле. Теперь мы могли бы, не считаясь съ этимъ, взять себѣ другіе билеты и ѣхать на Стокгольмъ. Но отъ Стокгольма до Раумо переѣздъ Балтійскимъ моремъ продолжался слишкомъ двадцать часовъ, а отъ Гефле часовъ одиннадцать, двѣнадцать. Переѣздъ же этотъ больше всего пугалъ насъ, и мы рѣшили ѣхать на Гефле.

Здѣсь мы опять вкатились въ общее русло

Опять оказались крошечными ячейками въ огромномъ злополучномъ цѣломъ.

Все, что было бѣдноты, уѣхавшей одновременно съ нами изъ Берлина и со всѣхъ прочихъ концовъ Германіи, преимущественно изъ курортовъ, оказалось здѣсь и кишѣло въ городѣ и на пристани. Въ Сасницѣ публика была смѣшанная. Сюда, какъ спѣлая брусника по доскѣ, ссыпалось все неимущее и маломощное.

У пристани устроенъ былъ длинный навѣсъ надъ столами, гдѣ кормили даровыхъ, обнищавшихъ. Остальные, кто во что гораздъ, добивались себѣ пропитанія на свой коштъ.

Здѣсь же встрѣтили мы и многихъ сотоварищей по переѣзду отъ Берлина до Мальмѣ.

Въ концѣ концовъ, все устроилось: всѣ были сыты, всѣ добыли себѣ билеты на пароходѣ (берлинскіе билеты обезпечивали только проѣздъ до Гефле или Стокгольма). Мы три обрадовались возможности путешествовать, наконецъ, такъ, какъ намъ хочется, и запаслись билетами перваго класса, съ каютой какъ разъ на три персоны.

— Вотъ и хорошо: если будемъ представлять собою некрасивсе зрѣлище, то, по крайней мѣрѣ, только другъ передъ другомъ, никто чужой не увидитъ.

Пароходъ долженъ былъ отходить въ семь часовъ вечера, а отошелъ въ девять: его разгрузили.

Мы ходили смотрѣть на разгрузку.

Безчисленное количество боченковъ съ масломъ перекатывалось по сходнямъ на пристань, и, казалось, что боченкамъ этимъ не будетъ конца.

А между тѣмъ пароходъ былъ такой маленькой...

Въ то время финляндскіе пароходы уже не совершали рейсовъ въ Швецію, дѣйствовали только шведскіе пароходы, а лучшими, самыми большими пароходами были именно финскіе. Пароходикъ, съ которымъ отплывали мы, былъ того же типа, какъ и пароходы между Петроградомъ и Петергофомъ или Кронштадтомъ—маленькій, узенькій, съ числомъ каютъ весьма ограниченнымъ.

Я думаю, онъ рассчитанъ былъ не больше, какъ человекъ на триста, отправлялось же насъ семьсотъ человекъ. Не было мѣста въ трюмѣ, въ общей каютѣ, въ столовой, гдѣ не лежали бы матрацы, или хотъ какъ-нибудь не пристроено было спальнаго мѣста.

Дуль отчаянный вѣтеръ съ моря; говорили, что наканунѣ была сильная буря. Все это не обѣщало ничего добраго.

Въ десятомъ часу мы выѣхали и сразу рас-

положились на ночлегъ, пока не вышли изъ фарватера и еще не было качки.

У Тиночки отъ усталости разболѣлась голова, и она тотчасъ уснула. Моя койка приходилась подъ ея койкой, и эта доска, такъ близко надо мною, невѣроятно угнетала меня. Марья Николаевна лежала напротивъ.

Мы примолкли и слушали.

Качка становилась все замѣтнѣе. Мы очевидно уже вышли изъ фарватера и все дальше углублялись въ открытое море. Доска Тиночкиной койки меня, живую, давитъ, какъ плита могильная. Каюта словно герметически закупорена. Нечѣмъ дышать. За дверью уже слышны глухіе стоны и жалобы.

— Качаетъ,—произноситъ Марья Николаевна тихо.

— Да, Марья Николаевна, качаетъ.

Долгое молчаніе.

— Я не могу больше, мнѣ дурно.

— Скверно, Марья Николаевна, ужасно скверно.

Опять молчаніе. Море какъ будто задалось цѣлью перевернуть пароходъ вверхъ дномъ и все время примѣряетъ, на какую сторону это удобнѣе сдѣлать.

Черезъ нѣсколько минутъ Марья Николаевна подымается, блѣдная, и спѣшитъ къ умывальнику.

Чувствую, что въ такихъ обстоятельствахъ не выдержу и я. Спѣшно натягиваю все, что только есть у меня теплаго, не исключая и одѣяла съ койки, и выхожу.

Цѣль—открытое небо, палуба.

Ноги причудливыми движеніями ловятъ полъ. Руки тянутся во всѣ стороны, въ надеждѣ, что хотъ что-нибудь не уплыветъ отъ нихъ и дастъ на себя опереться.

Отодвигаю дверь каюты и вижу, что задача предстоитъ мнѣ нелегкая: весь полъ занятъ живыми трупами. Надо пройти, минуя руки, ноги и головы страждущихъ (а страдаютъ здѣсь, кажется, всѣ), да еще по возможности не попасть въ то, что является плодомъ этихъ страданій.

Балансирую, какъ могу, и благополучно добираюсь до лѣстницы.

Въ узенькомъ пространствѣ, окружающемъ лѣсенку наверху, тоже трупы.

Лавирую и среди нихъ, хотъ въ головѣ и въ груди совершается нѣчто невозможное, что приводитъ почти въ отчаяніе, и выхожу на палубу.

Боже!..

Волны, какъ огромные стеклянные дома съ бѣлыми крышами, вздымаются, кажется, прямо передъ глазами, свирѣпая, грозная. Вѣтеръ

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

рветъ меня злобно, словно гнѣвается, зачѣмъ вырвалась я изъ заточенія. За то—воздухъ! Подышавъ этимъ воздухомъ, кажется, уже невозможно вернуться.

Я подбѣгаю къ борту, одинъ разъ отдаю дань морской болѣзни, чувствую отъ этого облегченіе и сажусь на скамью у борта, спиной къ морю.

Какъ хорошо! Холодно, правда, но все-таки хорошо. Я здѣсь останусь.

Палуба съ этой стороны пуста. Только поодаль, вправо, въ уголку, у рубки, пріютилась пара: беременная женщина, обезсиленная, сидитъ въ креслѣ, и какой-то господинъ, склонившись надъ нею, тихо ее утѣшаетъ.

Вдругъ пароходъ наклоняется набокъ, туда, вглубь отъ меня, громадная волна встаетъ съ той стороны, опрокидывается, какъ нападающій тигръ, на палубу, и летитъ на меня. Я едва успѣваю поднять ноги, и остатки воды пѣной скатываются подъ мою скамью и сливаются въ море за мною.

Слѣва раздается двойной крикъ, и показываются двѣ фигуры у рубки.

Молодая евреечка, лѣтъ шестнадцать, идетъ,

цѣпляясь руками за рубку и жалобно причитаетъ умирающимъ голосомъ:—Витю! Витеньку! Иди нанизъ!..

Витенька едва бредетъ вслѣдъ за нею. Та волна, какъ видно, окатила его: съ него струится вода, а въ рукахъ у него одѣяло, подушки и пледы.

Оба исчезаютъ въ дверяхъ рубки.

Надо итти и мнѣ: вѣдь слѣдующая большая волна можетъ набѣжать на меня со спины, и тогда все равно придется убираться, только въ условіяхъ худшихъ.

Я расстаюсь со скамьей и тоже открываю дверь рубки.

Прямо передо мною, въ узенькомъ пространствѣ между дверью и рѣшеткой, огораживающей спускъ внизъ, лежатъ мокрыя подушки и пледы Витеньки. Онъ очевидно бросилъ ихъ тутъ, проходя. Остальныя мѣста всѣ заняты вокругъ лѣстницы: скорчившись, потому что пространство это недостаточно, чтобы вытянуться, по ту сторону лежатъ въ жалкихъ позахъ двѣ дѣвушки. Прямо противъ лѣстницы, слегка прислонившись къ двери въ большую общую каюту, занятую польскимъ семействомъ, лежитъ господинъ, неудобно вытянувъ ноги въ пространство надъ лѣстницей.

Пароходъ трещитъ и гнется, словно задумалъ унести палубу изъ-подъ моихъ ногъ. Нельзя было и минуты простоять безнаказанно. Я съ величайшей признательностью опустилась тутъ же на Витенькины подушки, подложивъ на нихъ подъ голову свой собственный локоть, и счастлива была тѣмъ, что въ лежачемъ положеніи все же легче было привести себя хоть въ нѣкоторую гармонию съ безтолковымъ движеніемъ парохода.

Морская болѣзнь ужасна вовсе не тошнотой. Ужасъ ея заключается въ разобщеніи съ ритмомъ самой вселенной, заставляющимъ васъ тщетно искать въ самомъ себѣ центра, вокругъ котораго можно было бы обосновать свой, устойчивый, міръ.

Чувствуешь себя жалкимъ, пропавшимъ, оторваннымъ отъ общей гармоніи, и отъ этого испытываешь буквально отчаяніе. Тошнота—только результатъ такого отчаянія, отказъ всего организма жить, усваивать пищу, поддерживать возмутительное существованіе, выключенное изъ общаго мірового цѣлага.

Девять часовъ подрядъ пролежала я неподвижно, на лѣвомъ боку, на голомъ полу, на мокрыхъ чужихъ подушкахъ. Два-три человѣка еще пришли съ палубы, послѣ того, какъ я лежала уже у двери. Они бросили на мои ноги пальто и одѣяла, съ которыхъ струилась вода. Они тоже съ трудомъ лавировали надъ моими

членами, какъ лавировала я надъ другими, идя сюда. Стоны, доносившіеся снизу, все усиливались. Пароходъ словно вторилъ имъ своимъ отчаяннымъ скрипомъ и трескомъ.

— Ой, вы милые, родные мои! Ой, спасите!..

И казалось, что внутренности у стонущихъ разрываются.

Смрадъ, нечистота всюду. Пятна даже на одѣялѣ, которое меня покрываетъ. Голый полъ и безвыходность... Вотъ тебѣ и каюта перваго класса!

Я лежала и думала, что такое путешествіе—ниже человѣческаго достоинства!

И въ то же время мнѣ было все, все равно: я лежала теперь тоже, какъ трупъ. Единственной отрадой моей было—спросить у моего сосѣда съ неудобно вытянутыми въ пространство ногами: „какой часъ?“, когда онъ доставалъ часы. Свои я не взяла изъ каюты.

Время шло убійственно медленно. Сна, конечно, не было. Только иногда страшныя видѣнія на мгновенье возникали въ измученной головѣ.

Пароходъ по временамъ такъ кренился, трещалъ и скрипѣлъ, что мнѣ думалось—мы погибаемъ.

Разъ онъ какъ-то точно подломился и совсѣмъ сталъ набокъ надолго. Въ сосѣдней каютѣ, къ которой прислонялся сосѣдъ мой, слышался звукъ падающихъ и катящихся тѣлъ, вопли женщины и уговоры мужчины.

Родители ловили падающихъ дѣтей и возвращали ихъ на мѣсто. Слышенъ былъ только слабый плачь матери и мужской утѣшающій голосъ.

— Таку долю терпѣть съ-за этихъ пшеклентныхъ!..—слышалась мнѣ сквозь слезы польская рѣчь жены.

И такъ воспитали насъ въ своемъ духѣ нѣмецкія газеты, что я спрашивала себя въ ту минуту: „Кто же такіе эти „пшекленты“? Нѣмцы? или мы, русскіе? Вѣдь Польша возстала, Польша съ распростертыми объятіями ждетъ новыхъ побѣдителей, нѣмцевъ?“

Часовъ въ шесть забрезжилъ свѣтъ въ иллюминаторѣ. Это тоже было отрадно.

День! День всегда несетъ что-нибудь лучшее. Темная ночь миновала, теперь мы уже въ безопасности.

Въ десять часовъ качка стала утихать: очевидно, входимъ въ фарватеръ.

Чей-то восторженный голосъ заявилъ объ этомъ съ палубы.

Подъѣзжаемъ!

Раумо—маленькая пристань, преимущественно для нарузки лѣса и досокъ. Теперь эта маленькая пристань и станція верстахъ въ

двухъ отъ нея являются крупнѣйшимъ центромъ движенія. И пристань, и станція были залиты наплывомъ пріѣзжихъ. Сами мы плыли въ толпѣ, какъ въ потокѣ.

Встрѣтили насъ, конечно, жандармы. Толстый канатъ еще загоразживалъ насъ отъ „воли“.

Просмотрѣли паспорта. Двинулись дальше.

На станціи былъ крохотный, осаждаемый пріѣхавшими буфетъ, въ которомъ нѣсколько краснощекихъ чухонкъ тщетно пыхтѣли и выбивались изъ силъ, чтобы удовлетворить всѣхъ желающихъ.

На этотъ разъ наплывъ былъ особенно великъ, потому что два дня до нашего пріѣзда свирѣпствовала на морѣ буря, и всѣ отплывшіе въ эти два дня изъ Швеціи пароходы ночевали двѣ ночи у маяка и пришли лишь одновременно съ нами. Поѣздъ, приготовленный для насъ, былъ длины прямо чудовищной, и выѣхали мы на нѣсколько часовъ позднѣе, чѣмъ слѣдовало.

Намъ съ Марьей Николаевной повезло: намъ достались два послѣднихъ спальныхъ билета второго класса. Тиночкѣ же предстояло и еще одну ночь провести сидя.

Запасись билетами, мы прежде всего бросились къ русскимъ газетамъ.

И словно волшебство совершилось передъ глазами: все, что было чернымъ, стало бѣлымъ; что было справо, теперь—налѣво; инныя перспективы, инныя, противоположныя, подходы къ событіямъ.

Война, какъ видно, подняла всю Россію на высоту, какой мы до сихъ поръ и не знали! Россія живетъ, живетъ всѣми фибрами, какъ еще не жила! Россія трезва—одно это поражало, какъ чудомъ.

На нашихъ глазахъ, словно на глазахъ апостоловъ, совершалось Преображеніе...

Какъ же не плакать, какъ не обняться отъ счастья?!

Но вотъ подали поѣздъ. Надо устраиваться.

Расположившись, какъ нельзя лучше, на своей верхней, удобной на финскихъ дорогахъ, просторной койкѣ, я тѣмъ не менѣе спать почти не могла! мысли о домѣ теперь лихорадочно поглощали меня.

Два мѣсяца я была отрѣзана. Время тревожное, мало ли что могло тамъ случиться!

Младшій сынъ мой, еще не доросшій до призывнаго возраста, былъ на Кавказѣ, когда я уѣзжала, среди дикаго хевсурскаго племени. Тамъ опасно и въ мирное время, а тутъ было объявленіе войны, мобилизація...

Мало ли, мало ли, что могло быть?! Ужъ живъ ли хоть кто-нибудь близкій?..

И чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ напря-

женнѣе становилось ожиданіе, тѣмъ горячѣе разрывалось сомнѣніями сердце.

Особенно, когда стали мелькать знакомыя, уже близкія къ Петрограду станціи, „Бѣло-островъ — граница финляндіи — „Парголово“, „Шувалово“, „Удѣльная“...

Мнѣ казалось, ужъ силъ не осталось ждать. Наконецъ—Петроградъ!

Запруженная встрѣчающими платформа. Я жадно ныряю глазами въ эту толпу.

Гдѣ они, гдѣ—дорогія, знакомыя, благословенныя лица?..

Вижу—мужъ и старшій сынъ. Бросаюсь къ нимъ.

Гдѣ же тотъ, тотъ?..

Живъ, живъ, онъ здѣсь, онъ ищетъ меня, вотъ онъ!

Всѣ они смѣются, машутъ платками и руками, кричатъ мое имя; лица оживленныя, радостныя, счастливыя слезы въ глазахъ... у всѣхъ у нихъ цвѣты—цѣлые снопы цвѣтовъ для меня...

Вотъ еще и еще милыя лица—другъ, съ которымъ двадцать пять лѣтъ жизнью дѣлилась, какъ дѣлать съ гостемъ обѣдъ; ея мужъ, ея дочь, ея сынъ. У нихъ тоже цвѣты въ рукахъ, и все—мнѣ!

Я хватаю эти цвѣты, я прижимаю ихъ къ себѣ, мнѣ хочется растворить ихъ въ себѣ, какъ воплощеніе того тепла, которое нарастало годами... котораго не было тамъ.

Я наскоро знакоплю моихъ новыхъ друзей со своими. Мимолетная боль на мгновение, какъ бритвой, ранить мнѣ сердце: вѣдь они еще не знаютъ другъ друга, никто изъ моихъ не знаетъ, кѣмъ стали для меня эти существа. Обнимаю ихъ въ послѣдній разъ, беру

слово, что онѣ придутъ ко мнѣ, какъ только устроятся, и выхожу съ моими съ вокзала.

Чтобы не разставаться, садимся въ трамвай, который заполняемъ чуть ни на половину, и навлекаемъ на себя любопытное вниманіе публики счастливымъ видомъ, цвѣтами и разговорами.

И только тутъ по настоящему чувствую я Россію. Боже мой! Русскій, русскій, родной, свободный и безтолковый говоръ, эта давка, этотъ беззащитно, но зато и тепло проявляемый интересъ къ чужому, ко всякому.

Господи, какъ хорошо въ русскомъ трамваѣ! Неужели это могло когда нибудь не нравиться?.. Какъ хорошо!

И я громко, безъ стѣсненія, говорю, сообщаю, спрашиваю. Вижу на чужихъ лицахъ живое отраженіе своей радости.

Хочется все узнать и все рассказать сразу. Перебиваемъ другъ друга, смѣемся, договариваемъ невысказанное взглядами.

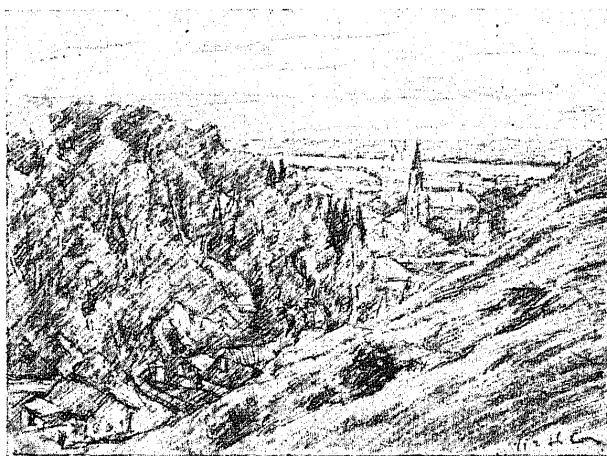
Настроеніе все нарастаетъ. Приходимъ къ убѣжденію, что необходимо увѣковѣчить, закрѣпить этотъ день. Много ли такихъ дней выпадетъ намъ въ жизни? Несмотря на усталость, не заходя домой, идемъ сниматься.

И когда, одолѣвъ четыре этажа, веселой, смѣющейся толпой вваливаемся къ фотографу со всѣми нашими цвѣтами и чемоданами, намъ странно, что насъ удивленно оглядываютъ, просятъ подождать и спрашиваютъ:

— Какъ пожелаете? Семь на одиннадцать, или девять на тринадцать?

— Ахъ, Боже мой! Ну, не все ли равно? Снимайте только, снимайте скорѣе!..

А. Исакова.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Три вечера.

Стихи С. Рафаловича.

ПАРИЖЪ.

Май 1914 года.

Мягкій сумракъ палъ съ небесъ,
Надъ землей встаетъ туманомъ.
Почернѣлъ зеленый лѣсъ,
Даль ушла къ незримымъ странамъ.

И страшась ночныхъ враговъ,
Къ дому домъ прижался робко—
За рядами огоньковъ
Освѣщенная коробка.

Дышитъ въ окна теплый Май,
Разгораются Стожары,
И, жужжа, свѣтлякъ-трамвай
Вылетаетъ на бульвары.

Хищникъ злой—раскрылъ моторъ
Ослѣпительныя очи,
И выходитъ на дозоръ
Мѣсяцъ, вѣрный сторожъ ночи.

Сонъ покроетъ, словно щитъ,
Тѣхъ, кто прошлымъ днемъ доволенъ.
И для бдящихъ зазвучитъ
Звонъ незримыхъ колоколенъ.

Августъ 1914 года.

Пыль, пустынно, пышетъ зной,
Городъ замеръ,—отъ жары ли?
Раскаленной пеленой
Воды сенскія застыли.

Дремлютъ чутко тутъ и тамъ,
точно ждуть во снѣ чего-то,
Триумфальныя Ворота,
Опера и Notre Dame.

Только фура, грохоча,
грузно катится куда-то,
И блеститъ изъ-за плеча
штыкъ уснувшего солдата;

Да вздымая вихремъ пыль
и скользя по плитамъ сѣрымъ,
Пролетитъ автомобиль
съ ординарцемъ-офицеромъ.

Близокъ вечеръ. Зной и тишь.
день пройдетъ, какъ день вчерашній.
Что ты видишь, ты что бдишь
тамъ, на Эйфелевой башнѣ?

Прорѣзая синій блескъ,
кто въ поднебесьи несется?
Что за странный гулкій трескъ
надъ Парижемъ раздается?

Буйныхъ отроковъ игра?
отголосокъ дальней брани?
Иль сегодня, какъ вчера,
нѣмецъ прибылъ на бипланѣ?

Черной точкой промелькнетъ,
беззащитныхъ въ прахъ уложить?
И плюется пулеметъ,
но попасть въ него не можетъ?

И опять, какъ въ прошлый часъ,
городъ замершій недвижимъ;
И прожекторы сейчасъ
засверкаютъ надъ Парижемъ.

Мартъ 1915 года.

Занавѣшенныя окна.
Ставни, замкнутыя плотно.
Вѣтеръ, дождь, ночная марь.
Ни моторовъ, ни трамваевъ,
Только кое-гдѣ мерцаетъ
Непогашенный фонарь.

Мрачно, зябко, неуютно.
Протянулись, какъ сукна,
Продожденныя торцы.
Все мертво, какъ на кладбищѣ.
Та-же жуть враждебно дышетъ
На лачуги и дворцы.

Средь нѣмыхъ просторовъ сиро.
Ждешь и въ бурю Цеппелина,
Не боишься, но спѣшишь
Въ домъ знакомый, къ людямъ, къ свѣту.
Гдѣ насиженное мѣсто,
Гдѣ тепло, уютъ и тишь.

Ахъ, не страшень врагъ свирѣпый,
Не безпомощно воздѣты
Къ небу робкія мольбы.
Только бѣ сгнулъ призракъ черный,
Глухо каркающій воронъ
Неразгаданной судьбы.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Странный случай.

Разсказъ Александра Дроздова.

I.

Въ этотъ хмурый осенній вечеръ, когда жалобно звонили къ вечернѣ, и медлительные звуки таяли въ воздухѣ, словно хлопья снѣга на мокрой мостовой, въ домѣ учителя Ханькина одинъ за другимъ гулко прозвучали два выстрѣла. Самъ Ханькинъ, низкорослый, сухопарый старикъ, дремавшій послѣ обѣда, подскочилъ на мѣстѣ и нѣсколько минутъ оставался въ сидячемъ положеніи, разставивъ руки и широко открывъ испуганные глаза; жена учителя, Александра Ивановна, хлопотавшая на кухнѣ, выронила изъ рукъ тарелку, со звономъ разбившуюся о край табуретки, и, вскрикнувъ, схватилась за сердце.

Запертая дверь въ комнату сына хранила мрачное молчаніе, только въ щель, возлѣ пола, сталъ пробираться удушливый, ѣдкій запахъ.

— Го... осподи, — прерывисто прошепталь Ханькинъ, переводя глаза на икону и крестясь. Сердце въ немъ упало, кровь тяжело забила въ вискахъ, но онъ пересилилъ себя, приподнялся и пошелъ, выставивъ впередъ дрожашія руки, словно въ комнатѣ было темно, или онъ боялся наткнуться на мебель. Дойдя до двери, старикъ пошатнулся, но успѣлъ схватиться за ручку; здѣсь ноги его ослабѣли, и

онъ тихо, медленно опустился на полъ, прижалъ голову къ двери и замеръ такъ.

Разсказывали послѣ, что нужно было взламывать дверь, — а для этого пришлось звать дворника, который съ полчаса отыскивалъ въ сараѣ топоръ, — объяснять въ чемъ дѣло ступѣвшей отъ испуга прислугѣ, и въ то же время приводить въ чувство учителя. Все это нашла въ себѣ силы продѣлать Александра Ивановна, замѣтно старѣющая и хворая женщина, когда-то цвѣтущая и сильная, а теперь увядающая и тѣломъ, и душой. Сынъ Ника сидѣлъ на стулѣ, запрокинувъ голову за спину; поза была спокойная, но безъ жизни: руки висѣли дрябло, и странно чернѣлъ на полу револьверъ. Ника сдѣлалъ въ себя два выстрѣла. Сначала, вѣроятно, ранилъ, а потомъ успѣлъ добить.

Похороны были многояюдные. Почти всѣ хлопоты взяла на себя молодежь, внезапно заполнившая мирныя учительскія комнаты. Все дѣлалось шумно, молодо и нестрашно, почему свалившееся несчастье не казалось такимъ уже ошеломляющимъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ. Распоряжался студентъ Бѣловахъ, лохматый и некрасивый юноша, ходившій въ развалку, при разговорѣ неизбѣжно трепавшій мяг-

кую шевелюру и всѣхъ кругомъ называвшій коллегамъ. Никто изъ всей этой безпечною участливой богемы не спросилъ ни разу, почему застрѣлился Ника, словно ясно было и такъ, безъ словъ; и это было деликатно и трогательно.

Послѣ похоронъ въ квартирѣ наступила тишина: ушла молодежь, развѣялся и ушелъ въ форточки тяжелый запахъ ладана, опустѣлъ столъ, на которомъ только что лежало тѣло самоубійцы. Ханькинъ цѣлыми днями, замкнувшись въ себя, просиживалъ на кушеткѣ въ своемъ кабинетѣ. Къ нему приходило теперь много народа, товарищи по службѣ, знакомые, просто молодые люди, всѣ вздыхающіе, участливые, и надѣливые.

Когда перестали ходить знакомые, а догадки о причинѣ самоубійства, вѣроятно, очень далекія отъ истины, утратили характеръ новизны, Ханькинъ снова надѣлъ потрепанный сюртукъ, собралъ залежавшіяся ученическія тетради, и въ первый разъ послѣ недѣльнаго перерыва пошелъ въ гимназію. Тамъ онъ опять увидѣлъ круглыя мальчишескія головы, похожія одна на другую, а всѣ вмѣстѣ на капустный огородъ, плѣшивую доску, казенные корридоры. Въ учительской враждовали директоръ съ инспекторомъ; часы не били на двѣнадцати, что являлось загадкой не только для учениковъ, но и для часовщика, приходившаго въ гимназію по понедѣльникамъ. Все оставалось прежнимъ и успокоительно дѣйствовало на нервы.

Въ ближайшее воскресенье директоръ пригласилъ его на преферансъ. Онъ пришелъ къ директору пунктуально въ назначенное время, но отъ картъ отказался, сказавъ, что у него сегодня почему-то дрожатъ руки. Кромѣ хозяевъ, въ гостиной сидѣлъ молодой историкъ Ивневъ.

Ханькинъ отошелъ къ директоршѣ и попросилъ позволенія сѣсть.

— Я долго шелъ, — сказалъ онъ, словно оправдываясь. — Трамваи въ воскресные дни бывають особенно переполнены, такъ что я предпочелъ дойти пѣшкомъ.

— Пожалуйста, пожалуйста, — съ необыкновеннымъ радушіемъ воскликнула директорша. Она стѣснялась положенія, въ которое Ханькина поставило его горе, точно онъ нуждался теперь въ непрестанномъ сочувствіи.

— Я, Полина Федоровна, уже сравнительно успокоился...

— Ну, вотъ и слава Богу. Можетъ быть, такъ Богу было угодно... А какъ Александра Ивановна?

Она хотѣла перемѣнить разговоръ.

— Я уже въ пятницу былъ спокоенъ или въ четвергъ, — съ разстановкой продолжалъ Ханькинъ, неподвижно сложивъ на колѣняхъ руки. Выраженіе его лица было неподвижно, даже брови не шевелились, и на сведенныхъ губахъ словно застыли морщины. Онъ глядѣлъ внизъ, на коверъ.

— Ну вотъ и хорошо. А почему вы не взяли съ собою Александрю Ивановну?

— Еще не можетъ. Она женщина и мать. А вы обратили вниманіе, сколько народу было на похоронахъ? сколько молодежи? курсистки, студенты, все товарищи... Когда шла процессія, народъ снималъ шапки. Вѣдь это теперь такъ рѣдко, — когда народъ снимаетъ шапки.

Директорша молчала; она не была на похоронахъ.

— Александра Ивановна навзрыдъ плакала, — продолжалъ Ханькинъ. — Было замѣтно, что онъ самъ себя мучаетъ. — Студентъ Бѣ... Бѣловахъ сказалъ рѣчь, молодежь плакала. Поставили крестъ, и вѣнки, выросъ свѣжій холмъ, пахнуцій землей... Или какъ сказалъ нашъ великій классикъ: „Цвѣль юноша вѣчоръ, а нынче умеръ, и вотъ его четыре старика несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу“... Когда погребали сына, моросилъ дождикъ.

Директоръ, историкъ и Полина Федоровна повернулись къ Ханькину, растроганные и смущенные въ одно и то-же время. Учитель сидѣлъ въ прежней позѣ, съ неподвижно лежащими на колѣняхъ кистями рукъ и глазами, устремленными на полъ. Въ его рѣсницахъ дрожали застѣнчивыя, безцвѣтныя слезы.

— Хоронили сына, — повторилъ онъ громко, — а меня, стараго, меня, ненужнаго...

Ханькинъ ударилъ себя въ грудь.

— Забыли, — вскрикнулъ онъ, выпрямившись, но тотчасъ же осѣлъ назадъ, покачнувшись всѣмъ туловищемъ и, слабо поддерживаемый за плечи директоромъ, сталъ медленно ползти внизъ.

II.

Подобные случаи съ Ханькинымъ стали повторяться часто. Однажды онъ упалъ въ церкви, напугавъ молящихся. Александра Ивановна стало его поднимать, но слабыя руки не нашли въ себѣ силъ поддержать тяжелое тѣло, неподвижно распростершееся на каменномъ полу, грязномъ отъ ногъ и обильно закапанномъ восковыми пятнами. Чужіе люди вынесли его мужа въ притворъ и тамъ приводили его въ чувство, при чемъ Александръ Ивановъ было мучительно неловко, словно она пріобщала къ своему интимному горю злослычную

уличную толпу. Въ другой разъ, покупая что-то въ магазинѣ, Ханькинъ разговорился съ приказчикомъ, и въ серединѣ неоконченной фразы задохнулся, вытаращилъ глаза въ тщетномъ усиліи глотнуть воздуха, и захрипѣлъ. Напуганный приказчикъ догадался поскорѣе принести воды, и только поэтому не приключилось обморока.

Къ тому же появилась безотчетная боязнь одиночества, когда все начинало казаться незнакомымъ и враждебнымъ, даже старый кабинетъ, свидѣтель его спокойной жизни, даже письменный столъ, въ которомъ Ханькинъ умѣлъ угадывать каждый скрипъ и зналъ до мелочей испещренное царапинами облѣзлое сукно. Его больше не интересовали синія ученическія тетрадки, съ рядами неуравновѣшенныхъ полудѣтскихъ почерковъ, а профессиональная зоркость въ отгадываніи самостоятельныхъ мыслей какъ-то стусевалась, утративъ бѣлую силу.

Старикъ приунылъ, одряхлѣлъ душой и опустился; сидѣлъ часами въ креслѣ и спрашивалъ самъ себя шопотомъ: зачѣмъ, куда ушелъ Ника?

— Зачѣмъ? куда?

На второй вопросъ еще можно было отвѣтить, а первый оставался безъ разгадки. Стало понятнымъ прежнее мирное житіе: тогда былъ Ника, и въ немъ смыслъ, и въ немъ жизнь, и въ немъ миръ.

Ханькинъ пробовалъ роптать. Но иконы глядѣли строго—трудно было, слѣпо вѣруя всю жизнь, подъ конецъ смѣнить раболѣпство на дерзость; хула гасла на его губахъ, а рука, сжатая въ кулакъ, распрямлялась неволью, слагаясь въ крестное знаменіе. По ночамъ же, послѣ такихъ мыслей, ему начинало казаться, что Богъ покаралъ сына за грѣхи отца, изъ которыхъ первый—маловѣріе.

Однажды, позднимъ вечеромъ, когда осеннія сумерки задумались, повиснувъ въ окнахъ неподвижной чернотой, на парадной рѣзко задребезжалъ колокольчикъ. Низкій женскій голосъ спросилъ прислугу:

— Николай Финогеновичъ дома?

Вѣроятно, прислуга переспросила. Голоса зазвучали снова, но такъ, что невозможно было уловить словъ. Учитель сидѣлъ у себя и слышалъ, какъ незнакомка назвала имя его сына. Онъ въ волненіи всталъ, наклонивъ голову, чтобы слышать яснѣе. Голоса смолкли, на мягкомъ коврикѣ въ прихожей зазвучали твердые шаги. Ханькинъ быстро обернулся: въ дверяхъ стояла незнакомая дама и смотрѣла на него въ упоръ. Картонный абажуръ надъ лампой скудно пряталъ свѣтъ, но онъ

П. И. Львовъ. Портретъ скульптора Козельскаго (†).

уловилъ ея взглядъ, словно свѣтящійся въ сумеркахъ, и правильныя, немного широкія формы ея фигуры.

— Съ кѣмъ имѣю честь,—началъ Ханькинъ.

— Простите, что я вторгаюсь къ вамъ такъ безцеремонно. Прислуга, открывая мнѣ дверь, кажется испугалась меня. Мнѣ хотѣлось бы увидѣть Николая Финогеновича.

— Присядьте,—сказалъ Ханькинъ, указавъ ей жестомъ на кресло и чувствуя, что говорить совсѣмъ не то, что хотеть.—Вамъ Николая?.. Такъ я его отецъ.

— Я рада познакомиться. Моя фамилія Дюваль.

Онъ теперь видѣлъ ее всю, сидѣвшую передъ нимъ и не спускавшую съ него своихъ свѣтящихся глазъ.

Ханькинъ молчалъ, собираясь съ мыслями.

— Мой сынъ умеръ,—сказалъ онъ наконецъ, тихо-тихо, почти шопотомъ, и закрылъ глаза, самъ испугавшись того, что онъ сказалъ. Незнакомка подалась къ нему всѣмъ тѣломъ, потомъ схватилась за виски.

— Умеръ?..

— Честное слово... застрѣлился.

— Я вамъ не вѣрю,—проговорила она, произнеся эти слова все тѣмъ же спокойнымъ груднымъ голосомъ, но глаза какъ-будто засіяли ярче. Ея тонъ странно подѣйствовалъ на Ханькина; онъ вдругъ ощутилъ необычайный приливъ бодрости, поднявшійся въ его груди отъ самаго сердца, вмѣстѣ съ горечью и наболѣвшей тоской. „Вотъ она, вотъ она, тайна“—подумалъ онъ.

— Вы его знали?..

Отъ волненія онъ закашлялся. Дама поднялась съ кресла, хотѣла пройти къ двери, но тотчасъ же остановилась и повернулась къ Ханькину. Она спросила односложно:

— Когда?

— Ужъ двѣ недѣли или больше. Сразу два выстрѣла.

— Записки онъ не оставилъ?

— Ничего.

— Расскажите мнѣ все подробно.

Она опять рѣшительно сѣла въ кресло, не глядя на Ханькина.

— Какъ же я буду вамъ рассказывать,— началъ Ханькинъ съ угрюмымъ раздраженіемъ.—Какъ же это я буду вамъ рассказывать, если мнѣ неизвѣстно, какая это дама сидитъ передо мною? Можетъ-быть, эта дама отняла у меня моего Нику...

Слезы безъ удержу хлынули изъ его глазъ, голова затряслась, и ноги подогнулись. Онъ съ трудомъ поборолъ свою слабость. Въ комнатѣ стало тихо. Незнакомка проговорила раздумчиво:

— Вы сказали правду, ничего не нужно рассказывать, все понятно и такъ. Если вы думаете, что я хотѣла смерти Николая, то вы очень ошибаетесь, очень, очень. Не въ чловѣкѣ тутъ дѣло, когда вопросъ касается смерти и жизни.

Дюваль собралась уходить.

— Но постоитъ,—удержалъ Ханькинъ, подбѣжавъ къ ней мелкими шажками и еле удерживаясь отъ желанія схватить ее за руку,— какъ же это такъ, я васъ спрашиваю, или вы не слышите? Это безчеловѣчно и жестоко, этому имени нѣтъ, я буду протестовать. Какое вы имѣете право посягать на мое отцовское чувство? Я тридцать лѣтъ учу дѣтей и двадцать одинъ годъ воспитывалъ сына, и теперь не допущу, чтобы чужая, неизвѣстная женщина разрушала мой очагъ! Я шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ вѣрилъ въ священное право отца, такъ кто же смѣетъ разрушить мою вѣру, и гдѣ же Богъ?

Силы, взбудоражившія старое тѣло, ушли, предательски оставивъ его въ отчаянную минуту. Ханькинъ опустился на колѣни и, скидывая руками передъ своимъ лицомъ, долго не могъ совладать съ мыслями и словами, вырывающимися съ его губъ, а потомъ упалъ лицомъ на полъ, почти задѣвъ край юбки Дюваль. Горячій туманъ застлалъ его глаза, онъ началъ кататься по полу и ловить руками громадные огненные шары, запрыгавшіе передъ его глазами и обжигавшіе пальцы. Когда же сознание прояснилось, онъ увидѣлъ себя на

диванѣ, ощутилъ на головѣ женину руку и возлѣ носа ѣдкій запахъ нашатырнаго спирта. Голова болѣла, точно съ похмѣлья, и что-то висѣло надъ нимъ, что онъ старался и не могъ разглядѣть.

— Что это?—спросилъ онъ одними губами.

Александра Ивановна взглянула по направлению его глазъ.

— Я ничего не вижу.

III.

Экономья силы, истощившіяся за послѣднее время до крайности, и ежеминутно опасаясь упасть въ обморокъ, учитель Ханькинъ нанялъ извозчика, что шло въ разрѣзъ съ привычками и обыкновениемъ его долготѣней трудовой жизни. Былъ воскресный день, но городская погода не только отказывалась символизировать какое бы то ни было воскресеніе, но, напротивъ, являла самую мрачную картину скорого и безнадежнаго увяданія. Вѣтеръ покручивалъ пыль, сбитую по краямъ торцовой мостовой, люди хмурились, но были обычно суетливы, солнце спряталось въ осовѣлыхъ облакахъ съ такимъ видомъ, словно дѣлало это въ послѣдній разъ. Бѣловахъ состоялъ воспитанникомъ филологическаго института, жилъ въ интернатѣ, и найти его поэтому не представляло никакихъ затрудненій. Пріемная оказалась наверху. Ханькину пришлось медленно и тяжело ползти вверхъ по лѣстницѣ, причемъ снизу на него смотрѣлъ подобострастный швейцаръ, а сверху иронически оглядывали беззрачковые бюсты греко-римскихъ классиковъ.

Студентъ Бѣловахъ съ недоумѣннымъ видомъ вошелъ въ пріемную, гдѣ кромѣ нихъ двоихъ никого не было, а когда увидѣлъ Ханькина, то удивился еще больше. Они сѣли за круглый, по казенному пустой столъ и долго ждали, когда Ханькина отпустить одышка.

— Голубчикъ мой,—сказалъ наконецъ учитель, отечески поглаживая жилистую руку студента,—не бойтесь, прошу васъ, говорить со мной напрямки, я уже достаточно успѣлъ перестрадать и перемучиться. Но успокойте вы мое израненное сердце, верните мнѣ миръ душевный, безъ котораго я потерялъ все—любовь къ жизни, любовь къ людямъ, къ самому себѣ.

Лицо у него было просительное, голосъ умоляющій: онъ походилъ на ребенка, которому не даютъ просимой вещи. Бѣловахъ смущенно забарабанилъ пальцами по крышкѣ стола.

— Собственно, я затрудняюсь,—началъ онъ, щуря близорукіе глаза,—я вѣдь не настолько ужъ былъ близокъ къ покойному, чтобы могъ

разсчитывать на полное довѣріе, и все такое... Я, ей-Богу, ничего не знаю.

— Вы мадамъ Дюваль знаете?

— Ахъ, мадамъ Дюваль,— сразу потупился Бѣловахъ.— Извольте, мадамъ Дюваль знаю, но что же мадамъ Дюваль? Вопросъ опять таки спорный. Наконецъ, для того, чтобы строить какія-либо предположенія, нужны факты... Насколько я догадываюсь, мадамъ Дюваль приходила къ вамъ спрашивать, живъ ли Николай?

— Приходила, а потомъ ушла.

— Ну, несомнѣнно, потомъ ушла, дорогой мой. Васъ обурялъ бѣсъ нетерпѣнія, и поэтому вижу, что мнѣ не отвертѣться. Извольте, расскажу, извольте...

Бѣловахъ всталъ, сильно заволновавшись, подошелъ къ дверямъ и поплотнѣй притворилъ ихъ, словно боялся, что разговоръ могутъ подслушать. Ханькинъ сидѣлъ неподвижно, дожидаясь объясненій. Тутъ онъ только въ первый разъ обратилъ вниманіе на то, что Бѣловахъ почему то разсердился, разстегнулъ тужурку и, когда петля зацѣпилась, онъ дернулъ за бортъ едва не оторвавъ совсѣмъ, повисшую на ниткѣ, пуговицу.

— Ей-Богу, все это ни къ чему не ведетъ. Если мадамъ Дюваль и виновна, то все же ее слѣдуетъ оправдать. Собственно никакой мадамъ Дюваль нѣтъ, это одна фикція, а существуетъ жена своего мужа, имени которой я считаю въ правѣ не называть, и притомъ маниакъ первостепеннѣйшей. Вы не подумайте дурно, отношенія между нею и сыномъ вашимъ были идеальнѣйшей чистоты, и я готовъ поклясться, что оставались такими до конца. Я былъ у нея всего разъ, такъ это, доложу вамъ, нѣчто метафизическое. Вы обратили вниманіе на ея глаза?—свести съ ума могутъ. Одни глаза. Вотъ вамъ причина.

— Причина глаза?

— Пойдите, я говорю нескладно... Сейчасъ соберусь съ мыслями.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Ханькинъ слушалъ съ видомъ величайшаго напряженія. Было все это тѣмъ болѣе странно, что Николай никогда, ни разу, не обмолвился о томъ, куда онъ ходитъ, а на его искренность старикъ всегда полагался. Кромѣ того, отъ слабости въ ногахъ и тряски на рессорной пролеткѣ, голова была затуманена, и казалось, что Бѣловахъ говоритъ одно, а онъ, Ханькинъ понимаетъ совершенно другое и никакъ не можетъ уловить руководящей нити.

— Вы вѣрите въ чудесное?—спрашивалъ Бѣловахъ, глядя на учителя съ высоты своихъ широкихъ плечъ.—Вообще, въ то, что не отъ міра сего? Бываютъ же такіе случаи... Эта мадамъ Дюваль имѣетъ удивительные глаза: не отъ міра сего. Сама тѣлесная, такъ сказать,

матеріальная, а глаза откуда то изъ Nirваны.

— Гдѣ же Николай познакомился?

— Ну, ужъ... Не въ этомъ дѣло, дорогой. Дѣло въ томъ, что необычайно трудно понять человѣка. Представьте себѣ женщину въ цвѣтущемъ возрастѣ, красивую, очаровательную, которая ищетъ одной платонической любви. Спросите меня: господинъ Бѣловахъ, вы человѣкъ нормальный, молодой, скажите же искренно, представляете ли вы себѣ самую идеальную любовь къ женщинѣ, безъ всякой примѣси чувственности? Нѣтъ, отвѣтите вамъ на это господинъ Бѣловахъ, идеаль идеаломъ, а природа отстаеся природой. Вотъ! И совершенно буду правъ. И такъ же былъ правъ Николай, котораго влюбила въ себя эта женщина, былъ правъ, не допуская половинчатой любви. Вы думаете, здѣсь нравственность, религія, боязнь нарушить супружескій союзъ? Въ томъ то и драма, что нѣтъ. Эта женщина органически не переноситъ даже мысли о физическомъ сближеніи, какъ объ оскорбленіи ея человѣческаго я. Это маниакъ, не допускающій ничего сверхъ братскихъ отношеній. Понимаете теперь?

— Какъ же... началъ Ханькинъ,—зачѣмъ же, погодите же...

Въ эту минуту въ пріемную вошли новые посѣтители. Среди нихъ была молоденькая, свѣженькая барышня, вызвавшая громкимъ голосомъ студента Иванюка. Отъ нея самой и отъ звонкаго голоса пахло здоровьемъ и молодостью. Была ли смѣшной названная фамилія, или ее такъ весело выкрикнула барышня, только кругомъ стало вольнѣй дышать. Разговоръ пришлось прекратить. Ханькинъ взялъ студента за обѣ руки и, потрясая ихъ, попросилъ почти молитвенно:

— Я надѣюсь на васъ, не покиньте старика. Я такъ еще все путаю: гдѣ истина, гдѣ вздоръ—все перемѣшалось. Но ябъ нужно же что-нибудь дѣлать... какъ-нибудь.

Почувствовавъ въ своемъ голосѣ дрожаніе, Ханькинъ быстро вышелъ изъ пріемной, благодаря чему немного просвѣтлѣло въ головѣ. Студентъ сошелъ его проводить.

— Голубчикъ,—говорилъ Ханькинъ жалобно, какъ ребенокъ,—дорогой мой, коллега... Что же это? Можетъ быть, это можно будетъ выяснить. Самъ я не могу, во мнѣ, понимаете, начинается кипѣть злоба.

Въ немъ дѣйствительно пробудилась злоба. Въ сущности, это было то же раздражительное состояніе, съ которымъ близко знакомъ всякій педагогъ его возраста, но сюда привѣшивалось еще мучительное сознаніе полного своего безсилія. Началось съ того, что студентъ Бѣловахъ показался не такимъ уже симпатичнымъ, какимъ

былъ прежде, раньше онъ не прибавлялъ къ разговору словъ: „дорогой“, „ну ужъ“ и проч., держался болѣе просто и не впутывалъ въ отношенія излишней развязности. Швейцаръ, подававшій пальто, съ оскорбительной небрежностью тряхнулъ поданнымъ пяталтыннымъ и нехотя открылъ дверь. Налетѣвшій на крыльцѣ вѣтеръ едва не сдулъ съ головы фуражку.

Все это раздражало и дѣлало путь утомительнымъ и долгимъ. Ханькину уже начинало казаться, что въ душѣ стерлась всякая печаль, уступивъ мѣсто одному недовольству, было скверно и хотѣлось злиться, какъ часто, въ дурную зимнюю погоду, когда кружить рѣзкій, сухой снѣгъ, хочется злиться на дворниковъ, загораживающихъ дорогу и скребущихъ снѣгъ прямо на ваши ноги. „Все это мелко и отвратительно,—подумалъ Ханькинъ,—отвратительно и мелко до стыда“.

Конечно, ему не нужно было ходить къ Бѣловахъ. Теперь Бѣловахъ думаетъ, что старикъ потерялъ голову и расклеился духовно и физически, а это оскорбительно. Въ печали человѣкъ долженъ быть гордымъ: кто даетъ радость, тотъ даетъ и испытаніе—такъ нужно Богу, который владѣетъ міромъ и человѣческими сердцами. Жаль сына и того, что онъ мало пожилъ, больше же всего жаль себя, потому что вотъ Бѣловахъ знаетъ, почему застрѣлился Ника, знаетъ еще мадамъ Дюваль, совсѣмъ чужая и, конечно, развратная женщина, какихъ много на Невскомъ, на Морской и вездѣ, вездѣ, гдѣ только можно поймать мужчину. А Бѣловахъ щадитъ, выдумываетъ небылицы. Знаетъ Бѣловахъ, знаетъ чужая женщина, а ему, отцу, приходится допытываться и вымалывать истину, какъ нищему. Вотъ это и есть самое оскорбительное.

Ханькинъ долгъ плелся чопорными, сѣрыми улицами; его толкали прохожіе, а откуда то взявшаяся собаченка долго бѣжала за нимъ, хватала за ноги и пронзительно лаяла. До дому онъ добрелъ окончательно утомленный. У самыхъ дверей онъ встрѣтилъ женщину, которая показалась ему знакомой. Она быстро прошла мимо Ханькина, слегка скользнувъ по немъ свѣтящимся взлядомъ, потомъ повернула и перешла улицу. Безъ сомнѣнія, это была мадамъ Дюваль.

IV.

Прошло нѣсколько дней, въ которые спокойствіе какъ-будто возвратилось къ Ханькину, по крайней мѣрѣ не было ни одного обморока, и уроки онъ досиживалъ, почти безъ труда владѣя собой.

Въ учительской старались съ нимъ не заговаривать, и поэтому настроеніе было подав-

ленное—съ одной стороны боялись, заговоривъ, коснуться больной темы, съ другой — выходило такъ, какъ будто Ханькина чуждались. Больше всѣхъ отъ создавшейся неловкости страдалъ директоръ, по натурѣ человекъ разговорчивый и общительный. У самого же Ханькина въ душѣ наступилъ переломъ; люди стали казаться ему довѣрчиво милыми, мягкими, предупредительными, способными на самые великодушные поступки. Онъ благодарно пожималъ руки сослуживцевъ, растроганно заглядывалъ имъ въ глаза и чаще обыкновеннаго умилялся надъ гимназическими сочиненіями. Быстро падающая осень дѣйствовала на его мысли умиротворяюще; установились печально-ясные осенніе дни, въ которые Петроградъ бываетъ облаканъ блѣдножелтымъ солнцемъ, несмѣлымъ, негорячимъ, какъ будто чахоточнымъ и трогательнымъ въ своемъ покорномъ умираніи. Надъ крышами домовъ висѣло бирюзовое небо; перспективы улицъ тонули въ туманной поволочкѣ, еще сухой и пріятной. Въ такіе дни и легче дышится, и работается охотнѣй.

Въ одну изъ средъ, когда у Ханькина бывало всего три урока, онъ долго ждалъ на перекресткѣ свободнаго трамвая, а потомъ ѣхалъ въ тѣснотѣ, на площадкѣ, среди простого рабочаго люда, отъ котораго пахло прогорклымъ, неприятно дурманящимъ запахомъ. Дома ему сказали, что его уже съ полчаса дожидается та самая дама, которая приходила въ субботу. Онъ вздрогнулъ, услыхавъ эту новость, переданную встревоженнымъ голосомъ, по его тѣлу проползла неприятная дрожь и похолодѣли колѣнки; онъ вошелъ въ свой кабинетъ съ почти суевѣрнымъ чувствомъ. Навстрѣчу ему поднялась субботняя незнакомка. Ханькинъ остановился у самой двери; ихъ встрѣча имѣла такой видъ, какъ будто они помѣнялись ролями хозяина и гостя.

— Здравствуйте,—сказала она ему низкимъ голосомъ, не подавая—быть можетъ, по забывчивости—затянутой въ перчатку руки.—Я знаю, это съ моей стороны непростительная смѣлость, но вѣдь убійцу всегда тянетъ къ мѣсту преступления. Да, да, именно я убійца вашего сына.

Ханькинъ сдѣлалъ нервное движеніе головой снизу вбокъ, какъ будто его поразилъ запахъ духовъ, исходившій отъ мадамъ Дюваль, и ничего не нашелся сказать.

— Тутъ безъ васъ меня проводили въ вашъ кабинетъ. Сосѣдняя комната принадлежала Николаю? Я украдкой вошла туда, сидѣла за его столомъ и цѣловала книги, которыя онъ перелистывалъ своими руками. Только я совсѣмъ,

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

совсѣмъ не умѣю плакать... я и говорю всегда спокойно, какъ безстрастная.

— Зато родители поплачутъ, — робко прервалъ Ханькинъ, кромсая потрепанный портфель, который онъ еще держалъ въ рукахъ, — намъ только и остается, что поплакать... Божья воля. Только одно мнѣ, старику, обидно... кто вы такая? Ходите, а меня въ потемкахъ держите. Развѣ такъ можно?

— Боже мой, вы не поймете, не поймете, — сказала она порывисто. — Развѣ важно имя, положеніе, названіе той улицы, гдѣ я живу, фамилія моего мужа? Не это важно, а то, что вотъ былъ человекъ, и застрѣлился. Все равно...

— Нѣтъ, это не все равно, — горячо сказалъ Ханькинъ. — Это для васъ, можетъ быть, все равно-сь, а для насъ напротивъ-сь. Чей онъ былъ сынъ? Вашъ? Кому онъ былъ сынъ? Кто вы ему? Отвѣчайте... Молчите, потому что вамъ нечего сказать, а я знаю, знаю. У меня въ груди не камень пудовый, а отеческое сердце. Я плохо владѣю собой, извините старика, но когда вотъ передо мной стоитъ эта... вотъ когда она передъ глазами, здѣсь, гдѣ для меня все свято его памятью, тогда я, извините, не въ силахъ... Я отлично знаю, кто вы. Вы развратная, продажная женщина.

— Вы меня оскорбляете, — покорно прошептала мадамъ Дюваль.

— Нѣтъ, это вы меня оскорбляете. Уйдите изъ моего дома и не приходите больше никогда, никогда. Пожалѣйте насъ.

Ханькинъ ходилъ, пошатываясь, въ узкомъ простѣнкѣ между дверью и книжнымъ шкафомъ. Лицо его было красно и подергивалось, а руки нашупывали воздухъ.

— Пожалѣйте насъ, — повторилъ онъ уже безъ гнѣва. Сдѣлалъ шагъ къ мадамъ Дюваль и сложилъ ладонями трясущіяся руки, какъ это дѣла-

ютъ на провинціальныхъ сценахъ драматическіе любовники. Потомъ онъ опустился передъ нею на колѣни, заплакалъ и добавилъ еще тише:

— Пожалѣйте же насъ.

— Встаньте, ради Бога, не нужно этого, — испуганно заговорила женщина. На ея лицѣ было столько муки и растерянности, столько прекраснаго, свѣтлаго въ каждой чертѣ нечеловѣческаго страданія, что оно казалось совершенно безтѣлеснымъ.

— Что же вамъ нужно? — тревожно спросилъ Ханькинъ, чувствуя, какъ раздраженіе гаснетъ въ немъ.

— Мнѣ такъ больно, — отвѣтила мадамъ Дюваль, проводя тонкими пальцами, затянутыми въ перчатку, по узкому лбу. Она прошла медленными шагами впередъ и прислонилась головой къ двери Никиной комнаты. Черезъ минуту, длившуюся долго, она сказала:

— Подарите мнѣ револьверъ, которымъ застрѣлился Николай. Я возьму его себѣ на память.

Ханькинъ покорно и молча всталъ, подошелъ къ письменному столу и отперъ ключомъ ящикъ.

— Вы его любили? — спросилъ онъ, глядя на свои руки.

— Да.

— А Ника?

— Навѣрное.

— И вы... вы замужемъ?

— Да, замужемъ.

— Вѣдь можно было устроить разводъ. Когда дѣло касается жизни и смерти, тогда нужно идти на все.

— Вы не поймете, не поймете... Меня не понимаетъ никто. Я любила не такъ, какъ Николай, не такъ, какъ всѣ. Развѣ такъ нужно походить на звѣря?

Глаза ея свѣтились и все лицо сіяло, словно за нимъ горѣла свѣча.

— Вы странная... — въ замѣшательствѣ проговорилъ Ханькинъ, выдвинувъ ящикъ стола и замеревъ въ этой позѣ. — Вы необыкновенная.

Мадамъ Дюваль взяла изъ его рукъ револьверъ и приникла губами къ холодному дулу.

— Холодное какое... И вѣдь это послѣднее, къ чему прикосался Николай; оно будетъ мнѣ памятью навѣки. Вамъ спасибо, не осуждайте меня...

— Осторожнѣе, заряженъ, — предупредилъ старикъ.

Онъ ничего не рассказалъ про это посѣщеніе женѣ, словно это была тайна, ему одному довѣренная, успокоился и пересталъ ощущать слабость въ тѣлѣ. Въ душѣ наступилъ миръ, вернулась вѣра въ людей и Бога. Словно его

оторвало сначала отъ земли, и онъ долго и слѣпо блуждалъ въ потемкахъ, пока снова не обрѣлъ подъ собой твердую почву. Стало все такъ же просто, какъ было: вверху Богъ, внизу люди, у людей грѣхъ, у Бога милосердіе.

Однажды выдался вѣтряный вечеръ. Сѣрое небо серdito грустило. На улицѣ уже зажгли электричество, которое никакъ не могло побѣдить дневного свѣта и поэтому казалось лишнимъ.

Въ этотъ вечеръ мадамъ Дюваль, перейдя улицу, въ послѣдній разъ поднялась по лѣстницѣ и позвонила въ квартиру учителя словесности. На ней была густая вуаль, шла она какъ то неровно, но голосъ, когда она заговорила съ прислугой, открывшей ей двери, былъ все такимъ же спокойнымъ, какъ и въ первый разъ.

— Баринъ дома? — спросила мадамъ Дюваль.

— Они, кажется, спятъ.

— Но, можетъ быть, вы разбудите?

Прислуга взглянула на нее недружелюбно.

— Они устали. Человѣкъ не молодой, а извольте-ка въ такую даль въ гимназію. Можеть, вы въ другой разъ зайдете?

— Нѣтъ, я не могу въ другой разъ.

Ханькинъ, лежавшій въ кабинетѣ на кушеткѣ, услыхавъ знакомый голосъ, почему то перетрусилъ. Такъ перетрусилъ, что еле смогъ приподняться, но встать на ноги у него уже не хватило силъ. Въ довершеніе всего онъ закашлялся. Мадамъ Дюваль отворила дверь кабинета; она не подняла вуали, а темнота била изъ комнаты ей въ лицо и дѣлала вуаль сплошной и непроницаемой. Онъ слышалъ только ея спокойный голосъ, которымъ она заговорила.

— Мнѣ такъ совѣстно, но, честное слово, это уже въ послѣдній разъ. Когда горитъ сердце, тогда невозможно разсуждать. Но меня тянетъ къ нему, въ его комнату, къ его столу, къ стѣнамъ, среди которыхъ онъ жилъ, къ потолку, который былъ надъ нимъ... Ради Бога, не бойтесь меня. Позвольте мнѣ пройти къ нему и посидѣть. Я только посижу, недолго. Честное слово, совсѣмъ недолго.

Она говорила, а въ это время уже шла къ двери.

— Хорошо, — пробормоталъ Ханькинъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Когда мадамъ Дюваль исчезла за порогомъ Никиной комнаты, онъ уже колебался, видѣлъ ли ее въ дѣйствительности, или у него начинался бредъ. И словно предчувствуя недоброе, сердце часто и гулко стало ударять въ грудную клѣтку.

— Мадамъ Дюваль, — слабо позвалъ Ханькинъ.

Ему не отвѣтили. Въ прихожей переминалась съ ноги на ногу недовольная насильнымъ вторженіемъ гостя прислуга; подошвы ея башмаковъ поскрипывали. Учитель, поставивъ обѣ ноги на полъ, перегнулъ впередъ туловище, оперся о край дивана руками, но встать по-мѣшалъ страхъ.

Позвалъ еще разъ; опять никто не отвѣтилъ. Дверь въ комнату Николая стояла открытой. Нужно было только подняться, пройти нѣсколько шаговъ и заглянуть внутрь, но даже думать объ этомъ не хватало мужества.

— Ай-яй-яй,—вдругъ забормоталъ старикъ,

подергивая бѣгающими по дивану пальцами. — Дарьюшка! — позвалъ онъ, едва ворочая языкомъ, — Дарья, Дарья!

И въ тотъ самый моментъ, когда на порогѣ выросла Дарьюшкина фигура, позади, за другимъ порогомъ, одинъ за другимъ, гулко прозвучали два выстрѣла. Ёдкій запахъ поползъ изъ отворенной двери.

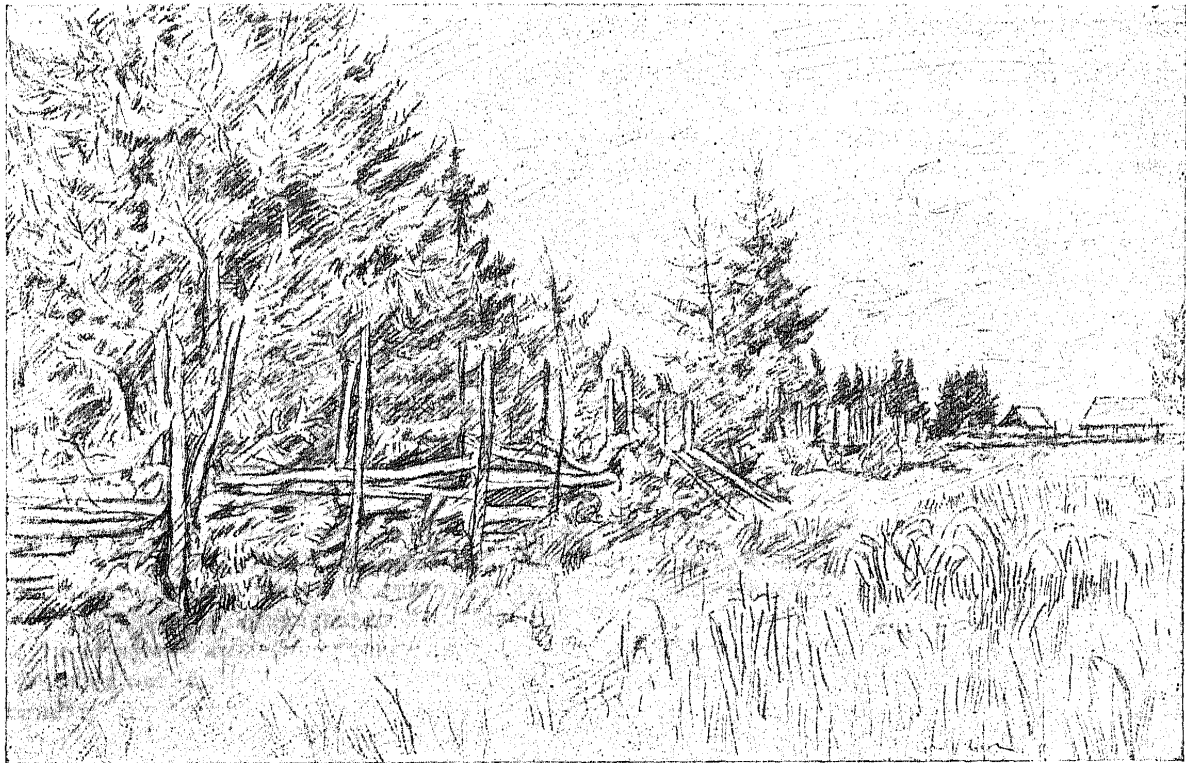
Въ окна тяжело глядѣлъ хмурый осенній вечеръ. Тамъ, за окнами, жалобно звонили къ вечернѣ, и медлительные звуки таяли въ воздухѣ, словно хлопья снѣга на мокрой осенней пансли.

Александръ Дроздовъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Совушка.

Разсказъ А. Тришатова.

I.

Не успѣли еще убрать большіе столы на площадкѣ подъ каштанами. Еще такъ недавно накрывали ихъ на четырнадцать человекъ, и цѣлый день не умолкали здѣсь смѣхъ и голоса. Только совсѣмъ поздно, когда съ густой листвы наползала внизъ чернота степной ночи, уносили босыя дивчата со столовъ въ домъ спрятанные въ стеклянныхъ колпачкахъ желтые огоньки садовыхъ свѣчей.

— Пока не начнутся дожди, къ обѣду гостить на каштановой площадкѣ, по старому, — такъ распорядилась Анна Павловна. И двѣ горничныя, Поля и Оксана, торопясь къ двумъ часамъ, расправляли аршинныя бѣлыя скатерти, разглаживая и растягивая негнущіяся плотныя складки. Три прибора: барыня, барышня и молодому панычу сдвинуты къ одному концу, и отъ этого столъ кажется еще болѣе пустымъ и громаднымъ.

Дѣвушкамъ нечего дѣлать. Теперь пойдетъ легкая работа. Одну изъ нихъ отпустить послѣ Успенья. Это черезъ четыре дня.

На бѣлую скатерть падаютъ два ярко-желтыхъ листа, но осени еще не чувствуется, и Анна Павловна идетъ къ столу, какъ всегда лѣтомъ, въ свѣтлой кружевной косынкѣ.

Паныча нашли дѣвушки за клуней, на соломѣ, съ деревенскими хлопцами, а за барышней напрасно обѣгали всѣ дорожки сада.

Сережа отъ клуни бѣжалъ бѣгомъ. Его волосы на непокрытой головѣ растрепались свѣтлыми, выцвѣтшими на солнцѣ, прядками, лицо раскраснѣлось. За лѣто Сережа сильно вытянулся и загорѣлъ, какъ цыганъ.

Онъ стоитъ на ступенькахъ балкона и кричитъ въ садъ, приложивъ ко рту загрубѣвшія, замозоленные ладони.

— Ан-ка-а, Ан-ка-а, Ан-ну-ся!

Неокрѣпшій басъ рвется въ высокія альтювыя ноты, и эхо на скалахъ за Каменной балкой четко повторяетъ: — у-ся...

Аня слышитъ голосъ Сережи. Это ее зовутъ обѣдать. Она встаетъ съ травы, гдѣ лежала, но идетъ не на зовущій голосъ, а еще дальше отъ дома.

Черезъ малинникъ она выбирается къ мелкой узкой рѣченкѣ съ обрывистой кручей берега. Пачкая въ глиняный локоть кофточка, Аня скользитъ внизъ и по брошеннымъ тамъ камнямъ перебирается на другую сторону. Мимо

старыхъ изогнутыхъ ветель, чрезъ густую ольховую заросль, она выходитъ въ степь.

Мама будетъ сердиться. Пускай. Ей теперь все равно. Она все уже передумала и рѣшила.

„Ахъ скоро, скоро поѣздъ грянетъ,
„Звонокъ уныло зазвенитъ...

Вотъ только дождется Мишинаго письма, а тамъ уѣдетъ, совсѣмъ уѣдетъ изъ дома.

Степь знакомою, такую привычною ширью, уходитъ далеко, далеко...

Хлѣбъ убранъ и свезенъ, и можно идти, не выбирая дороги. Трава пожухла за июльское солнце въ коричневатыя, бурья пятна, и только цвѣты безсмертниковъ поднимаютъ свои негнуціяся, точно клеемъ обведенныя, головки. Солнце грѣетъ по лѣтнему, но зной не дрожитъ надъ степью, и сквозь прозрачность начинающейся осени простымъ глазомъ различаешь далеко-далеко блѣдноватую грядку кургановъ.

Аня выходитъ на шляхъ и останавливается. Помнить, какъ недавно ѣхали здѣсь, провожали уѣзжающихъ. Петя съ товарищами поѣхали на двухъ линейкахъ. Кто — верхомъ. Дѣвочкамъ же заложили коляску. Аня въ коляску не сѣла. Остановила весь выѣздъ. Поссорилась съ братомъ, но заставила Петра пересѣсть. Поѣхала въ линейкѣ потому, что хотѣла быть съ Мишей.

Было жарко, сидѣть тѣсно, все сползала съ сидѣнья и локтемъ стучалась о крыло задка. Съ Мишей сидѣли спинами, поэтому плохо видѣла его лицо и не налаживался разговоръ. Петя все время свой экипажъ ровнялъ съ ними, съ Мишиной стороны. Звонко переговариваясь, они смѣялись чему-то своему, непонятному Анѣ, и она помнитъ, какъ низко спустила на глаза она свой бѣлый платокъ, когда версты за три до Петровскаго Миша совсѣмъ пересѣлъ въ коляску, пристроившись кое-какъ на подножкѣ.

На станціи всѣ были грустныя, разстроенныя. Петръ со студентами ушелъ пить пиво. Оно все что-то хотѣла сказать Мишѣ, но не находила словъ. Выговаривалось все одно. — Вы мнѣ, Миша, напишите? хорошо? Вы мнѣ напишите, когда прїѣдете?

Противъ кассы, на оштукатуренной бѣлой стѣнѣ, на огромномъ плакатѣ, ярко-желтый левъ, наступивъ лапой на плитку шоколада, разѣвалъ красноватую пасть. Когда лѣтомъ прїѣзжали на вокзалъ и смотрѣли на картинку, то всегда смѣялись и кто-нибудь острилъ:

— Этотъ левъ хочетъ сказать: „покупайте мой шоколадъ, а не то я васъ съѣмъ“. — Теперь же отъ желтаго пятна все казалось бессмыслен-

нымъ, злымъ, и къ горлу подступали слезы. Назадъ ѣхала, какъ убитая, ничего не слышала и не помнила.

Земля шляха тверже камня. Легкая сѣрая пыль легла сверху, но и сквозь нее ногѣ больно ступать. Какъ-то вдругъ почувствовала это, хотя, не замѣчая, шла по шляху давно... Теперь сошла съ дороги въ темныя грядки — полосы поломанной кукурузы. По темнымъ зеленымъ верхушкамъ спрятавшейся внизу балки поняла, что отъ дома ушла далеко. Повернула и пошла степью внизъ, туда, гдѣ угадывала густыя ольхи надъ невидной отсюда рѣчкой. Домой пришла черезъ леваду и садъ, но въ домъ не пошла, а свернула къ флигелю, гдѣ лѣтомъ жилъ Петръ съ гостями-товарищами.

Любила этотъ флигель, любила всегда, любила четыре тоненькихъ колонки у входа и потолокъ, выкрашенный въ блѣдно-голубую краску, когда войдешь. Любила маленькія, квадратныя окошки въ толстыхъ стѣнахъ, отчего подоконники были большіе-большіе, и на нихъ можно было забираться съ ногами. Въ дѣтствѣ бѣгала сюда къ горничнымъ-дѣвушкамъ, и подъ ихъ пѣсни, прятаясь въ ихъ колѣняхъ, засыпала на ступенькахъ крыльца.

Когда флигель отдали Петру, почувствовала, что точно это у нея его отняли. Сердилась на мальчишекъ, которыхъ Петръ привозилъ съ собой изъ гимназіи каждое лѣто, дичилась ихъ, завидовала имъ, завидовала ихъ свободной, веселой жизни, а теперь... полюбила Мишу и все забыла.

Дѣвушки уже убрали здѣсь во всѣхъ комнатахъ. Унесли постельное бѣлье, подушки, ковры. Завѣсили зеркала, а въ боковой комнатѣ, гдѣ жилъ Миша, круглый столъ сложили и сдвинули къ стѣнѣ.

Окна раскрыты, и комната кажется очень большой и совсѣмъ пустой... Вонъ Мишинъ уголъ. Его постель... Съ подоконника позабыли взять форфоровую кружку для цвѣтовъ.

Цвѣты сохранились въ ней, хотя засохли. Двѣ розы на бѣломъ блескѣ подоконника смѣшали свои осыпавшіяся лепестки въ крапиво желтую грудку. Аня собираетъ ихъ къ себѣ на ладонь, тихо-тихо дуетъ, точно ласкаетъ. Постель складная. Холстъ натянута на рамку желѣза. За лѣто тугая матерія промялась двумя неровными углубленіями.

Аня осторожно сыпаетъ сухіе лепестки назадъ на подоконникъ и ложится на постель. Этого никто не видитъ, и ея руки ласкаютъ и глядятъ матерію, и губы больно прижаты къ желѣзному острому краю. Ее охватываетъ боль-

шая, точно плывущая на нее, необъяснимая радость. Сегодня непременно, непременно будетъ письмо. Она почувствовала это утромъ, когда проснулась. Изъ экономіи за почтой поѣдутъ только завтра, но она сама съѣздитъ къ шестичасовому поѣзду, вѣдь письмо пришло и ждетъ ее. Никогда она не ошибается въ своихъ предчувствіяхъ. И ей хочется не шевелиться, лежать такъ, прижавшись горячимъ ухомъ къ холодноватой жесткой матеріи, точно прислушиваясь къ чему-то своему, непонятному для всѣхъ другихъ. Отсюда снизу комната кажется новой, и—какъ-то по новому красивой. Въ саду начался вѣтеръ, и вѣтки сирени царапаютъ стѣну сквозь незакрытое окно, и ей хорошо, хорошо... Она думаетъ про Мишино письмо. Ей кажется, что она уже его читала, знаетъ все, что Миша написалъ.

Конечно, Миша прямо ничего не скажетъ, но вѣдь она угадаетъ по самому маленькому словечку. О только немножко увѣренности. Иногда ей такъ нужно ее. Иногда такъ холодно и страшно становится, а если... вѣдь Миша... нѣтъ, нѣтъ... правда вышло такъ, что они съ Мишей прямо ничего не сказали другъ другу... Но развѣ можно, чтобъ Миша не видѣлъ, не понималъ.

Она помнитъ, какъ когда-то вошла въ эту комнату. Весь флигель былъ пустой, и только Миша возился на полу съ какими-то листами бумаги и чертежами. Онъ былъ безъ курточки, въ нижней рубашкѣ, и ползалъ на колѣняхъ. Онъ сконфузился при видѣ ея, а она сѣла тогда сама на полъ рядомъ съ нимъ, такъ просто, такъ тихо, безъ словъ... Вѣдь тогда она въ первый разъ поняла, что любить Мишу до готовности на самый безумный шагъ, и, низко наклонясь, смотрѣла на непонятные чертежи, точно видѣла въ нихъ планъ чудесной, новой, только что открывающейся передъ нею безумно радостной жизни...

Аня потянула за шнурокъ на шеѣ и вынула маленькіе часики. Было еще, пожалуй, рано. Но вѣдь нужно еще отыскать Сережу, а потомъ она не хочетъ, не можетъ больше ждать. Скорѣе, скорѣе держать въ рукахъ полученное письмо!!

II.

Что это? Сережа въ своихъ страшныхъ длинныхъ сапожищахъ, въ кепкѣ, съ хлыстомъ, возится около Красавчика.

— Сережа, ты верхомъ собрался?—

— Гы, Ануська! Я сегодня чортотъ поскачу.

— Братушка, ты вѣдь съ Красавчикомъ еще двѣ недѣли жить будешь. Брось, не катайся сегодня, повези лучше меня въ Петровское.—

Этого Сережа не ждалъ. Ему жалко оставить Красавчика, но онъ гордъ, что теперь уже его просятъ, какъ взрослога, и онъ думаетъ, что надо сдѣлать удовольствіе Анкѣ... Все-таки онъ колеблется и важно баситъ.

— Можетъ быть, и лошади нѣтъ свободной? На чемъ мы поѣдемъ?..

— Да ну тебя, Сергѣй,—сердится Аня.—Пойдемъ за Бѣлоножкой.

Вѣтеръ крутитъ солому и птичій пухъ, и Аня слышитъ что-то вродѣ грома. Ну вотъ, теперь начнутся всякія задержки и затрудненія.

— Скорѣй, скорѣй,—торопитъ она Сережу.

По двору изъ конторы идетъ Петръ Карловичъ, крутитъ головой, показываетъ пальцемъ на небо, кричитъ.

— Сережа, что это вы? Никакъ собираетесь куда? Вѣдь гроза! Глядите...

Отъ каменной балки ползетъ темно-синяя туча, и блѣдныя, далекія молніи вспыхиваютъ на ней.

— Ахъ Петръ Карловичъ, волнуется Аня,—Никакой нѣтъ тучи. Туча пройдетъ мимо. Теперь лѣтомъ тучъ бояться! Скоро насъ со всѣмъ запрутъ въ домъ.

Слава Богу, кажется, все. Сережа уже верхомъ на дрожкахъ и балуется съ Бѣлоножкой. Ну вотъ такъ и есть! Отъ дома бѣжитъ Поля. У Ани нѣтъ съ собой ни платка, ни верхней кофточки, но теперь уже поздно.

— Сережа, это отъ мамы. Пожалуйста, погоняй скорѣй.

— Панычъ, панычъ, ой же не поняйте,—кричитъ Поля.

— Тю! задавлю, Пелагея Михайловна,—хохочетъ Сережа, и дрожки, подымая пыль, стучатъ по деревянной настилкѣ мостика за воротами ограды...

Когда Сережа подбадриваетъ Бѣлоножку, и она шагомъ одолѣваетъ подъемъ, тамъ гдѣ шляхъ мимо откосовъ каменной балки подымается вверхъ, чтобы потомъ долго тянуться ровной желтой степью, порывъ вѣтра заставляетъ дрожки остановиться. Аня за Сережиной спиной спасается отъ столба сѣрой каменной пыли, и когда вихрь проносится, долго видно, какъ гнутся и качаются тополи близкаго сада.

Сережа чувствуетъ себя взрослымъ и обезпкоеннымъ.

— Анка, можетъ быть, мнѣ одному съѣздить. Ты бѣги домой. Промочить тебя, и ты еще простудишься.

Но Аня прижимается щекой къ теплой потной спинѣ брата. Ей хорошо и удобно сидѣть.

за Сереей. И сердце только ширится отъ вѣтра и грома, потому что въ шумѣ кругомъ она слышитъ только шумъ своей бурной радости.

— Нѣтъ, Серееенька, дождя не будетъ.

Бѣлоножка быстро бѣжитъ ровною степью, и тяжелые, острые кусочки земли выбиваются изъ подъ ея копытъ. Пыль легла сѣрой ряской на Серееины колѣни и сапоги, и, когда онъ оборачивается, Аня дуетъ ему въ лицо и смѣшливо однимъ пальцемъ стираетъ сѣрый налетъ со свѣтлыхъ по дѣтски бровей. У Серееи руки съ вожжами, и онъ на ласку сестры трясетъ головой и бодаетъ ее своимъ упрямымъ, смуглымъ лбомъ; отъ этого фуражка ползетъ на затылокъ, и Анѣ нужно ее держать, чтобы она не очутилась подъ колесами дрозжекъ. Ея руки обхватываютъ Серееину голову, и она удерживаетъ ихъ у него на шеѣ. Ей грустно:—Миленькій Серееинька, она скоро его больше не увидитъ.

Серееа не понимаетъ ея печальнаго тона.

— Анка, а ты поѣзжай со мной вмѣстѣ въ Бахмутъ. Мнѣ самому вѣдь скучно въ гимназiи.

— А со мной ты не будешь скучать? Ты меня любишь, братушка?

Но Сереежъ не нравится говорить про любовь, и потомъ Бѣлоножка бѣжитъ тише, и ему неудобно, и больно шею...

— А помнишь, вспоминаетъ онъ, я тебя дразнилъ: Анка-болванка,—а ты сердилась и жаловалась на меня Петру.

Анѣ такъ радостно и грустно, и Серееа милый, милый маленькій братушка, и она ему скажетъ:

— Я, Серееа, скоро уѣду дальше Бахмута. Гораздо дальше. Я, Серееа, совсѣмъ уѣду.

Но Серееа не понимаетъ. Аня смотритъ широкими глазами въ степь, темную, темную отъ закрывшей все тучи, и изъ груди ея рвется пѣсня, пѣсня подслушанная въ людской, у Поли и дивчатъ.

Скоро, скоро поѣздъ грянетъ,
Звонокъ уныло зазвенитъ,
Кого-то съ вами здѣсь не станетъ...

Дальше словъ она не помнитъ, да ей и не нужны слова.

Дождь сначала долго падалъ тяжелыми рѣдкими каплями, отъ этого на пыли дороги закатывались мокрые шарики, и грязныя пятна ползли по Серееинымъ брюкамъ. Но теперь дождь пошелъ болѣе частый, хотя мелкій. У Ани уже мокрая вся спина, и вода щекочетъ, стекая за воротникъ на шею... Аня уже видитъ высокую вальцовую мельницу. Это близко Петровское.

— Поѣзжай, Серееа, поѣзжай...

Около почты приходится долго ждать, и потомъ чиновники такъ медленно двигаются. Аня вся блѣдная отъ нетерпѣнiя, и когда беретъ письмо, руки дрожатъ и сердце колотится неровными быстрыми скачками. Аня за дверью растегиваетъ пуговицу кофточки и быстро прячетъ письмо подъ мокрую матерiю. Сейчасъ читать она не можетъ. Она только какъ сумасшедшая бѣжитъ къ Сереежѣ, но Серееа обезпокоенъ и не видитъ ея порывистыхъ движенiй. Онъ смотритъ вверхъ, гдѣ тучи, мутно желтыя, странно кружатся и кладутъ зловѣщую тѣнь на широкую притихшую улицу.

III.

Нельзя раскрыть глазъ—ихъ заливаютъ. Аня обѣ руки прижала къ груди, защищая письмо. Въ ея башмакахъ вода. Струи холодной воды льются съ волосъ внизъ за шею, и когда Бѣлоножка начинаетъ бѣжать, цѣлые пласты земли ложатся на юбку, и оттого юбка, какъ желѣзная...

Дорога, бывшая за часъ сѣрымъ камнемъ, лежитъ мягкая, черная, и съ звонкимъ чоканiемъ снимаютъ съ нея колеса жирные грязныя ремни...

Аня слѣзаетъ у Каменной балки, бѣжитъ полемъ черезъ клеверъ, потомъ черезъ садъ. По боковой лѣстницѣ пробирается въ домъ и внизу снимаетъ башмаки, изъ которыхъ на полъ стекаютъ лужицы воды.

Босикомъ, чтобы не услышала мать, она бѣжитъ къ себѣ наверхъ. Запираетъ дверь, и упавъ, на полу, прижавшись къ постели, долго съ трудомъ разбираетъ разбухшiя буквы намокшаго письма...

— Вотъ я и пишу вамъ, Аня, какъ обѣщаль. Только что приѣхаль въ Москву, и послѣ вашихъ палестинъ, точно въ водоворотѣ верчусь. А славная штука городъ. Вотъ такъ просто, Аня, смотришь, какъ идутъ прохожiе, какъ торопятся, съ бодрими, озабоченными лицами, и въ тебѣ уже удесятерается энергiя, растутъ силы. Хочется двигаться, спѣшить, горы vorочать. Ахъ, Аня, мнѣ теперь чудно, какъ я сумѣлъ два мѣсяца прожить такую растительной жизнью, на травкѣ пасса... хотя, чортъ возьми, все таки славное это было время. Главное, милая компанiя. Я такъ сдружился съ Вольдемаромъ, что мы думаемъ вмѣстѣ съ нимъ прожить всю зиму, Вы что-то имѣете противъ него. Это все тотъ разговоръ на снѣгѣ. Да, Вольдемаръ былъ тогда рѣзко откровененъ, грубъ даже, но вы по одному случаю разъ навсегда рѣшили, и кончено. Я знаю васъ, упретесь во что-нибудь, такъ молъ, а на дѣ-

лѣ совсѣмъ не такъ. Петра вашего невидѣлъ. Да, всѣ завертѣлись, забѣгались. Сейчасъ идемъ въ театръ, взяли ложу въ Большой, всей лѣтней компаніей. Вотъ увижусь и съ Петромъ. А пріятно будетъ опять посмотрѣть на толпу, почувствовать себя единицей въ человѣческой массѣ. Вы этого ничего не понимаете. Вы у себя, небось, по прежнему по вечерамъ совъ передразниваете или костры жжете. Эхъ вы—язычница. А жаль, Аня, что вы дѣвица, славный бы изъ васъ могъ выйти товарищъ. Право, я говорю. Ну, поблагодарите меня. Я свое обѣщаніе теперь выполнилъ. До свиданія... Съѣшьте тамъ за меня самую сладкую грушу. А вкусныя у васъ груши...

Не пошевелинулась; такъ и просидѣла на полу, пока не пришелъ Сережа, не началъ стучать въ дверь, звалъ ужинать.

Аня прошла черезъ комнату. Толкнула половинки окна. Холодный вѣтеръ ворвался, зашуршалъ на столѣ, трепля листы книги.

Изъ сада глядѣла черная ночь... Дождя нѣтъ, но по небу бѣгутъ быстро, быстро низкія осеннія холодныя облака... Внизу въ окнѣ горитъ свѣтъ, и желтый четырехугольникъ ложится на кусты жасмина и кусочекъ дорожки. Видно, какъ на листьяхъ жасмина дрожать дождевыя круглыя капли.

Аня съ головой закуталась въ платокъ и согнулась въ окнѣ.

Въ комнатѣ свѣта нѣтъ. Темно. Темно въ саду.

Затвердившійся съ утра мотивъ опять лѣзетъ въ голову и хочется отъ него какъ нибудь отдѣлаться, отмахнуться.

Скоро, скоро поѣздъ грянетъ,
Звонокъ уныло зазвенитъ...

Дѣтской глупой затѣей, смѣшнымъ нелѣпымъ сномъ кажется рѣшеніе, все, съ чѣмъ успѣла сжиться за эти дни. Боль обиды вырывается рѣзкимъ ненужнымъ крикомъ.

Вспомнила:—Вотъ вы тамъ теперь кричите по совиному... Жаль, что вы дѣвица... Еще груши вкусныя...—Да...

Замерла, и такъ сидѣла. Шумѣли, шумѣли каштаны въ черномъ саду.

— Совушка, попросила дѣвушка, совушка, покричи мнѣ про жизнь...

Нашла письмо. Подобрала съ полу. Разорвала на мелкія клочья, бросила въ окно. Часть бумажекъ упала на вѣтку жасмина. Листочки закачались, и задрожали свѣтлыя, крупныя капли...

Гдѣ то близко, какъ злые дѣти, кричали, пронзительно перекликались, плакали двѣ совы.

„Мало-Николаевка“
1912 г.

А. Тришатовъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Миніатюры.

Б. Патлажанъ.

I. Человѣкъ.

Я сидѣлъ на берегу озера и курилъ. Я отвлекся отъ собственныхъ думъ, заботъ и цѣлей, отдавшись весь созерцанію дивной природы. Солнце заходило, и по солнечному прощалося съ землей, цѣлуя своими лучами зеленое, какъ цвѣтъ надежды, озеро, берега, цвѣты и одинокихъ прохожихъ. Было тихо и, казалось, никто не смѣетъ нарушить религіознаго молчанія умирающаго дня.

— Позвольте закурить, обратился ко мнѣ молодой на видъ человѣкъ, сидѣвшій на скамьѣ рядомъ со мной.

— Пожалуйста. Я вынулъ изъ кармана спички и подаль ихъ ему.

— Простите... Спички у меня есть, но закуриваютъ вѣдь не спички, а папиросу.

Я невольно улыбнулся и поспѣшилъ предложить ему папиросу. Онъ закурилъ съ видимымъ удовольствіемъ, и тономъ, въ которомъ слышалось раздраженіе, обратился ко мнѣ:

— Вы, можетъ быть, недовольны тѣмъ, что я васъ побезпокоилъ, въ то время, какъ вы мирно сидѣли, всецѣло отдавшись созерцанію природы, но чѣмъ же я хуже природы,—вѣдь я тоже твореніе природы, чортъ возьми.

— Отчего вы сердитесь? Вѣдь я вамъ пред-

ложилъ папиросу, и не въ претензіи за безпокойство.

— Предложили! Конечно, вамъ неудобно было отказать. Вы, можетъ быть, больше думали о папиросѣ, чѣмъ обо мнѣ, предлагая ее... Вотъ ужъ полчаса, какъ я сижу рядомъ съ вами, и вы на меня не обращаете никакого вниманія, вы не сказали ни одного слова, ни разу даже не посмотрѣли въ мою сторону.

— Послушайте! Почему вы со мной говорите такимъ тономъ, какъ будто я вашъ подсудимый? Вы забываете, что я съ вами не знакомъ и совершенно васъ не знаю.

— Не знакомы! Не знаете! А солнце вы знаете? Съ облаками вы знакомы? Озеро, горы, деревья вы знаете больше, чѣмъ меня? Кто васъ съ ними познакомилъ, позвольте васъ спросить... Вы сидите, смотрите на нихъ, глазъ съ нихъ не сводите, а на меня никакого вниманія, будто я не существую... Чѣмъ же я хуже горъ, проходящаго облака, лѣса? Вѣдь я человѣкъ!

Начавшее было во мнѣ расти возмущеніе улеглось: меня эта исторія начинала интриговать, и я удивленно смотрѣлъ на этого незнакомца, не зная, что ему отвѣтить...

— Напрасно вы полагаете,—рѣшился я, на-

конецъ, что-нибудь сказать вмѣсто отвѣта,—напрасно вы думаете, что я не хочу удостоить васъ своимъ разговоромъ, наоборотъ, если вамъ это только желательно и пріятно, я съ удовольствіемъ съ вами поболтаю.

— Да. Мнѣ желательно и пріятно.

— Вы-ы-ы... Кто вы такой собственно, чѣмъ вы занимаетесь?

— Такъ и предчувствовалъ, что зададите мнѣ этотъ вопросъ: чѣмъ я занимаюсь. Не все ли равно чѣмъ? Если скажу вамъ, что художникъ, вы не замедлите меня оповѣстить о томъ, что вы прекрасно знаете всѣ европейскіе музеи, что вы вообще много путешествовали и многое видѣли, что Рафаелевскія мадонны вашъ излюбленный женскій типъ, что по вашему греки немного холодны въ пластическомъ искусствѣ. Скажу вамъ, что борець,—вы навѣрно скажете, что видѣли лучшихъ борцовъ, что отлично знакомы съ Поддубнымъ, и что въ борьбѣ вы цѣните ловкость и школу, но отнюдь не торжество грубой силы. Какую бы профессію я не назвалъ, ваша бесѣда будетъ вращаться въ ея сферѣ. Но вы представьте себѣ, что я ничѣмъ не занимаюсь, о чемъ вы тогда со мной поведете разговоръ? И я заявляю вамъ, что я ничего не дѣлаю, но что же изъ этого слѣдуетъ? Вотъ то дерево или озеро, теперь тихое и спокойное, ничего не дѣлаетъ, развѣ поэтому оно перестаетъ быть озеромъ? Передъ вами человѣкъ, вы понимаете, человѣкъ. Чѣмъ бы я ни занимался, я не перестаю быть человѣкомъ, если я ничего не дѣлаю, развѣ это мѣшаетъ быть человѣкомъ,—мнѣ кажется наоборотъ...

Моя мысль бессильно искала выхода, по-

чувствовавъ себя внезапно въ плѣну этой неожиданной рѣчи. Мнѣ хотѣлось ему что-нибудь возразить, просто отвѣтить, но я не зналъ никакъ, ни что ему сказать.

— Вы говорите съ какимъ-то страннымъ акцентомъ, замѣтилъ я ему лишь бы что-нибудь сказать. Меня интересуетъ, откуда вы и какой вы національности.

— Ну вотъ, и переѣхали изъ пустого въ порожнее. Допустимъ, я вамъ скажу откуда я, я знаю, вы сейчасъ же поведете бесѣду о видѣнныхъ вами странахъ, о расовыхъ особенностяхъ и т. п., но представьте себѣ, что никакая страна не моя, вѣдь я вамъ уже говорилъ и теперь повторяю, что передъ вами чело-вѣкъ, и только. Понимаете вы меня или нѣтъ?

При всемъ моемъ желаніи, я не могъ придумать о чемъ бы такомъ съ нимъ заговорить, что могло бы его удовлетворить, какъ чело-вѣка и только какъ такового.

Онъ вынулъ портсигаръ, полный папиросъ, и предложилъ мнѣ.

— ?? У васъ имѣются папиросы?

— Какъ видите... Но вамъ всегда нужно, чтобы какой-нибудь посторонній элементъ васъ познакомилъ съ человѣкомъ, будь это хотя бы такой пустякъ, какъ папироса. Возьмите, превосходный табакъ.

Я взялъ папиросу, чувствуя, что повинуюсь его волѣ.

— Теперь мы квиты, сказалъ онъ, совершенно квиты... Прощайте.

И, поднявшись со скамьи, онъ увѣреннымъ шагомъ удалился.

Монтре. 1915 г.

II. Двѣ войны.

— Не нравится мнѣ мой квартирантъ,—говорила женщина своей сосѣдкѣ, сидя за воротами на скамьѣ за вязаньемъ.—Тутъ что-то неладное, подозрительное. Его счастье, что онъ русскій, а не иностранецъ какой-нибудь, или жидъ, и что аккуратно платитъ за квартиру, а то ужъ давно обратила бы на него вниманіе комиссара полиціи.

Сосѣдка приподняла голову, вопросительно взглянувъ на говорящую, не переставая вязать.

— По его словамъ онъ никогда не былъ солдатомъ: его признали негоднымъ по нездоровью, но если мой мужъ старикъ ушелъ послужить родинѣ, онъ то ужъ могъ бы пойти, но это еще съ полбѣды. Самое подозрительное то, что онъ никогда не говоритъ о войнѣ. Иногда подслушиваю его разговоры съ товарищами, такъ, о чемъ угодно болтають,

только не о войнѣ. Ни одного плохого слова о нѣмцахъ или австріякахъ отъ него еще не слышала и всегда равнодушенъ къ сообщенію штаба, хорошее ли оно или плохое. Онъ, конечно, старается казаться такимъ равнодушнымъ и воображаетъ, что я не вижу его насквозь. Я отлично понимаю, что тутъ что-то неладное: если бы мой мужъ былъ здѣсь, онъ бы его навѣрно мигомъ раскусилъ, а можетъ просто вышвырнулъ бы. Но я этого не хочу, зачѣмъ. Онъ хорошо платитъ, это мой лучший квартирантъ. Я даже виду не показываю, что понимаю что-нибудь, а то онъ еще это замѣтитъ и самъ улизнетъ, теперь же квартирантовъ не такъ легко найти, вѣдь теперь не то, что въ мирное время. Но все же онъ подозрительный субъектъ...

— Я помню, когда объявили войну (онъ уже тогда жилъ у меня), и я ему сообщила объ

этомъ, вся и радостная, и печальная, и взволнованная, а онъ какъ будто даже не удивился,—стоитъ, какъ дубина, и смотритъ на меня, такой спокойный, будто ничего не случилось. Какъ вспомню объ этомъ, такъ и побѣжала бы къ комиссару. Я была имъ взбѣшена, больше, чѣмъ бошами. Могу поклясться, что тутъ что-то неладное. Онъ очень подозрителенъ, закончила она со вздохомъ.

На самомъ дѣлѣ квартирантъ не былъ подозрительнѣе ея самой.

Этотъ человекъ прямо не зналъ, что значить миръ.

Въ жизни, какъ и въ себѣ самомъ, онъ безпрестанно наблюдалъ неустанную и жестокую борьбу, вѣчное военное положеніе. Борьбу человека съ человекомъ, человека съ обществомъ; борьбу людей съ природой, мужчины съ женщиной, безобразія съ красотой, несчастныхъ со счастливыми, слезъ со смѣхомъ, борьбу чувствъ, желаній, мнѣній и убѣжденій, борьбу жизни со смертью. Все это онъ наблюдалъ всегда, до него доходили и стоны раненыхъ, и проклятія побѣжденныхъ, но онъ всегда былъ безсиленъ помочь себѣ и другимъ. Да, наконецъ, какъ могъ онъ думать о помощи другимъ, когда его собственная душа была сплошной раной.

И онъ постепенно свыкъся съ этой вѣчной войной, со своими страданіями и со своей безпомощностью.

И когда хозяйка сообщила ему новость дня, что объявлена война, вѣсть эта дѣйствительно не произвела на него впечатлѣнія. Для не-

го война не новость, а нѣчто старое, какъ самъ міръ. Онъ не понималъ сегодняшняго волненія хозяйки, какъ и вчерашняго ея спокойствія.

Для хозяйки это былъ первый день войны, потому что она жизнь считала миромъ, для него же этотъ день ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему со дня зарожденія жизни на землѣ. Для нея этотъ день былъ символомъ смерти, для него—полнымъ отраженіемъ жизни.

Вотъ почему онъ казался ей подозрительнымъ; она замѣтила, что онъ не такой, какъ она. Вѣдь каждый человекъ считаетъ себя правиломъ, и если даже все человечество, весь міръ подъ это правило не подходятъ, онъ не постѣсняется и весь міръ счесть исключеніемъ.

Если бы глаза этой женщины дѣйствительно видѣли насквозь, проникали въ глубины души ея квартиранта, она въ нихъ нашла бы такихъ борющихся между собой враговъ, въ сравненіи съ которыми нѣмцы пигмеи, такое оружіе, противъ котораго самыя большія пушки—игрушки, она бы увидѣла фронтъ, безконечный, какъ безбрежный міръ.

Тогда только загадка ея квартиранта была бы разгадана ею, она бы убѣдилась, что то, что она въ немъ подозрѣваетъ, дико, глупо и смѣшно, она бы поняла его „спокойствіе“, ибо тотъ, кто душевно израненъ, тотъ плачетъ безъ слезъ...

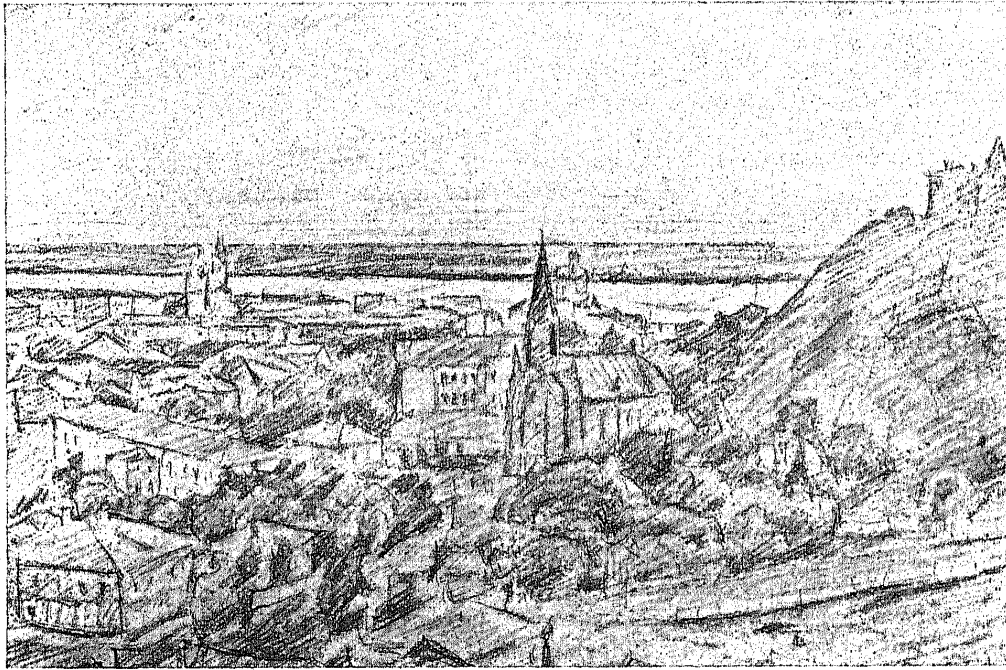
Скульпторъ Б. Патлажанъ.

Парижъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Мертвый городъ.

Разсказъ Н. Афиногенова.

(Изъ сказаній Самаркандскаго уличнаго поэта).

Самаркандскій базаръ—смѣсь всѣхъ существующихъ народовъ. Русское лицо съ черной большой окладистой бородой, и рядомъ узкоглазое, скуластое безбородое лицо китайца, горбоносый грекъ и сартъ, хивинецъ и еврей—и всѣ—здѣшніе, всѣ „потомки“ великаго Александра изъ Македоніи.

Четыре башенныхъ минарета окружаютъ площадь базара. Они сложены изъ небольшихъ квадратныхъ, разноцвѣтныхъ, изразцовыхъ кирпичиковъ. Бѣлые, зеленые, желтые, красные, оранжевые. Такого камня нигдѣ теперь ни по чемъ не сыщешь. Сама постройка, какъ гордый джигитъ взвилась надъ остальными зданіями и словно стережетъ городъ. На что высоки тополя окружающіе башни, но башни во много разъ выше тополей...

Съ какой бы стороны вы не зашли, вамъ кажется, что башни симметрично расположенны другъ отъ друга наклонились, подались въ сторону города, но наклонъ этотъ также симметриченъ.

Одна изъ башенъ-минаретовъ обращена на востокъ. Она есть башня смерти, откуда бросали преступниковъ...

Разношерстный народъ всегда толпится на базарѣ.

Тутъ и календарь-хана (монахи), съ надетыми на голову остроконечными колпаками, раскрашенными во всевозможныя краски, съ

нацѣпленными на одежду кусочками чурека, тряпокъ, камешковъ, тутъ и гадатели, и такъ просто зѣваки...

Временемъ здѣсь не дорожатъ. И къ чему имъ дорожить въ этой благодатной странѣ, гдѣ мѣстность одинъ сплошной садъ...

Поютъ, играютъ, пишатъ въ дудочки, свистульки, рожки, бьютъ въ безконечные таламбасъ-ча (барабаны) и тренькаютъ на однострунныхъ домрахъ. Иной пріѣхаль на базаръ за малой покупкой на часъ, но простойтъ до другого дня.

Спросите его — почему онъ не ѣдетъ домой?

И онъ васъ вмѣсто отвѣта самъ спроситъ: —развѣ отъ такого базара можно уѣхать?

Верблюды, муллы, допотопныя таратайки, съ колесами выше лошадиной упряжи...

Но самый главный интересъ—это писатели, поэты,—туземцы...

Горбоносый, съ правильно европейскимъ оваломъ лица. Онъ сидитъ на площади базара, на коврикъ, поджавъ подъ себя ноги, разложивъ большую, сдѣланную изъ всѣхъ цвѣтовъ бумаги, книгу, и смотритъ на васъ огромными, черными, грустными глазами.

Овощи, фрукты, шашлыкъ, чуреки и прочіе гортанные выклики на него не дѣйствуютъ.

Гусиное перо, воткнутое въ деревянную изъ карагача, чернильницу, стоитъ рядомъ для записи наблюденій...

Дайте чокъ (четверть копѣйки),—поэты тоже ѣсть хотятъ, и онъ вамъ расскажетъ—прочтеть изъ цвѣтной книги, собственной фантазіей составленную легенду,—или стихъ о Тамерланѣ, о Тохтамышѣ, о Кирѣ, царѣ персидскомъ, объ Александрѣ Македонскомъ—или о современномъ житье-бытьѣ...

Долго, много времени надо слушать. Восточная фантазія не исчерпаема.

Разсказъ льется до вечера и съ вечера, съ передышкой уже въ чай-хане... гдѣ вновь собирается разношерстная толпа...

Однажды вечеромъ, когда спала жара, когда соловьи хлестали пѣсню за пѣсней, когда все было покрыто благоуханьемъ цвѣтовъ... когда улицы были усыпаны ихъ лепестками, падавшими съ деревьевъ бѣлой акаціи, а синее-черное небо пронизывалось крупными, бѣлокапильнаго цвѣта звѣздами, и вдаль извилистыми линиями маячили верхушки бѣлоснѣжныхъ горъ,—я услышалъ въ одномъ изъ чайхане, одну изъ такихъ пѣсень-руладъ уличнаго безвѣстнаго поэта, отрицающаго печатное слово, и кладущаго, когда приходитъ смерть, написанную имъ цвѣтную книгу съ черными крышками себѣ подъ голову, чтобы все рожденное съ нимъ, съ нимъ и умерло.

Вечерняя не нарушимая ничѣмъ тишина.

Ручные беркута, куропатки, перепелки, горныя курочки, пестрые скворцы сидятъ на плечахъ хозяевъ и слушаютъ внимательно, на ряду съ владѣльцами, вглядываясь въ поэта...

А поэтъ бережно, любовно раскрываетъ книгу, отъ каждой страницы которой на него глядитъ его собственная изжитая жизнь, и вдохновенно поднимаетъ свой взоръ ввысь...

О, вы, презрѣнные, вы думаете, что изъ всего человѣческаго нѣтъ ничего долговѣчнѣе славы, ничего интереснѣе красоты женщины, вы думаете, что благодаря имъ создается величіе человѣка на цѣлые вѣка, а я вамъ скажу, что вы ничтожны въ своихъ думахъ; слава, какъ и красота женщины есть мимолетный тлѣнь-дымъ, и тотъ, кто съ ними свяжется, несетъ съ собой гибель разрушенія и смерти!!!

Тамерланъ построилъ мечети, ворота черезъ Заревшанъ, Биби-Ханы,—это мудрость, Александръ изъ Македоніи построилъ университеты, провелъ воду, дороги, украсилъ улицы,—это мудрость.

Онъ и умеръ неизвѣстно гдѣ.

Предки говорятъ: ноги его въ Мервѣ или Мешедѣ, туловище—въ Ургенче, а голова—въ Македоніи...

Три сына остались у Александра изъ Македоніи... Они не заботились о народѣ, не украшали городовъ постройками, не проводили до-

рогъ, а занимались только одною глупостью, недостойной не только мудраго, но и обыкновеннаго человѣка—женщинами. Одинъ женился на китайкѣ,—остался здѣсь въ Самаркандѣ, другой на хивинкѣ,—остался въ Мервѣ, третій на персіанкѣ,—остался въ Мешедѣ...

Который былъ въ Самаркандѣ, по наущенію жены пытался разрушить не нравящіеся ей храмы и постройки, возведенныя предками, но вѣрема умеръ, не успѣвъ этого сдѣлать.

Который женился на персіанкѣ, однажды пріѣхалъ въ гости къ брату, женатому на хивинкѣ, и былъ пораженъ красотой его жены,—такой красоты на этомъ свѣтѣ уже не сыщешь. Аллахъ съ тѣхъ поръ запретилъ быть такой красотѣ на землѣ...

Онъ сталъ гостить и просить брата, чтобы тотъ уступилъ ему жену... Но братъ и слушать не хотѣлъ...

Женатый на персіанкѣ уѣхалъ огорченный, обиженный, она ему даже и во снѣ продолжала сниться (такъ праздный умъ, не занятый ничѣмъ, быстро воспринимаетъ всякія плевелы).

Чтобы завладѣть ею, онъ объявилъ войну. Онъ выгналъ всѣхъ своихъ подданныхъ, способныхъ работать, отъ мала до велика, чтобы отвести русло Аму-Дарьи, бѣжавшей въ Каспійское море, въ другое море.

И работали всѣ отъ ранняго утра и до поздней ночи, и потратили все то, что накопили сами и ихъ отцы и дѣды за долгіе годы на эту работу, и остались нищими (глупости охотно подчиняются), но все таки отвели русло по его приказу въ другое, Аральское море.

Хивинско-текинское царство съ городомъ Мервѣ осталось безъ воды, и всѣмъ грозила смерть.

Братъ, женатый на хивинкѣ, потерялъ голову (чванные при бѣдѣ не находятъ)... Но красавица хивинка помогла, выручила, она женщина, и то оказалась много выше мужчины, дала совѣтъ потерявшемуся царю мужу отвести рукавъ изъ новаго теченія на Мервѣ...

Масса хивинцевъ и текинцевъ бросились переселяться въ сторону Аральскаго моря, въ городъ Ургенчъ, по новому теченію Аму-Дарьи... А другая масса осталась и стала рыть рукавъ...

Онъ и сейчасъ бѣжитъ вокругъ Мерва...

Но братъ, который женатъ на персіанкѣ, не успокоился, видя, что ничего не выходитъ изъ его стараній, съ войсками подступилъ къ городу ночью и сталъ просить отдать ему добромъ хивинку. (Не можетъ понять лишенный мудрости, что красота женщины, какъ и наслѣдіе славы, есть тлѣнь...)

Получивъ отказъ, еще больше разъярился, распаленный мысленнымъ видомъ тѣла красивой хивинки. Напалъ ночью на городъ, вырѣзалъ и старыхъ, и малыхъ, добрался до дворца, схватился съ роднымъ братомъ, убилъ его, и ворвался во дворецъ съ одной мыслью о красавицѣ хивинкѣ...

Оставивъ стражу, онъ снялъ сапоги и пошелъ одинъ въ ея покои... Шелъ медленно, осторожно—это былъ порогъ его вождѣлений...

И она встрѣтила его жгучими объятіями, которыя, какъ ядъ воспламеняя, пронзаютъ тѣло-мозгъ человѣка горѣніемъ дьявольскаго огня, и онъ, удовлетворенный, изступленный страстью женскаго тѣла, больше не могъ—не только думать, но и шевельнуть пальцами...

А на разсвѣтъ, хивинка острымъ кинжаломъ перерѣзала ему, сонному, горло...

Такъ погибъ недостойный потомокъ благороднаго Александра изъ Македоніи. Паль отъ руки жены брата своего.

Ибо наказывается пороку...

И ихъ страны съ той поры пришли въ упадокъ...

И сейчасъ вокругъ того города, имя котораго Мервь (мертвый городъ), нѣтъ ни воды, ни травы, ни построекъ, ни деревьевъ, ничего, одинъ вѣтеръ ходитъ...

На что далеко отъ Заревшана, но едва дошла до него вѣсть о всемъ происшедшемъ, какъ онъ отъ стыда зарылся въ песокъ, и съ тѣхъ поръ уже не течетъ въ Аральское море, а его устье пронзаетъ пески...

И ждетъ тотъ мертвый городъ чужихъ мудрыхъ людей, которые бы сумѣли сберечь трудъ людей, украсили бы городъ, снабдили бы водой, обсадили бы деревьями...

И вотъ-вотъ они придутъ, и городъ разцвѣтетъ..

Близка заря...

Но это уже будутъ чужіе люди...

Поютъ пестрые скворцы, свистятъ перепелки, кудахтаютъ горные курочки, ворчатъ беркута.

Птицы уже видятъ разсвѣтъ...

Слуги обносятъ дастраханы со всякими сладостями.

И уже чилимча безшумно двигается, поправляя длинныя трубки съ кальяномъ и опиумомъ.

Упившіеся рассказами слушатели, накурившись кальяна и опиума, лежатъ тутъ же на

коврикахъ, обвѣваемые тихимъ предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ, доносящимъ благоуханье цвѣтовъ, трелями соловьевъ, и всѣ предметы мѣшаются предъ ихъ соннымъ взоромъ...

И кажется, что то не пѣснь поэта льется, а все это сейчасъ происходитъ...

Опиумъ, какъ и страсть къ женщинѣ, уточняющій всѣ воспріятія, какъ слуховыя, такъ и зрительныя, до полнѣйшей галлюцинаціи, настолько ясно даетъ представленія ощущеній, что опиумные, словно въявь видятъ то, про что они слышатъ. И въ дѣйствіяхъ вызванныхъ образовъ, имъ кажется, что они сами принимаютъ участіе.

Но опьяненнымъ, разслабленнымъ, прожженнымъ ядомъ опиума, считающимъ себя потомками великихъ героевъ, имя которыхъ неустанно продолжаетъ жить у всѣхъ на устахъ цѣлые вѣка, не нужно мудрости—знанія жизни...

Они вотъ-вотъ сейчасъ насладятся лицебрѣніемъ той красавицы хивинки, красотѣ которой теперь уже нѣтъ равной, такъ какъ Аллахъ запретилъ такимъ рождаться на свѣтъ...

А поэтъ встаетъ, бережно завертываетъ книгу, идетъ на площадь, окруженную четырьмя башенными минаретами, садится опять, поджавъ ноги, и раскрываетъ книгу...

Печалень, безпокоенъ его взоръ, но смотрятъ и киваютъ ему свой привѣтъ и деревья, и арки, и Биби-Ханы, предъ входомъ которой, онъ знаетъ, стоитъ окруженный рѣшеткой жертвенникъ—квадратная мраморная плита.

На ней высится вырубленная изъ мрамора ваза...

Развѣ онъ не вѣритъ, что вотъ-вотъ изъ вазы забрызжетъ живой истокъ, омоетъ нечестивыхъ, и воскреснетъ мертвый городъ,—только для этого нужны жертвы, нужно больнѣй ударять, будить людей...

И настраиваются вновь его устало-заглохшія струны души...

И онъ уже вновь вдохновеннымъ голосомъ разрѣзаетъ воздухъ, будя тишину утра:

— О, вы, считающіе себя потомками великихъ мыслителей и живущіе за счетъ ихъ славы, вы до сихъ поръ еще продолжаете чваниться...

— Не можете понять, что слава, какъ и красота женщины, для вѣчности—тлѣнъ, дымъ, а мудрость—это сѣмя нетлѣнія, беззвѣстно растворяющееся въ дѣла человѣка...

Н. Афиногеновъ.

Алчинбаево.

Послѣднее письмо.

М. Сроковскій.

Немного мнѣ трудно писать — но все же попробую—я постараюсь сдѣлать это усиліе, потому что я долженъ это сдѣлать.

Видишь, Весна моя, дѣло вотъ въ чемъ: „Мы должны съ этимъ покончить“. Ты спросишь: съ чѣмъ? Вотъ это-то и будетъ трагикомическое окончаніе того, что собственно вѣдь и не началось, хотя продолжалось, какъ будто и долго. Конецъ нашей... (извиняюсь)! конецъ моей любви. Это немного театрально, правда? А потому, чтобы избѣжать смѣшного (понятіе равнозначаетъ сегодня съ любовью)—я скажу иначе: конецъ этой игрѣ, въ которой съ одной стороны платили чистымъ золотомъ, а съ другой марками, лишенными всякой стоимости. Не объясни себѣ этого плохо, моя Маленькая, я вовсе тебя не упрекаю, честное слово, нѣтъ—ну кто въ нынѣшнія времена могъ бы упрекать другого изъ-за такой пустой, обыкновенной игры, какъ игра въ жизнь, напимѣръ?!. У кого всѣ козыри въ рукахъ, тотъ сильнѣе, а потому выигрываетъ,—а болѣе слабый? Болѣе слабый проигрался до тла и... пусть себѣ голову о стѣну расшибетъ... Чортъ съ нимъ! Поэтому я не протестую, игру признаю... честной; я проигралъ, раскланиваюсь и—ухожу!

Если бы я былъ совершененъ, я бы этимъ и кончилъ—но, знаешь?—но такъ какъ я только сѣрый комокъ земли, обыкновенная единица, обливающаяся кровавымъ потомъ въ борьбѣ за кусокъ хлѣба, а кромѣ того (извиняюсь, что я вообще родился), артистъ,—то не желая согрѣшить противъ этики правды—я въ этомъ письмѣ разберусь до дна въ своей совѣсти—разсмотрю вкратцѣ исторію нашего знакомства, и постараюсь убѣдить тебя, моя Бабочка, а себя успокоить, что я безспорно правъ!

Я вижу, что ты начинаешь уже считать страницы этого письма и вздыхаешь: „Боже, какое оно длинное!“.. Дѣтка моя! что же я съ этимъ подѣлаю? Оно должно быть немного длиннѣе другихъ. Пусть хоть немного оправдаетъ меня то обстоятельство, что это уже послѣднее письмо въ моей жизни—понимаешь? нашъ послѣдній разговоръ въ жизни! Вѣдь ты сама мнѣ разъ сказала, вѣроятно, во время какого-то бала, такъ какъ вообще ты живешь только на балу: „Я знаю, что вы сумѣете благородно поступить съ женщиной, а потому вамъ довѣряю“.—И я хочу оправдать это твое довѣріе, и все мое письмо есть именно такое хорошее, не дѣлающее драмы изъ оперетки—окончаніе дѣла. Видишь, Маленькая, что я

спокоенъ и милъ, какъ, пожалуй, никогда не бывалъ?! Развѣ не вѣрно?

Мать моя какъ то разъ написала мнѣ: „что будетъ съ тобой, сынъ мой, когда эта женщина всю душу твою возьметъ, — а она вѣдь уже ее взяла,—что будетъ съ тобой, бѣдняга?“

Такъ моя бѣдная сѣдая мать ясно видѣла мою судьбу. Сегодня я—жалкій нищій, слѣпецъ, у котораго разбалованное дитя, изнѣженная барышня, вырвала изъ рукъ, шутки ради, палку, на которую онъ опирался и которой онъ ошупывалъ себѣ дорогу. Вырвала, и бросила далеко въ грязь. „Блуждай теперь, падай, расшибай голову“. И слѣпецъ боялся даже сказать: „Благослови тебя Господь“ (представь себѣ, онъ принадлежитъ къ тѣмъ отсталымъ, которые вѣрятъ въ Бога), „благослови тебя Господь“ могло бы здѣсь показаться насмѣшкой.

Единственная моя, прости меня, по всей вѣроятности, этимъ своимъ письмомъ я тебя отрываю отъ такихъ серьезныхъ заботъ... Вѣдь сезонъ начинается, а потому у тебя масса дѣла: надо быть у модистки, и во всѣхъ модныхъ магазинахъ, и у портнихи, и сдѣлать разные визиты и... ну, и господинъ X., господинъ Y., господинъ Z., и „фиксы“, и „журы“ ит. д. Ты—безсознательное дитя счастья, солнца, смѣха и веселья, а я осмѣливаюсь вмѣшиваться во все это со своими жалобами, я, такой ненужный и, быть можетъ, такой уже забытый. Но видишь, одно слово осталось еще между нами, не произнесенное слово, котораго ты сказать не хотѣла, такъ какъ ты считала удобнымъ имѣть около себя вѣрную, немного недюжинную и вполне преданную тебѣ душу, душу, которая всѣмъ своимъ существомъ принадлежитъ тебѣ одной. Тебѣ нравилось, что эта грустная и до дерзости одинокая душа ползаетъ у твоихъ ногъ среди модной толпы, а потому—ты не сказала этого слова, но, прости мнѣ эту невѣроятную смѣлость, прости, я это слово произнесу:

Кончено...

Не одна долгая ночь прошла въ пыткѣ и безсонницѣ, пока, наконецъ, я рѣшился сегодня произнести это слово, этотъ смертный приговоръ своей послѣдней любви на землѣ.

Кончено... исчезла иллюзія, что я всѣмъ своимъ существомъ, принесеніемъ въ жертву каждой своей мысли, cadaго колебанія собственной души, создаю въ тебѣ свѣтъ и благо...

Сегодня я вижу только одно, что я просто-напросто промоталъ собственную душу, един-

ственное богатство, сиротское свое достояніе, что ничего больше спасти я не могу,—и я долженъ уйти.

Тебя, моя радость, я не хочу осуждать, я не имѣю права этого сдѣлать, и не сдѣлаю. Если устраиваю теперь какой-то судъ совѣсти, то это для себя исключительно. Но посуди сама: могъ ли я не полюбить тебя всей душой? Я былъ такъ одинокъ, когда мы встрѣтились; а ты была такъ добра, ты сразу стала такой единственной для меня! Можетъ быть, это былъ только королевскій капризъ знатной дамы; это не важно—достаточно, что это было.

Почему ты, избалованная людьми, ты—райская птица, выращенная въ атмосферѣ изнѣженности и беззаботности, прекрасная, какъ сказка, сама сказочная царевна, окруженная триумфами и преклоненіемъ, почему ты замѣтила меня?

Столько ихъ было, изящныхъ и красавцевъ, столько завидующихъ, а ты шла ко мнѣ, чтобы свои бѣлыя теплыя ручки положить на глаза мои, на эти окаменѣлыя отъ боли вѣки! Почему? И скажи: могъ ли я не отдать тебѣ всей любви, на какую способна грудь человѣческая?

А все же, Весна моя, какая ты бѣдная... Ослѣпилъ меня блескъ счастья моего, я видѣлъ тебя одну, и слѣдовалъ, какъ тѣнь, за тобой, а въ это время ты!.. Я не видѣлъ ничего... ничего, потому что ты такъ свѣтло взглянула мнѣ въ лицо и сказала:

„Ты одинъ,—кромѣ тебя нѣтъ и не было никого!“—И я вѣрилъ—слѣпецъ!

Такая была твоя воля, и я не сужу тебя, но въ этомъ моя Голгофа, и—я ужу!

Тихо, пусто, холодно теперь въ моемъ одинокомъ жилищѣ.

Вотъ и осень. Вѣтеръ воетъ и дождь стучитъ въ грустное, черное окно моей комнаты. Я все время одинъ. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ молчанія, вчера я написалъ письмо своей матери, и въ концѣ я попрощался съ ней—почему попрощался? я самъ не знаю.

А вечера теперь очень длинные. О, эти вечера. Знаешь, Маленькая? Я тихо сажусь въ темномъ, въ самомъ темномъ уголкѣ и... вижу тебя.

Залъ! Я подъ руку веду тебя по лѣстницѣ, убранной цвѣтами, въ громадную залу, въ настоящее море, въ потокъ блеска и свѣта... Окутана великолѣпной пурпурной тканью, прекрасная, какъ пѣснь о счастья, ты идешь, опираясь на мою руку, вступаешь въ это залитое свѣтомъ пространство, а я веду тебя, до боли льянный счастьемъ.

Почему это такъ безнадежно ушло?

Весна моя, былъ ли я тебѣ нуженъ?

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Помню однажды,—а было это въ той фазѣ, когда я уже началъ видѣть, что творится вокругъ меня, и когда я такъ постыдно внушалъ себѣ, что ничего не знаю—ты сидѣла въ качалкѣ, очень бѣлая, въ какомъ то сонномъ раздумьи; надъ головой твоей свѣшивались листья пальмы; одна голубая лампа въ углу твоей гостиной и... мы одни... Во мнѣ уже бушевало отчаяніе, боль разрывала мою грудь, а я... всей силой воли обманывалъ себя и кричалъ въ душѣ: „Неправда, неправда! это воображеніе! манія создавать поводы для подозрѣній!“

Но правда была такъ безжалостно ясна, что подавляла этотъ внутренній крикъ протеста. Я не могъ больше молчать, но не могъ тоже и сказать: „знаю“ и что знаю, такъ какъ отъ стыда слова сгорали у меня въ горлѣ. Я только отчаянно хотѣлъ вырвать тебя изъ этой среды и спасти тебя, даже противъ твоей воли. А потому я воскликнулъ неожиданно:

Весна моя, стряхни съ себя это, я тебя подержу, я тебя унесу высоко къ моему небу, къ моимъ звѣздамъ, я сожгу свое сердце, отдамъ душу, и пусть погибну, лишь бы ты воз-

неслась, воскресла и сдѣлалась человѣкомъ...

Не помню уже всѣхъ своихъ словъ, но поднялась во мнѣ вся обида, разбушевался стыдъ, и изъ устъ моихъ поплыла лава, полная крови и огня, способная карликовъ превратить въ великановъ...

А ты... Почему забыть мнѣ это невозможно? Ты посмотрѣла на меня съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ въ большихъ глазахъ, потомъ ты подняла свои бѣлыя, царскія руки, съ которыхъ упали греческіе рукава и, взявъ въ такую роскошную рамку свои тяжелые черные волосы, ты шепнула лѣниво:

— Мнѣ скучно...

Я съежился, весь ушелъ въ себя и не могъ двинуться съ мѣста... Я чувствовалъ, что что-то рушится во мнѣ, что-то превращается въ развалины.

Ты спросила: „что съ тобой“. Я не сумѣлъ отвѣтить тебѣ... во мнѣ началась агонія... Счастье—знаешь, такое слабое, такое единственное, первое и послѣднее мое, умирало во мнѣ... умерло... я чувствовалъ холодный трупъ въ груди, потомъ уложили его въ гробъ, и я ясно ощущалъ этотъ гробъ въ себѣ, тяжелыми ударами молотковъ вбивали гвозди, каждый ударъ билъ громко, больно въ мою

грудь, я чувствовалъ, какъ гвозди проникали въ гробъ, а ты меня все спрашивала:

— Что съ тобой?

Но тогда, все, что было свѣтлаго и радостнаго въ моей судьбѣ, ушло въ прошлое, и я отвѣтилъ тебѣ: „Весна моя, я любилъ больше край платья твоего, чѣмъ ты мою бѣдную, измученную душу“...

Это случилось такъ давно.. потомъ мы долго еще были вмѣстѣ, но начало несчастья помнится всегда очень хорошо.

О мое избалованное, милое дитя, какъ я надоѣдаю тебѣ... Прости, еще одну минуту— мнѣ такъ трудно кончить! Я долженъ былъ полюбить тебя всей силой моей любви, потому что не знаю, почему ты, олицетвореніе счастья, приблизилась ко мнѣ, къ моей грустной жизни; не знаю, почему ты была добра ко мнѣ, такъ безконечно добра...

Совершился сказочный часъ чуда, эти Stunden моей жизни; не дольше, а потомъ... проклинать тебя я не стану...

Веселись, веселись такъ безумно, какъ ты только одна умѣешь. Иди въ праздникъ и блескъ жизни... а... мнѣ... прости мнѣ это письмо.

Перев. съ польскаго Е. Поклевская-Козелль.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

ЖЕНСКІЕ СТИХИ.

ЕЛЕНА ЗВОЛЬТА, НАД. ЛАНДСКАЯ, ЛЮБОВЬ МАТВѢВСКАЯ, М. ОРЛИЧЪ, Е. СЕВЕРИНОВА.

ЕЛЕНА ЗВОЛЬТА.

ВЪ САДУ.

Я вечеромъ кого-то жду,
Приходятъ ангелы и люди.
А я въ темнѣющемъ саду
Совсѣмъ не думаю о чудѣ.

Небесныхъ и земныхъ шаговъ
Я не услышу въ этотъ вечеръ.
Здѣсь темнота безъ береговъ
И вѣтеръ, трогающій плечи.

Влюбленный вѣтеръ здѣсь со мной,
А я одна, полураздѣта,
И лишь деревья дышутъ гдѣ-то,
Своей прохладной тишиной.

ПОХИЩЕНІЕ.

Я вслушиваюсь удивленно:
Зачѣмъ такъ звучно бьютъ сердца...
Онъ остановитъ у балкона
Замученнаго жеребца.

Съ сѣдла горячаго соскочитъ,
Я быстро выйду на балконъ.
Ахъ, кто мой гость? чего онъ хочетъ?
Куда меня увозитъ онъ?

Я на сѣдлѣ, и бьется стремя,
Въ закатѣ теплится огонь,
И мчится, обгоняя время,
Неистово взмыленный конь.

О СЫ.

Свистятъ серебряныя осы
Надъ непокрытой головой.
Сегодня день многоголосый
Меня заставилъ быть живой.

А мнѣ казалось: умирала,
Усталая отъ тишины.
Гдѣ прежде бабочка порхала
Тамъ осы дикія нужны.

Ты маленькій, тебя ужалятъ,
А я осталась, какъ была.
Ахъ, лучше-бъ надо мной дрожали
Два злобныхъ маленькихъ крыла!

* * *

Прошли года въ одной игрѣ,
Гдѣ нѣтъ ни бонны, ни игрушекъ;
Я тихо плачу на коврѣ
Среди разбросанныхъ подушекъ.

На зло дѣвической судьбѣ,
Меня любовникъ не баюкалъ,—
Разбила сердце я себѣ,
Какъ въ дѣтствѣ разбивала куколъ.

Ахъ, длинны ночи въ декабрѣ,
И одиночество докучно!..
Среди подушекъ на коврѣ—
Я плачу долго и беззвучно

Любовь Матвѣевская.

ОАЗИСЪ БИСКРО.

У плитъ водоема поставлены смуглые стражи,
Измученныхъ путниковъ поить зеленый оазъ.
Сегодня весь день насъ восторгомъ пьянили
миражи,
Дворцы воздвигая въ пескахъ золотыхъ, какъ
топазъ.

И солнце пустыни бросало смертельныя стрѣлы,
Сжигало тѣла обнаженныхъ суданскихъ рабовъ.
Узорныя ткани откинувъ рукой загорѣлой,
Я тихо качалась межъ мягкихъ верблюжьихъ
горбовъ.

Тревожно смотрѣли въ янтарную знойную
даль мы,
Гдѣ злобные джины сверкали клинками мечей,
Лишь къ вечеру выплыли гордые, стройныя
пальмы,
Вѣнчанныя пурпуромъ пышныхъ закатныхъ
лучей.

Уснулъ караванъ... въ полумракѣ бѣлѣютъ
палатки,
На шеяхъ верблюдовъ дрожать колокольцы,
звеня.
Какъ вечеръ прохладенъ, какъ финики вкусны
и сладки,
Какъ тѣло устало отъ знойнаго трепета дня.

И я засыпаю подъ грустную пѣсню феллаха,
О гордомъ величьи таинственной древней
земли...
И шепчетъ пустыня о силѣ и словѣ Аллаха,
И вѣтеръ поетъ, замирая въ зеленой дали...

М. Орличъ.

Д У Ш А.

Я послала ее за алой малиной,
(Чьи рѣчи укоромъ звучатъ?)
Я послала ее дорогой пустынной
Въ зачатый садъ.

И вернулась она... и алы ладони
Отъ пыльных лобзаній шиповъ.
И глаза у нея отъ слезъ бездоннѣе
И взглядъ ихъ новъ.

И теперь для нея свѣтлѣе, яснѣе,
Тропинки доли.
И какъ пламенный кругъ, горитъ надъ нею
Боль.

Над. Ландская.

ВЪ УСАДЬБѢ.

Клавесины замолкли съ подавленнымъ стономъ.
Вся поникла, рукою по лбу проведя...
Сумракъ былъ, какъ туманъ надъ затономъ.
Вѣтеръ въ трубы врывался, гудя.

Монотонно въ каминѣ трещали дрова,
Зеленѣла предъ ликомъ, мерцающая лампадка.
Встала... въ окна глядитъ синева,
Какъ съ большими глазами загадка,
Гдѣ-то въ далихъ тоскою звенить
бубенецъ,
Безнадежно скрипятъ подъ ногой
половицы...

Чуть блеститъ отъ лампадки вѣнецъ,
Гдѣ Спаситель глядитъ изъ божницы.

Смотритъ, молча, въ окно... будто къ ночи
воскресла
Греза старой усадьбы... обходить весь домъ.
И въ объятыхъ стариннаго кресла
Долго плачетъ потомъ.

Е. Северинова.

* * *

Ясныя дали заката.
Мглою окутанъ логъ
Контуръ горнаго ската.
Легкій туманъ заволокъ.

Въ дали зоветъ за собою
Птицы вспорхнувшей летъ.
Кто-то незримой тропкою
Въ глуби лѣсныхъ идетъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Волнующая поэзія.

М. Моравская.

Въ послѣдніе годы на смѣну символизма возникает новое поэтическое движеніе, это поэзія конкретная, близкая къ жизни, близкая каждому будничному дню.

Новые поэты ищутъ темъ въ повседневной жизни. Пароходы, плывущіе по Невѣ, сѣрые люди, каждый день переѣзжающіе съ одного берега на другой—вся ихъ жизнь есть переѣздъ съ одного берега на другой—въ этомъ новый поэтъ увидитъ красоту. Старые дома, окрашенные въ желтый цвѣтъ, потому что въ туманномъ городѣ мало солнца,—охра, замѣняющая солнце!—это лирика города. „Въ поляхъ скрипучія воротца, и запахъ хлѣба, и тоска“,— вотъ лирика деревенской обыденности. „Сколько милыхъ дѣвушекъ ходитъ въ траурѣ, —свѣтлыхъ невѣстъ съ черной фатой!“— вотъ волнующая лирика войны.

Вы видите въ какихъ простыхъ темахъ, въ какихъ простыхъ событіяхъ можно находить красоту, и современная лирика уже не гонится за патентованной красотой, она чужда эстетства, ни музеевъ, ни дворцовъ въ ней не увидите.

Обычныя человѣческія переживанія, „сереж-

ки“, которыя „пылятъ на столъ“ и напоминаютъ милый лѣсъ за городомъ, лѣсъ, утоляющій городскую тоску; тоска по родной странѣ, гдѣ, „ни одна изъ снѣжинокъ не помнитъ уже обо мнѣ!“—обо всемъ этомъ бережно рассказываетъ новая поэзія, во всемъ этомъ умѣетъ она отыскивать новую, волнующую красоту. Изображаютъ ее новые поэты конкретно, ихъ образы такъ жизненны, что, кажется, можно ихъ ощупать руками. Никакихъ „лиловыхъ тумановъ“.

„Какъ соломинкой пьешь мою душу“...

„Жизнь ломается, какъ трость“...

„Надъ полями Польши горюетъ Антоній,
„Бѣдный, лысый, глиняный святой“...

Вы видите, эта горсть цитатъ имѣетъ одно общее—почти физиологическую конкретность. Какъ жаръ и холодъ, какъ вѣтеръ и дождь, ощущаются образы новыхъ поэтовъ, они реальны насквозь. Но это не объективная реальность, а внутренняя, душевная. Поэты „послѣдняго призыва“ не описываютъ жизни, они даютъ ее почувствовать. Образы сами по себѣ для нихъ не существуютъ, они важны лишь

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

какъ выразители душевнаго волненія автора. Что такое „пыльные сережки“ сами по себѣ, стоитъ ли о нихъ писать? Но если онѣ выражаютъ тоску, тоску по красотѣ природы, такой хрупкой,—вотъ-вотъ осыплются сережки, лишь только принесешь ихъ въ комнату, и опять въ этихъ четырехъ стѣнахъ станетъ пыльно и сѣро,—если такъ относиться къ вещамъ, то становятся значительными самыя будничныя изъ нихъ.

Вотъ эта одухотворенность обычныхъ вещей—крупная отличительная черта новой поэзіи. Я бы назвала ее „душевною конкретностью“. Душу и ея волненіе изображаютъ „поэты послѣдняго призыва“. Самыми конкретными образами они говорятъ о самомъ ирреальномъ, о душевномъ волненіи. Въ ихъ изображеніи всѣ обыденные предметы глубоко романтичны. И охра, замѣняющая солнце, и соломинка, которою пьютъ душу, и черная фата эсиротѣлой невѣсты—все это проникнуто душевнымъ волненіемъ. Никакихъ пейзажей, никакого образа ради образа, не знаетъ новая поэзія. Миръ для человѣка, а не человѣкъ для міра! Вся вселенная имѣетъ значеніе лишь постольку она отражаетъ человѣка,—такъ кажется, когда читаешь эти стихи, гдѣ „бережно и нѣжно“ цѣлуютъ „прошлогодную траву“, потому, что „снѣгами изранена, она еще жива“ и „шепчетъ прошлогоднія слова“. Даже травѣ способенъ дать душу современный поэтъ. А иначе она для него не существуетъ, трава, какъ часть ландшафта—въ этомъ не было бы никакого волненія. И все разнообразіе міра, вся современность и прошлое, война и миръ, гроза и тишина, купола церквей и мохъ на землянкахъ, все это входитъ въ современную поэзію, если отражаетъ волненіе души. Личность вернулась ко всей жизненной конкретности лишь для того, чтобы обогатить себя новыми переживаніями.

И съ этой точки зрѣнія самый обыкновенный, придорожный камень становится поэтическимъ, если о него облокотилась рука странника. Самая будничная реальность прекрасна, если она соприкасается съ душой человѣка.

Форма такой взволнованной поэзіи не могла остаться прежней, классической. Развѣ можно все многообразіе радостей и страстей вмѣстить въ тѣсныя рамки ямбовъ и хореевъ? Классическое стихосложеніе подходитъ для эпоса, для описанія красивыхъ вещей, для спокойныхъ стиховъ. Современную лирику оно связываетъ. И поэты послѣдняго призыва стали писать освобожденнымъ ритмомъ, близкимъ къ разгортывающей рѣчи. Этотъ ритмъ легко передаетъ всѣ изгибы душевнаго волненія; онъ близокъ къ музыкѣ, въ его основѣ лежитъ такъ называемая ритмическая пауза. Стихи дѣлятся на такты, а не на стопы. Количество стопъ можетъ не быть равнымъ. Если одна или двѣ стопы пропущены (ритмическая пауза) это нарушаетъ метръ, который сковываетъ стихи, но усиливаетъ ихъ гармоничность. Вмѣсто мертваго выстукиванія ямбовъ и хореевъ, получается живая гармонія русской рѣчи, такой естественно музыкальной, освобождающейся отъ тисковъ метра и классическихъ формъ, навязанныхъ русскому языку филологами-западниками. Образцы такого освобожденнаго ритма читатели могутъ встрѣтить въ любомъ номерѣ „Журнала для Всѣхъ“.

Предтечей этого стихосложенія былъ Тютчевъ. Одно изъ лучшихъ его стихотвореній „О какъ на склонѣ нашихъ дней, нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй“, написано освобожденнымъ ритмомъ.

И старыя классическія риемы, такія образныя въ своей металлической звучности, тоже чужды новымъ поэтамъ. Они влюблены въ ассонансы, которыя естественнѣе въ рѣчи, чѣмъ точныя риемы, выстраивающіяся въ стихахъ съ неестественной правильностью, какъ солдаты на парадѣ. Созвучія изъ народной поэзіи: „случайная—печальная“, повойничекъ—повольничать“, „панель—на ней“, „гость—погость“—гораздо ближе современной лирикѣ, чѣмъ старыя литературныя риемы. Народный ритмъ, ритмъ современной частушки, тоже родствененъ новой поэзіи. И не только риемы и ритмъ роднятъ эту поэзію душевнаго волненія съ современной народной пѣсней. Въ ней та же реальность образовъ, и душевное ихъ содержаніе, та же близость къ жизни и субъективный подходъ къ ней.

Когда крестьянка поетъ: „цвѣтокъ во снопикъ завяжу, любовь дружку не покажу“, снопикъ здѣсь не самъ по себѣ, онъ душевный.

образъ: любовь надо скрыть въ душѣ, какъ цвѣтокъ во ржи. Этотъ маленькій полевой цвѣтокъ—образъ стыдливой любви, какъ осыпающіяся сережки у современнаго городского поэта—образъ тоски по природѣ. Въ народной пѣснѣ та же ирреальная конкретность, и когда говорится о миломъ „его сахарные прянички растаяли въ рукѣ“—то прянички растаявшіе—не сами по себѣ, они лишь пока-

зываютъ, какъ сильно волновалась дѣвушка, какъ горѣли ея руки.

Наша новая поэзія счастливо встрѣтилась съ поэзіей народной, способы изображенія у нихъ общіе, хотя темы—разныя. И фактъ этой встрѣчи лучше всего доказываетъ, что возникающая въ послѣдніе годы поэзія—коренное русское движеніе, а не „Прекрасная иностранка“, какой была въ Россіи поэзія эстетовъ.

М. Моравская.

П. И. Львовъ

Рисунокъ.

Военныя бесѣды.

Г. Алексѣевъ.

Глубокій отходъ нашихъ армій.

Задерживая наступающаго противника упорными арьергардными боями, наша армія продолжаетъ совершать предпринятый въ прошломъ мѣсяцѣ отступательный маневръ во внутрь страны.

Германскій высокій генеральный штабъ отлично понялъ, что свободно избранный нашимъ Верховнымъ Штабомъ отходъ разсчитанъ на всеокрушающей противоударъ, поэтому австрогерманская армія, не считаясь съ численными потерями, отчаянно лѣзетъ впередъ и силится вынудить насъ остановиться и принять бой. Нѣмцы стремятся использовать свое временное превосходство въ количествѣ снарядовъ, съ цѣлью добиться рѣшительнаго успѣха въ періодъ временнаго ослабленія нашей артиллерійской готовности.

Съ каждымъ днемъ наша артиллерійская мощь возрастаетъ. Уже теперь наша армія можетъ расходовать въ день втрое больше снарядовъ, чѣмъ въ самыхъ интенсивныхъ бояхъ прошлаго мѣсяца.

Въ сознаніи своего нарастающаго могущества, сохраняя несомнѣнное численное превосходство, наша армія совершаетъ небывалую въ исторіи мировыхъ войнъ боевую операцію, которая разрушила всѣ выводы и построения германской стратегіи. Такой выдающейся стратегической операціей является отступление нашей многомилліонной арміи, въ каждомъ шагѣ которой проявляется твердое и талантливое управленіе нашего Верховнаго Штаба. Отходъ колоссальной своей численностью арміи предпріятіе крайне сложное, требующее чрезвычайно тонкихъ и точныхъ расчетовъ во времени, тѣмъ болѣе, когда приходится сдерживать натискъ непріятельской арміи. Общество должно примириться съ неизбежностью временной потери нѣкоторыхъ крупныхъ центровъ.

При развивающейся грандіозности грядущихъ событий, географическія названія городовъ и мѣстечекъ не должны останавливать нашего вниманія.

Варшава, Новогеоргиевскъ, Ковно и весьма возможное оставленіе нашей арміей не менѣе крупныхъ съ нашей обыденной точки зрѣнія центровъ, ни въ коемъ случаѣ не являются показателями германскихъ успѣховъ. Для крупнаго выигрыша требуется крупная ставка, и мы не должны оцѣнивать событія по результатамъ отдѣльныхъ арьергардныхъ боевъ, которые имѣютъ исключительное значеніе только для обезпеченія плановѣрнаго и спокойнаго отхода главныхъ силъ нашей арміи и нисколько не приурочены къ упорной защитѣ крѣпостей и населенныхъ пунктовъ. Больше чѣмъ ошибочны выводы и гадательныя предположенія ежедневныхъ обозрѣвателей, оцѣнивающихъ общее положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій по итогамъ частичныхъ

боевыхъ столкновеній одного дня на отдѣльныхъ арьергардныхъ участкахъ нашего тысячеверстнаго фронта. Въ общемъ ходѣ боевыхъ столкновеній, на пути нашей арміи нельзя намѣчать никакихъ оборонительныхъ рубежей. Могучій противоударъ нашей арміи будетъ развитъ только тогда, когда мобилизованная промышленная Россія снабдитъ ее необходимымъ комплектомъ орудіевыхъ снарядовъ, иначе говоря: „глубина нашего отхода зависитъ исключительно отъ времени, потребнаго для укомплектованія нашей арміи техническими средствами борьбы“.

Никакія соображенія о неприступности тыловыхъ оборонительныхъ линій, никакія разсужденія о стратегическомъ значеніи крѣпостей, желѣзнодорожныхъ магистралей, рѣкъ и городовъ не могутъ повліять на развитіе свободно и мужественно избраннаго нашимъ Верховнымъ командованіемъ отступательнаго маневра, который дастъ намъ рѣшительную и окончательную побѣду надъ германской арміей.

Будемъ спокойно ожидать исхода этой грандіозной по замыслу и блестящей по исполненію операціи, довольствуясь ежедневными сообщеніями нашей главной квартиры, вполне исчерпывающе обрисовывающими положеніе сторонъ. Всѣ разсужденія „на ушко“ о томъ, что нѣмцы чудовищно укрѣпляютъ каждый занятый ими вершокъ, и что намъ будетъ чрезчуръ трудно отобрать все оставленное обратно и изгнать нѣмцевъ съ нашей земли—являются плодами испуганнаго воображенія слабовольныхъ нытиковъ, не понимающихъ истиннаго смысла совершающихся событий и судящихъ о положеніи дѣлъ на основаніи картинныхъ фельетоновъ досужихъ корреспондентовъ, которые не задумываются надъ тѣмъ, какое впечатлѣніе произведутъ ихъ хвалебные нѣмецкому искусству панегирики.

Когда германская армія будетъ опрокинута и уничтожена, намъ откроется свободный путь для побѣдоноснаго вступленія въ Берлинъ, къ этому пути идетъ наша славная армія, обезпечивая себѣ будущій успѣхъ искуснымъ маневромъ временнаго глубокаго отхода въ глубь Россіи.

Въ Рижскомъ заливѣ.

Изъ отдѣльныхъ боевыхъ эпизодовъ заслуживаютъ особаго вниманія операціи нашего славнаго балтійскаго флота, который въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ усѣбно борется съ крупными германскими силами. Проникновеніе германской эскадры въ Рижскій заливъ является первой попыткой совмѣстныхъ дѣйствій нѣмецкихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Въ теченіе всего минувшаго періода, несмотря на численное превосходство, германскій флотъ не оказывалъ ника-

кого вліянія на ходъ нашей борьбы въ приморскомъ районѣ.

Только теперь германскій флотъ рискнулъ оказать содѣйствіе своимъ сухопутнымъ силамъ, дѣйствующимъ противъ Риги. При первой попыткѣ проникнуть въ Рижскій заливъ въ концѣ іюля, нѣмцы потеряли броненосецъ „Поммернъ“, атакованный англійской подводной лодкой. 5-го августа германская эскадра, въ составѣ 9-ти линейныхъ кораблей, 12 крейсеровъ, многочисленныхъ миноносцевъ и тралеровъ, подошла къ Ирбенскому проливу. Въ Рижскомъ заливѣ находилась только незначительная часть судовъ нашего балтійскаго флота, которая и открыла огонь по германскимъ тралерамъ, приступившимъ къ вылавливанию минъ въ Ирбенскомъ проливѣ. Проникнувъ за первую линію нашихъ минныхъ загражденій въ Рижскомъ заливѣ, непріятельскій флотъ вступилъ въ бой съ нашей эскадрой и, потерпѣвъ крупный уронъ, вынужденъ былъ покинуть заливъ. Нами и нашими доблестными союзниками подорвано и потоплено 3 германскихъ крейсера, одинъ сверхъ-дредноутъ „Мольке“ и 8 миноносцевъ. Одержанная нашимъ флотомъ побѣда является наиболѣе крупной за всю морскую кампанію съ начала войны. Наши потери, сравнительно съ германскимъ флотомъ, ничтожны. Канонерская лодка „Сивучъ“, объятая пожаромъ, имѣя бортъ раскаленный докрасна, продолжала отстрѣливаться до тѣхъ поръ, пока не пошла ко дну, потопивъ передъ этимъ непріятельскій миноносецъ. Вѣчная память храбрымъ героямъ, павшимъ въ этомъ неравномъ бою! Судя по послѣднимъ сообщеніямъ нашей главной квартиры, Рижскій районъ продолжаетъ привлекать вниманіе нѣмцевъ, и весьма вѣроятно, что германскій флотъ вновь попытается завлечь этимъ чрезвычайно важнымъ для нихъ заливомъ.

На фронтѣ нашихъ союзниковъ.

Въ теченіе истекшаго мѣсяца германцы пытались проявить наступательный пылъ и на фронтѣ нашихъ союзниковъ. За послѣдніе дни усилились стычки въ Аргоннахъ и у развалинъ Суасона. Французы медленно продвигаются въ направленіяхъ къ Мюнстеру и Кольмару. Въ настоящее время французская армія ведетъ наступленіе противъ горной группы, расположенной къ сѣверу отъ Мюнстера, близъ Тюркгейма, гдѣ уже захвачена чрезвычайно важная высота; „Ленжъ“. По сообщенію корреспондента „Петроградскаго Телеграфнаго Агентства“, бывшаго на передовыхъ позиціяхъ, борьба происходитъ въ очень трудныхъ условіяхъ. Германцы оказываютъ упорнѣйшее сопротивленіе въ горныхъ каменоломняхъ.

Корреспондентъ „Daily Chronicle“, находящійся на сѣверѣ Франціи, сообщаетъ, что въ настоящее время на западномъ фронтѣ значительно меньше нѣмецкихъ войскъ, чѣмъ нѣмцамъ хотѣлось бы представить, и они удерживаются исключительно силой

своего ураганнаго огня. Благодаря блестяще организованной воздушной развѣдкѣ, французы вполне освѣдомлены о расположеніи и передвиженіяхъ германскихъ силъ. Успѣшные налеты франко-англійскихъ эскадрильй наносятъ нѣмцамъ очень чувствительные удары; такъ, только за одинъ іюль, смѣлые летчики сдѣлали около десяти удачныхъ воздушныхъ рейсовъ, изъ которыхъ многіе были въ составѣ 30—40 аэроплановъ. За это время разрушено нѣсколько очень важныхъ желѣзнодорожныхъ узловыхъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, „Конфланъ-Жарни“, по дорогѣ изъ Вердена въ Мецъ, желѣзнодорожная станція въ Кольмарѣ, станція между Ипромъ и Рудлеромъ. Кромѣ того, бомбардировалъ районъ Лангеваль, къ западу отъ Камбля, германскія укрѣпленія на холмѣ Бримонъ, около Реймса, вокзалъ Шателенъ, въ Аргоннахъ и вокзалъ Бюртекуръ, въ Лотарингіи.

17 іюля произведены особенно удачные налеты эскадрильями по 45 аэроплановъ, которыми разрушены чрезвычайно важные пункты: 1) изготовляющій удушливые газы заводъ въ Дорнахъ (Эльзасъ) и 2) керосиновый заводъ въ Пешельброннѣ, между Хагенау и Висембургомъ.

На итальянскомъ фронтѣ успѣшно развиваются боевыя операціи въ области Изонцо, гдѣ австрійцы сіяются преградить итальянцамъ путь къ Триесту. По свѣдѣніямъ изъ швейцарскихъ газетъ, командующій австрійской арміей эрцгерцогъ Евгений просилъ у австрійскаго штаба подкрѣпленій, указывая, что наличныя силы австрійцевъ не смогутъ сдержать рѣшительнаго натиска итальянцевъ. Специальный корреспондентъ „Local Anzeiger“ сообщаетъ, что австрійцы поражены блестящей подготовкой, распорядительностью и храбростью итальянскихъ офицеровъ. Линія Изонцо, по словамъ этого же нѣмецкаго корреспондента, непреступна, но все же австрійцы не смогутъ долго устоять противъ неутомимаго натиска итальянцевъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ изъ главной итальянской квартиры, по 9-е августа достигнутъ значительный успѣхъ въ Секстенской долинѣ, по Дравѣ; захвачены приступомъ австрійскія позиціи въ долинахъ Вахербаха и Боденбаха и одержана значительная частичная побѣда въ долинѣ Попена. Въ области Монте-Неро итальянцы успѣшно продвигаются въ направленіи Пледцо. По послѣднимъ сообщеніямъ съ итальянскаго фронта, въ долинѣ Изонца приходится вести утомительную и крайне медленную минную подрывную войну, благодаря чему операціи носятъ позиціонный характеръ.

Операціи союзниковъ у Дарданелль.

Въ іюлѣ значительныя силы британскихъ войскъ высадились въ заливъ „Сувла“, къ сѣверу отъ австрійскихъ и ново-зеландскихъ корпусовъ, оперирующихъ со стороны Эгейскаго моря, отъ Габа-Теле. Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ союзниковъ на Галлиполь-

скомъ полуостровѣ очень кратки и неопредѣленны.

Телеграммы изъ Аѳинъ превозносятъ успѣхи союзниковъ и сообщаютъ о началѣ общаго рѣшительнаго наступленія арміи генерала Гамильтона. Официальные бюллетени британскаго адмиралтейства сообщаютъ лишь о частичныхъ успѣхахъ и о подвозѣ новой арміи генерала Саррайля. Въ общемъ, положеніе рисуется еще въ начальной подготовительной фазѣ, хотя и близкой къ окончанію, что, конечно, дастъ возможность развить въ недалекомъ будущемъ планомерныя дѣйствія одновременно на сушѣ и на морѣ.

Пока же достоверно извѣстно лишь то, что союзники отбѣснили турокъ съ чрезвычайно сильной и укрѣпленной позиціи по оврагу Кервезъ-Дере и протянулись отъ пролива до Егейскаго моря, поперекъ полуострова. Отъ пролива до Критіи дѣйствуютъ французы, а далѣе, на сѣверъ, до Егейскаго моря—англичане.

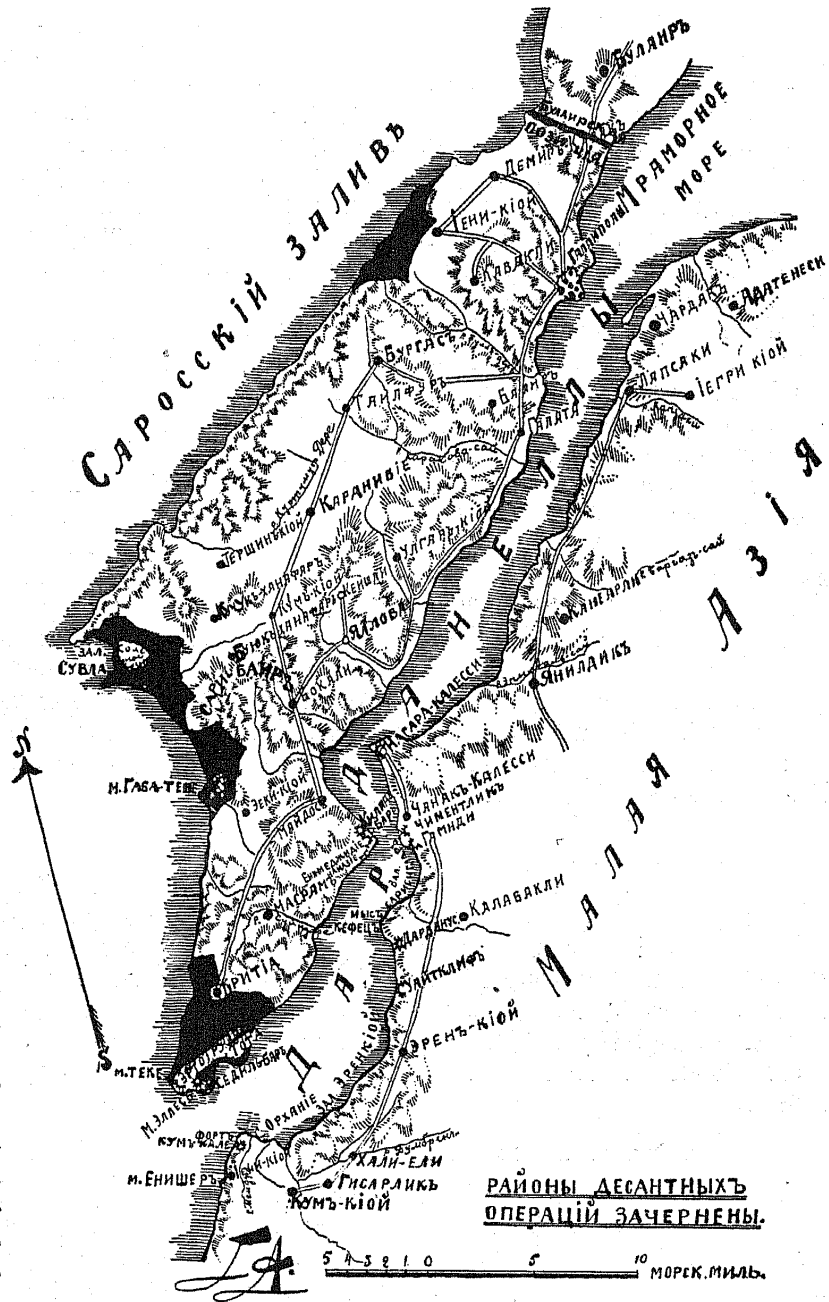
Австрійцы и новозеландцы, оперирующіе отъ Габа-Тепе въ направленіи на Майдосъ, постепенно преодолеваютъ турецкое сопротивленіе на позиціяхъ по Сари-Баиру.

Эти корпуса найдутъ теперь поддержку со стороны отряда, высадившагося у Сувлы. Если союзникамъ удастся продвинуться къ Майдосу, то это будетъ крупнымъ и очень существеннымъ успѣхомъ.

Бывшіе въ началѣ осады Дарданелль слухи о высадкѣ союзниковъ на берегу Саросскаго залива, западнѣ Іени-Кюйя, официально до сихъ поръ еще не подтвердились, оставаясь „свѣдѣніями изъ Аѳинъ и Салоникъ“, требующими тщательной провѣрки, чтобы не впасть въ ошибочную оцѣнку общаго положенія.

Если-бы въ этомъ районѣ дѣйствительно произошла высадка крупныхъ силъ, то британское адмиралтейство не облекло-бы такого важнаго событія военной тайной. По крайней мѣрѣ объ обстрѣлѣ буларскихъ позицій со стороны Саросскаго залива и о значеніи этой операціи сообщалось вполне откровенно.

Буларскія позиціи, расположенныя на сѣверо-востокъ отъ Іени-Кюйя, защищаютъ проходъ на Галлипольскій полуостровъ съ суши, перехватывая единственный удобный почтовый трактъ: Галлиполи-Буларъ-Кешанъ и Узунъ-Кенри, къ сѣверу отъ ко-

торого проходитъ желѣзная дорога на Константинополь.

Слѣдовательно, высадка въ районѣ Іени-Кюйя могла бы прекратить приливъ турецкихъ подкрѣпленій, морской путь которыхъ Мраморнымъ моремъ и проливомъ, въ виду смѣлыхъ операцій подводныхъ лодокъ союзниковъ, небезопасенъ. Во всякомъ случаѣ, развитіе рѣшительныхъ дѣйствій потребуетъ времени, и до окончанія сосредоточенія французской арміи генерала Саррайля, идущей на усиленіе войскъ генерала Гамильтона, нельзя ожидать какихъ либо крупныхъ и интересныхъ событій. По послѣднимъ официальнымъ свѣдѣніямъ, высадка корпусовъ новой десантной арміи уже закончилась.

Въ Мраморномъ морѣ.

Въ связи съ операціями союзнаго флота у Дарданеллъ, предприняты мѣры къ парализованію подвоза подкрѣпленій и боевыхъ припасовъ изъ Константинополя на судахъ по Мраморному морю. Нѣсколько англійскихъ подводныхъ лодокъ форсировали Дарданеллы и блестяще справляются съ этой трудной и преисполненной самоотверженнаго риска задачей. 19 іюля одной изъ этихъ подводныхъ лодокъ удалось проникнуть даже въ Константинопольскій портъ и обстрѣлять желѣзно-дорожный вокзалъ въ моментъ посадки въ вагоны войскъ. Другая лодка въ концѣ іюля выпустила мину въ галатскій мостъ; открывшія

по ней огонь турецкія батареи разрушили галатскую таможню, не причинивъ никакого вреда лодкѣ, которая успѣла благополучно скрыться.

Почти въ то же самое время нѣсколько подводныхъ лодокъ обстрѣляли со стороны Измидскаго залива поѣздъ и тоннель Генже, а удачно выпущенной миной былъ потопленъ большой угольный транспортъ. Часть подводныхъ лодокъ прошла черезъ Босфоръ въ Черное море и присоединилась къ нашему флоту, вмѣстѣ съ которымъ ведетъ успѣшную борьбу съ турецкимъ каботажемъ у Анатолійскаго побережья.

10 августа
1915 г.

Г. Алексѣевъ.

Внутреннее обозрѣніе.

19-е іюля—день открытія сессіи Государственной Думы—историческая дата нашей общественной жизни. Страна съ нетерпѣніемъ ждала, какъ отзовутся избранные ея на вопросы, связанные съ исключительнымъ по важности своей переживаемымъ моментомъ.

Только правительство наше совершенно не давало себѣ отчета какую роль предстоитъ сыграть Государственной Думѣ.

„Для программныхъ рѣчей по общей политикѣ теперь, по нашему убѣжденію, не время. Работа по улучшенію мирныхъ условий русской жизни впередъ“... сказалъ И. Л. Горемыкинъ въ своей привѣтственной рѣчи.

Какъ будто до него, главы правительства, такъ таки и не дошло слуха, что вся страна изнываетъ отъ воюющей дезорганизации, вносимой въ укладъ внутренней жизни административною властью, какъ будто такъ таки и не были вынесены облетѣвшія всю Россію и всюду встрѣченныя съ живѣйшимъ сочувствіемъ, резолюціи ряда съѣздовъ общественныхъ дѣятелей, словно не стало уже для всѣхъ яснымъ, какъ

день, что глубокой тылъ нашъ—эта опора для арміи—окончательно выбить изъ условій нормальной жизни и стоять на порогѣ распада.

Если такъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, почему правда о содѣянномъ „ими“, преподнесенная въ первомъ уже засѣданіи Думы, прозвучала такъ неумолимо сурово.

Уже самая формула перехода, выработанная націоналистами, группою центра и октябристами и принятая Думой, содержала въ себѣ не только указаніе на необходимость измѣненія всего политическаго курса, но и требованіе привлеченія къ суду ряда виновныхъ „независимо отъ служебнаго ихъ положенія“.

„Преклоняясь передъ славными и безпримѣрными подвигами нашихъ доблестныхъ арміи и флота, удостоивъ, что истекшій годъ военныхъ испытаній еще болѣе укрѣпилъ во всемъ населеніи Имперіи непреклонную и единодушную рѣшимость продолжать съ нашими вѣрными союзниками борьбу до успѣшнаго конца и не заключать мира до окончательной побѣды; полагая, что скорѣйшая побѣда должна быть достигнута воодушевленнымъ участіемъ всего населенія,

въ созданіи новыхъ средствъ борьбы, а это послѣднее требуетъ упроченія внутренняго мира, примиренія и забвенія старой политической борьбы, а также благожелательнаго вниманія власти къ интересамъ всѣхъ вѣрныхъ въ Россіи гражданъ, безъ различія племени, языка и вѣры; считая, что привести къ скорой побѣдѣ можетъ лишь тѣсное единеніе со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ, и выражая непреклонное убѣжденіе въ томъ, что бывшіе до сихъ поръ недостатки въ дѣлѣ снабженія арміи будутъ при участіи законодательныхъ учреждений и широкихъ общественныхъ силъ безотлагательно устранены, а виновные въ обнаруженныхъ недочетахъ, въ бѣдствіи и преступленіяхъ, понесутъ суровую законную кару, независимо отъ служебнаго ихъ положенія, — Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Мягкія выраженія „формулы“ прозвучали опредѣленно-рѣзко въ обличающихъ рѣчахъ цѣлаго ряда ораторовъ.

„Критическое положеніе, въ которое старая система управленія поставила Россію, — такъ закончилъ рѣчь свою представитель группы прогрессистовъ И. Н. Ефремовъ, — повелительно требуетъ измѣненія самаго духа управленія, призыва къ власти министерства національной обороны, составленнаго изъ лучшихъ представителей страны, независимо отъ ихъ партійной принадлежности, готоваго отвѣтствовать передъ народнымъ представительствомъ, передъ лицомъ иноземнаго врага, распространившаго свое засиліе на всѣ области русской жизни, заповнившаго русскую власть и дерзко мечтающаго въ открытой борьбѣ разгромить Россію, гдѣ всѣ сердца горятъ одними помыслами: „Да цвѣтетъ и славится наша великая Русь — и никакіе нѣмцы ей не страшны“.

„Правда свѣтлѣе солнца, но наши мужицкіе глаза она неослѣпяетъ“... — сказалъ представитель крестьянской группы, И. Т. Евсѣевъ, требуя раскрытія всей правды народу. — „Говорятъ, что въ дѣлѣ снабженія боевыми припасами замѣчены какія то безотвѣтственные лица, но передъ родиной и Государемъ ихъ не должно быть. Чтобы обезпечить за собой побѣду, необходимо, прежде всего, честная власть, которая должна стать слугою правды, слугою народа, власть подзаконная, отвѣтственная передъ народомъ...“

Всѣ лица, занимавшія отвѣтственные посты и не оправдавшія Государево довѣріе, должны получить должное возмездіе. Надъ ними должно быть наряжено слѣдствіе и пусть воздастся каждому по дѣламъ его. Этимъ будетъ успокоена возмущенная народная совесть.

„Помните, обращался къ Думѣ трудовикъ А. Ф. Беренскій, „что основная задача момента — не законодательствовать, а создать новую и здоровую власть въ странѣ, создать здоровую систему управленія“.

Такъ властно и рѣшительно выясняли депутаты

всю непригодность, проявленную правящими сферами въ отвѣтственный для страны моментъ.

Естественный выводъ изъ всѣхъ рѣчей — это необходимость привлеченія въ ряды правительства лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ. Прогрессисты даже внесли было въ формулу перехода, цитированную нами выше, поправку, въ коей требовали „немедленнаго установленія отвѣтственности передъ Государственной Думой правительства, составленнаго изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны“.

Фактъ непринятія этой поправки, причѣмъ кадеты воздержались отъ голосованія, вызвалъ весьма страстные толки въ обществѣ.

Въ виду важнаго принципиальнаго значенія вопроса объ „отвѣтственности министерства“ заимствуемъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ разъясненіе его.

„Нужно различать такъ называемую юридическую и политическую отвѣтственность министровъ. Подъ юридической отвѣтственностью министровъ разумѣется особый порядокъ уголовного преслѣдованія ихъ за преступленія по должности по постановленію Нижней палаты парламента. Исторически этотъ институтъ являлся обыкновенно переходной ступенью къ политической отвѣтственности, полное развитіе которой дѣлало примѣненіе юридической отвѣтственности практически ненужнымъ. Что касается политической отвѣтственности, то она представляетъ собой такой порядокъ управленія, при которомъ министерство, составляющееся, по общему правилу, изъ представителей парламентскаго большинства, опирается на это большинство и ставитъ свое существованіе въ зависимость отъ него, выходя въ отставку при расхожденіи съ палатой по вопросу болѣе или менѣе крупнаго значенія. Короче говоря, политическая отвѣтственность министровъ есть лишь другое названіе для парламентаризма.“

Оба понятія отвѣтственности нерѣдко смѣшиваются, и, повидимому, въ довольно широкихъ кругахъ, съ терминомъ „отвѣтственность министровъ“ связывается по преимуществу предствленіе объ юридической отвѣтственности. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ предложеніи прогрессистовъ и въ думскихъ преніяхъ имѣлась прежде всего въ виду политическая отвѣтственность, имѣющая несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ юридическая, и покрывающая эту послѣднюю.

Парламентарное министерство должно опираться на опредѣленное парламентское большинство, отъ прочности котораго зависитъ устойчивость его существованія. Если, какъ это бываетъ при дробленіи парламента на большое число независимыхъ другъ отъ друга и не связанныхъ никакимъ взаимнымъ соглашеніемъ фракцій, парламентское большинство колеблется и измѣняется, слагаясь при различныхъ голосованіяхъ изъ различныхъ элементовъ, то хотя нельзя сказать, чтобы политическая отвѣтственность министерства была при такихъ условіяхъ совершенно неосуществима, но, во всякомъ случаѣ, существованіе отвѣтственныхъ министерствъ не можетъ быть устойчивымъ. При подобномъ положеніи вещей, частыя смѣны кабинетовъ, сопровождаемая длительными правительственными кризисами, представляютъ собой обычное явленіе. Между паденіемъ одного кабинета и образова-

нiемъ другаго проходить иногда довольно значительный промежутокъ времени, въ теченiе котораго происходятъ сложные переговоры между вождями партiй. Въ условiяхъ мирнаго времени вытекающiя отсюда неудобства не могутъ имѣть рѣшающаго значенiя; но при условiяхъ, подобныхъ переживаемымъ нами, они представляли бы большую опасность. Сейчасъ нельзя настаивать на образованiи отвѣтственнаго министерства, не будучи заранѣе увѣреннымъ въ наличности обезпечивающаго ему устойчивое существованiе прочнаго большинства. А такое большинство,—при существующемъ партiйномъ дѣленiи Думы,—могло бы быть создано только однимъ путемъ,—путемъ коализацiи партiй, основанной на опредѣленномъ соглашенiи по главнымъ вопросамъ текущей государственной жизни. До образованiя такого коалиционнаго большинства, требованiе отвѣтственнаго министерства при данномъ положенiи не можетъ вообще имѣть практическаго значенiя.

Но это условiе не единственное. Рядомъ съ нимъ стоитъ второе, не менѣе важное. Вопросъ о введенiи парламентаризма въ Россiи нельзя разсматривать внѣ связи съ дѣйствующей избирательной системой и опредѣляемымъ ею составомъ парламента. Тамъ, гдѣ существуетъ демократическое избирательное право, довѣрие парламента большинства создаетъ презумпцiю довѣрiя страны. У насъ, при Положенiи о выборахъ 3-го iюня, условiя совершенно иныя. Дума по своему составу не является отраженiемъ страны, и потому и отвѣтственность министерства передъ Думой сама по себѣ еще не означаетъ отвѣтственности его передъ страной. Не всякое думское большинство было бы способно выдѣлить изъ себя кабинетъ, пользующiйся довѣрiемъ страны. Если бы, напримѣръ, требованiе отвѣтственнаго министерства осуществилось на практикѣ въ формѣ правооктябристкаго министерства, это, вѣроятно, жестоко обмануло бы ожиданiя тѣхъ, кто ищетъ сейчасъ въ парламентаризмъ выхода изъ труднаго положенiя, въ которомъ находится наше отечество.

Нельзя, конечно, отрицать, что и въ парламентѣ, избранномъ неправильнымъ и несовершеннымъ путемъ, въ рѣшительный моментъ государственной жизни можетъ образоваться большинство, готовое и способное твердо и послѣдовательно идти по пути, указываемому общественнымъ мнѣнiемъ страны. Но чтобы выступить съ требованiемъ немедленнаго образованiя парламентарнаго министерства, нужно, чтобы такое парламентаекое большинство перешло въ область дѣйствительности, сдѣлалось совершившимся фактомъ.

Образованiе въ Думѣ коалиционнаго большинства съ политической программой, соотвѣтствующей настроенiю широкихъ слоевъ населенiя,—вотъ то важнѣйшее и основное условiе, осуществленiе котораго было бы необходимо прежде всего, для того, чтобы Россiя могла перейти въ настоящее время къ парламентаризму“.

Совершенно правильное въ теорiи, разъясненiе это непримѣнимо къ данному моменту. Сейчасъ партiйная окраска не имѣетъ рѣшающаго значенiя. Сейчасъ вся страна, какъ и Гос. Дума распадается на двѣ неравныя политическiя группы: приверженцы затхлой реакцiи, идейными

истолкователями коихъ является Дурново и Щегловитовъ, а послѣдователями „запоздавше своимъ рожденiемъ“ крѣпостники,—и огромная масса (крестьянство, рабочiй классъ, интеллигенцiя), страстно ждущая раскрѣпощенiя внутренней жизни.

Дальнѣйшiя событiя наглядно показали всю ошибочность кадетской тактики. Вопросъ объ „отвѣтственномъ министерствѣ“ снова сталъ теперь злобою дня.

Впечатлѣнiе, произведенное первыми засѣданiями Государственной Думы (19-го и 20 Iюля) на общество и правительство было огромно.

Однимъ изъ реальныхъ результатовъ ихъ было рѣшенiе правительства образоватъ „верховную слѣдственную комиссiю“ для разслѣдованiя неурядковъ, поставившихъ въ тяжелое положенiе нашу армiю.

Другимъ откликомъ правительства явилось назначенiе на постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ князя В. М. Волконскаго, бывшаго товарищемъ предсѣдателя Государственной Думы. Въ связи съ назначенiемъ этимъ возродились надежды на скорую смѣну цѣлаго ряда губернаторовъ, снякавшихъ себѣ позорную кличку „дезорганизаторовъ“.

Въ послѣдующихъ засѣданiяхъ Госуд. Дума разсмотрѣла рядъ законопроектовъ: по вопросу о снабженiи армiи, о подоходномъ налогѣ, о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ и съ дороговизной. Пренiя по вопросу о „нѣмецкомъ засилiи“ развернулись шире, чѣмъ предполагали инициаторы его. Борьба съ „нѣмцами-управляющими“ и съ „нѣмцами“, упрочившимися на всѣхъ ступеняхъ бюрократической лѣстницы, и преимущественно на самомъ верху ея, еще не освободить Россiю отъ нѣмецкаго засилья. Какъ извѣстно, побѣду свою во франко-прусской кампанiи 1870 г. нѣмцы сами объясняли такъ: „побѣдилъ школьный учитель“. Сознавъ огромную важность просвѣщенiя народныхъ массъ для процвѣтанiя и мощи государства, нѣмцы широко ввели его у себя, допустивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и проявленiе общественной самодѣятельности. Что же касается Россiи, то въ заботахъ о грозномъ сосѣдѣ своемъ, нѣмцы приложили всѣ усилiя къ тому, чтобы не дать ему возможности выйти изъ путъ невѣжества и угнетающей административной опеки. Имъ обязаны мы и отсутствiемъ у насъ обязательнаго всеобщаго обученiя, и „казенной продажей“ и прочнымъ наслѣдiемъ крѣпостного права во всѣхъ формахъ государственнаго строя. Введите демократическое избирательное право для Думы и мѣстныхъ учреждений, распространите самоуправленiе на окраины, уничтожьте національныя курiи и прочiя національныя перегородки, преобразуйте на демократическихъ началахъ жизнь Прибалтiйскаго края, снимите оковы административной опеки съ жизни населенiя вообще и крестьянскаго населенiя въ особенности, откройте ему широкой доступъ къ знанiю,—и само собой отпадетъ основанiе говорить о господствѣ въ Россiи національной группы, составляющей столь ничтожный процентъ ея населенiя.

Но тѣ, кто сейчасъ громче всѣхъ кричатъ о нѣмецкомъ засильѣ, не хотятъ этихъ реформъ и боятся ихъ. И вмѣсто прямого и вѣрнаго государственнаго пути, они указываютъ другой, извилистый и обманчивый, который не можетъ привести къ цѣли; вмѣсто радикальнаго лѣченія, которое можетъ состоять только въ укрѣпленія всего организма, они прибѣгаютъ даже не къ палліативамъ, а къ „отвлекающимъ средствамъ“.

На ряду съ разработкой законопроектовъ, Гос. Дума предъявила правительству и рядъ запросовъ.

Причемъ особенно горячій характеръ носили рѣчи по запросу о Костромскихъ событіяхъ. Гр. Бобринскій вполне присоединился къ докладчику Хаустову, настаивавшему на признаніи запроса спѣшнымъ.

„Правительство, сказалъ онъ, объ этомъ печальномъ случаѣ не можетъ не знать; оно вполне имѣло время все обсѣдывать и приготовиться къ отвѣту на этотъ вопросъ въ тотъ же день, какъ онъ былъ внесенъ въ Гос. Думу. Объ этомъ печальномъ событіи говорилось публично еще въ Москвѣ, на сѣздѣ, въ началѣ іюля мѣсяца, т. е. мѣсяцъ тому назадъ. Несомнѣнно, правительство не можетъ не понимать, что то, что произошло въ Костромѣ, печально отзывается по всей Россіи, многихъ волнуетъ. Правительство не можетъ не сознавать, что оно обязано какъ можно скорѣе выяснитъ и намъ, и черезъ насъ всей странѣ, всѣ обстоятельства этого дѣла. Оно должно намъ сказать, либо что дѣйствительно были такія обстоятельства, которыя вызывали печальную необходимость—иногда это бываетъ—стрѣлять въ толпу, или же оно должно сказать, что этихъ обстоятельствъ не было, и должно намъ объяснить, какія мѣры приняты для наказанія виновныхъ. Тотъ или другой вопросъ успокоилъ бы и насъ, успокоилъ бы и страну. Между тѣмъ, правительство, пользуясь своимъ формальнымъ правомъ, даже не находится тутъ, и не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній. Я думаю, что правительство плохо понимаетъ свои обязанности въ настоящую тяжелую минуту...“

Такъ говорилъ представитель націоналистовъ, оказавшійся вполне солидарнымъ съ социаль-демократами. Само собою разумѣется, рѣчи послѣднихъ носили болѣе рѣзкій и обличительный характеръ. Но самый фактъ неожиданнаго объединенія думской оппозиціи и слишкомъ частаго присоединенія къ нимъ представителей другихъ фракцій вызвалъ въ правительственныхъ кругахъ стремленіе сплотиться въ „Черный блокъ“. Столпы, реакціи, Дурново, Щегловитовъ, Маклаковъ усиленно стали вербовать себѣ союзниковъ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ, въ цѣляхъ противодействія всѣмъ попыткамъ раскрѣ-

пощенія нашей общественности. Вѣроятно, въ связи съ этой попыткой правыхъ вернуть себѣ былыя позиціи, стоятъ и совѣщаніе Горемыкина съ представителями думскаго праваго крыла, на которомъ старался онъ выяснитъ, возможно ли возсоздать прежнее большинство въ Гос. Думѣ.

Тутъ предъ нами снова встаетъ вопросъ объ „отвѣтственномъ министерствѣ“, снятый 19-го іюля съ очереди отказомъ кадетовъ отъ голосованія. Конечно, о парламентаризмѣ въ западномъ смыслѣ этого слова, у насъ не можетъ быть пока и рѣчи. Но министерскій кризисъ мы переживаемъ. О „кабинетѣ общественнаго довѣрія“ или „національной оборонѣ“ идутъ толки въ обществѣ, выносятся резолюціи на сѣздахъ. Насталъ моментъ, когда министры должны быть облечены довѣріемъ страны.

Вопросъ этотъ становится съ каждымъ днемъ острѣе. Ибо все новые и новые факты подчеркиваютъ его неотложность. Въ засѣданіи Думы 18 августа при обсужденіи запроса о бѣженцахъ выяснилось, что хотя при открытіи Государственной Думы Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и было торжественно заявлено о дарованіи Польшѣ автономіи, однако на практикѣ отношеніе администраціи русской къ полякамъ представляетъ собою сплошное правонарушеніе. Картина, выяснившаяся предъ Думой, была настолько ужасна, что даже правые прерывали оратора возгласами: „произвести ревизію охраннаго отдѣленія“. Какъ видно, недостаточно смѣны ослабившихъ себя реакціонеровъ людьми новыми, недостаточно поставить вмѣсто Маклакова кн. Щербатова, надо устранить всю прежнюю систему, вытравить ее съ корнемъ. А это возможно лишь при широкомъ участіи всѣхъ слоевъ населенія. Пока правительство въ лицѣ министровъ своихъ будетъ выражать готовность считаться съ запросами народнаго представительства, а агенты его на мѣстахъ будутъ продолжать прежнюю линію, не останавливаясь ни предъ провокаціей, ни предъ разстрѣломъ рабочихъ массъ, какъ то имѣло мѣсто въ Иваново-Вознесенскѣ, дѣло защиты родины нельзя считать поставленнымъ. Пока населеніе будетъ мечтать, какъ о благодѣяннѣ, о томъ, чтобы губернаторы и градоначальники избавили отъ своего попеченія, до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣчи о спокойствіи внутри страны.

А только спокойная вѣра народа, что всѣми повсюду дѣлается послѣднее для использованія всѣхъ силъ страны въ цѣляхъ одолѣнія врага, можетъ обезпечить побѣду.

„Кабинетъ общественнаго довѣрія“ необходимъ въ первую очередь.

Черняевъ.

На зарубежныя темы.

I.

Тринадцатый мѣсяць войны ознаменовался еще большимъ увеличеніемъ напряженія міровой борьбы. Произошелъ разрывъ дипломатическихъ отношеній между Италіей и Турціей, съ которой наша новая союзница только въ 1912 году заключила въ Лозаннѣ миръ, давшій итальянцамъ Ливію.

Современная война—это круговая порука всѣхъ ея участниковъ. Ни одно выступленіе международнаго характера кого либо изъ членовъ противогерманской коалиціи не является изолированнымъ, а преслѣдуетъ общую цѣль войны — интересы всѣхъ союзниковъ. Эта, такъ сказать, внутренняя связь среди союзниковъ, переходитъ въ такую же спаянность и согласованность и въ отношеніи къ ихъ противникамъ, державамъ новаго тройственнаго союза. Многіе выражали удивленіе „изолированности“ Италиі, ведущей борьбу лишь съ Австро-Венгріей, хотя очевидно было, что вопросъ заключается лишь въ формальномъ объявленіи войны Германіи и Турціи, такъ какъ въ отношеніяхъ Италиі къ этимъ державамъ ничего „мирнаго“ не было.

Въ настоящее время, когда „война объявлена“, важно освѣтить не причины задержки выступленія Италиі на турецкомъ театрѣ—задержки чисто технического характера—а обстоятельства, благодаря которымъ Турція, казалось бы заинтересованная въ томъ, чтобы всячески оттягивать моментъ итальянскаго выступленія, наоборотъ сдѣлала съ своей стороны все, чтобы этотъ моментъ ускорить.

Такой „турецкій парадоксъ“ дѣлается понятнымъ, если вспомнить, что никакого самостоятельнаго значенія дѣйствія турецкой дипломатіи не имѣютъ, а являются слѣдствіемъ исполненіемъ берлинскихъ указаній. Ключъ выступленія Италиі противъ турокъ находится на итало-австрийской границѣ, гдѣ движеніе итальянскихъ войскъ на сѣверъ въ Тироль и на востокъ черезъ рѣку Изонцо—начинаетъ мало-по-малу выходить изъ сферы затяжной горной войны, и не такъ далеко время, когда войска Виктора Эммануила окажутся на путяхъ къ важнымъ пунктамъ Габсбургской монархіи. Передъ нѣмцами и австрийцами стояла задача „распылить“ усилія итальянцевъ, создать угрозу въ другихъ пунктахъ итальянскаго фронта, и тѣмъ облегчить положеніе австрийцевъ, главные силы которыхъ заняты на нашемъ фронтѣ.

Нужно отмѣтить, что въ одномъ пунктѣ стремленіе нѣмцевъ ускорить итало-турецкое столкновеніе совпадало съ интересами самихъ итальянцевъ. Это дарданельскій вопросъ и открытіе черноморскихъ портовъ, гдѣ Италиа сможетъ сдѣлать закупки необходимаго для нея хлѣба. Такимъ образомъ, Дарданеллы—вотъ первый „внѣшній“ для итальянцевъ театръ, куда должны быть посланы ихъ войска.

Второй и самый большой „клапанъ“, который нѣмцамъ хотѣлось открыть для итальянскихъ войскъ—это Ливія. Изъ циркулярнаго письма, разосланнаго итальянскимъ посламъ Римскимъ кабинетомъ передъ объявленіемъ войны, видно, что турецкіе офицеры и регулярныя войска, не покинули Ливіи послѣ заключенія Лозанскаго мира, а оставались руководить возстаніями арабовъ. Съ объявленіемъ войны Турціи, будетъ сдѣлана попытка поднять противъ Италиі всѣ арабскія племена, населяющія сѣверъ Африки между Тунисомъ и Египтомъ, что, по мнѣнію нѣмцевъ, должно отвлечь крупныя военныя силы Италиі на ближній африканскій театръ.

Наконецъ, остается третій—„дальній“ африканскій театръ, который, хотя большихъ заботъ итальянцамъ и не создастъ, но тѣмъ не менѣе можетъ занять на короткое время вниманіе итальянскаго генеральнаго штаба. Это—итальянская Сомаль, небольшая колонія, лежащая въ восточной Африкѣ, куда турки пытались проникнуть еще во время войны 1911 года.

Вотъ общій планъ „разсасыванія“ итальянскихъ силъ, задуманный нѣмцами.

Въ Берлинѣ все еще не могутъ разстаться съ надеждой поднять исламъ противъ своихъ противниковъ, хотя главная карта въ этой игрѣ была бита еще въ сентябрѣ прошлаго года, когда выступленіе Турціи не повлекло за собою мятежа мусульманъ, состоящихъ въ подданствѣ державъ тройственнаго согласія.

Что касается возможныхъ затрудненій для Италиі, связанныхъ съ повстанческимъ движеніемъ среди арабовъ, то итальянцы уже учли это обстоятельство и частью приняли мѣры, парализующія замыслы нѣмцевъ. Такъ въ Ливіи, итальянцы, дабы не распылять своихъ силъ, покинули оазисы пустыни и стянулись къ побережью, защита котораго не требуетъ большого числа войскъ. Сомаль—слишкомъ незначительная колонія, чтобы за ея судьбу можно было беспокоиться. Что же касается Дарданеллъ, то появленіе итальянскихъ силъ тамъ весьма вѣроятно, и не приведетъ-ли оно въ свою очередь къ скорому появленію союзныхъ войскъ подъ стѣнами Константинополя?

II.

Штиль на Балканахъ, о которомъ мы писали въ прошломъ мѣсяцѣ, смѣнился сильнымъ волненіемъ, связаннымъ съ іюльскимъ выступленіемъ четверного согласія въ Софіи, Нишѣ и Аѣинахъ.

Какъ извѣстно, державы четверного согласія предлагаютъ Греціи и Болгаріи, за ихъ выступленія на сторонѣ четверного согласія, слѣдующія компенсаціи: Греція—уступаетъ Болгаріи Кавалу, съ островомъ Тазосъ и областью на сѣверо-западѣ отъ Ка-

валы. За то Греція получаетъ въ Малой Азіи Смирнскій вилайетъ, а также въ ея пользу будетъ урегулированъ вопросъ объ островахъ Эгейскаго моря.

Болгарія, кромѣ греческихъ уступокъ, получаетъ бесспорную зону Македоніи, предусмотрѣнную сербо-болгарскимъ договоромъ 1912 г., а во Фракіи ея границы отодвигаются до линіи Мидія—Эносъ, съ урегулированіемъ послѣдней по окончаніи войны.

Сербія, за уступку Македоніи, компенсируется территориями въ Албаніи, Босніи съ Герцеговиной и выходомъ въ Адриатическое море.

Если бы, вообще, правительства и другіе отвѣтственные факторы государствъ руководствовались лишь соображеніями прямыхъ интересовъ управляемыхъ ими странъ, то о принятіи проекта державъ можно было бы и не хлопотать, ибо жизненность его ясна безъ комментариевъ. Но дипломатическая и политическая практика нашихъ дней, а тѣмъ болѣе балканская, знаетъ слишкомъ много приемовъ и косвенныхъ путей къ цѣлямъ, поставленнымъ себѣ балканскими государствами. Кромѣ грандоманіи, которою они почти все болыны, есть много обстоятельствъ, сопутствующихъ моменту и мѣшающихъ скорому и планомѣрному улаженію балканскаго кризиса.

Болѣе всѣхъ подаетъ надежды на стоворчивость Сербія. Находящаяся подъ угрозой новаго нашествія австро-германцевъ, прошедшая черезъ многократныя испытанія междубалканскихъ трений и внутреннихъ неурядицъ, связанныхъ съ ея непримиримостью въ македонскомъ вопросѣ, Сербія, видимо, идетъ на уступки. Такъ офиціозъ сербскаго правительства „Самоуправа“ пишетъ:

„Хотя намъ и неизвѣстна въ подробностяхъ нота, представленная четвернымъ согласіемъ, однако, можно совершенно положительно утверждать, что шаги, предпринятые этимъ согласіемъ, клонятся ко благу. Балканскіе державы и народы никоимъ образомъ не должны беспокоиться по этому поводу. Какимъ образомъ могли бы эти шаги дружественныхъ державъ беспокоить насъ, послѣ того, какъ эти державы дали намъ столько доказательствъ своей дружбы и всегда принимали къ сердцу наше благо, а теперь доказываютъ желаніе окончательно урегулировать отношения между балканскими странами для общаго ихъ блага? Если и были какія ошибки въ подробностяхъ, то со временемъ выяснятся, кто былъ въ нихъ виноватъ, и чье вниманіе должно быть обращено на эти возможные ошибки, съ цѣлью ихъ исправленія. Что же касается довѣрія къ справедливости нашихъ друзей и союзниковъ, то мы въ этомъ отношеніи можемъ быть совершенно спокойны“.

Кромѣ того, послѣднія извѣстія говорятъ, что сербы предполагаютъ отдать Македонію до Вардара

по объявленіи Болгаріей войны Турціи, а остальную часть, до сербской зоны, послѣ окончанія войны, причемъ до этого момента завардарская часть должна быть оккупирована союзными войсками. Подобный планъ долженъ быть санкціонированъ, во-первыхъ, короной, а во-вторыхъ, скупщиной. Указанія офиціоза, а также общій примирительный тонъ, который царитъ сейчасъ въ Сербіи, даетъ возможность думать, что вершителю судебъ въ Сербіи, въ тяжкую годину своей родины, окажутся на высотѣ положенія.

Но если въ поведеніи политическихъ круговъ Сербіи и въ тонѣ ея печати можно уловить признаки и нотки для прогноза въ опредѣленную сторону, то, наоборотъ, софійскій горизонтъ крайне туманенъ и поведеніе кабинета д-ра Радославова не выходитъ изъ полосы „нейтралитета на обѣ стороны“. Авторитетныя германскія газеты, какъ, на примѣръ, „Vossische Zeitung“ завѣряютъ своихъ читателей, что турецко-болгарское соглашеніе о фракійской границѣ состоялось, однако болгарская пресса отрицаетъ это и мы знаемъ, что болгарскіе делегаты уѣхали изъ Константинополя. Въ то же время, въ разгаръ переговоровъ съ союзниками, покидаетъ постъ болгарскій военный министръ Фичевъ, считавшійся сторонникомъ согласія. Если учесть вліяніе, которымъ пользуются въ Софіи главари македонскихъ организацій, для которыхъ предложеніе державъ о соглашеніи съ Сербіей на почвѣ уступки послѣдней Македоніи до спорной зоны неприемлемо, — то много труда придется потратить руссофильскимъ кругамъ болгарскаго общества на примиреніе берлинскихъ предложеній — в с я Македонія (со Скоплье и Кумановымъ) за нейтралитетъ, — и предложенія державъ согласія — бесспорная зона въ Македоніи, Кавала съ Hinterland'омъ и Адрианопольскій вилайетъ — за войну.

Но если у болгаръ есть соблазнъ отъликнуться на авансы изъ Вѣны и Берлина, то упорство Греціи, устами правительства Гунариса заявившей протестъ противъ уступокъ Болгаріи, кажется совершенно непопятнымъ. Нѣмцы за счетъ своихъ союзниковъ-турокъ оплачиваютъ греческіе счета не намѣрены, а, по словамъ „Рѣчи“, предлагаютъ въ Афинахъ „внутреннюю консолидацію государства“. Нынѣ призванному къ власти Венизелосу предстоитъ, если онъ пойдетъ на сближеніе съ державами согласія, примирить интересы Греціи и Италіи въ Эпирѣ и въ Эгейскомъ морѣ, настоять на уступкѣ Болгаріи Кавалы, и, главное, заставить грековъ разстаться съ мечтами о Византіи, которыми болыны не только рядовые греки, но и тѣ, кто изъ-за этой неумной грандоманіи настоялъ на отставкѣ Венизелоса въ февралѣ мѣсяцѣ.

П. Чернаскій.

Заря новой жизни для кооперации.

Н. Пажитновъ.

Въ настоящемъ году русская кооперация празднуетъ пятидесятилѣтіе своего существованія, и за это время много было убито силъ и энергіи многими сотнями и тысячами людей, увѣровавшихъ въ нее и желавшихъ поработать надъ дѣломъ освобожденія народнаго труда.

Эти труды не пропали даромъ: на необъятномъ пространствѣ нашей страны, отъ Польши до Сибири и отъ Архангельска до Тифлиса, возникло до тридцати тысячъ разнаго рода кооперативовъ, которые по мѣрѣ силъ стремятся поднять матеріальный и культурный уровень своихъ членовъ, защитить ихъ отъ эксплуатаціи всевозможныхъ посредниковъ и кулаковъ, внести свѣтъ и тепло новыхъ товарищескихъ отношеній туда, гдѣ царила конкуренція, развивать духъ независимости и самодѣятельности тамъ, гдѣ господствовали произволъ съ одной стороны и приниженность—съ другой.

Однако нельзя не видѣть, что кооперации приходится прокладывать себѣ дорогу въ очень неблагоприятныхъ общественныхъ и бытовыхъ условіяхъ, постоянно наталкиваясь на недоброжелательное и подозрительное отношеніе со стороны какъ мѣстныхъ, такъ и центральныхъ властей; вслѣдствіе этого она не можетъ развернуть всѣхъ своихъ силъ, на которыя способна, и сыграть ту роль въ дѣлѣ оздоровленія внутреннихъ экономическихъ условій жизни, потрясенныхъ и разстроенныхъ тяжелой войной съ сильнымъ и хорошо организованнымъ противникомъ, какую играетъ она на Западѣ. Какія терніи приходится ей встрѣчать на своемъ пути, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ отвѣты изъ разныхъ концовъ Россіи на недавнюю анкету, устроенную Петроградскимъ Отдѣленіемъ Комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ.

Такъ, напр. въ селѣ Екатерининскомъ Котельничскаго у. Вятской губ., сельско-хозяйственное общество не было разрѣшено вице-губернаторомъ въ виду того, что „село Екатерининское отстоитъ отъ города всего лишь въ 20 верстахъ и жители этого села во всякое время года могутъ все необходимое приобретать въ г. Котельничѣ въ складѣ уѣзднаго земства“. Общество потребителей „Выгода“ въ мѣстечкѣ Будславѣ Вилейскаго у. Виленской губ. въ 1911 г. подавало прошеніе за подписью 17 лицъ, но получило отказъ въ утвержденіи на томъ основаніи, что изъ числа ихъ трое было несовершеннолѣтнихъ. Староградское Винницкое ссудосберегательное товарищество ждало разрѣшенія около двухъ лѣтъ, Бобровское кредитное т-во Воронежской губ. и Дьяковское кредитное т-во Вологодской губ.—по три года, а Ямпольское Петроградской губ. сообщаетъ, что учредители потребительнаго общества такъ долго ждали разрѣшенія, что охладѣли къ дѣлу и разобрали вне-

сенные пай. Цѣлый рядъ обществъ, далѣе, не можетъ добиться частичныхъ измѣненій уставовъ, какъ напр., Буйское потребительное о-во, Вельское сельско-хоз. о-во и т. д.

Но зато, если идетъ рѣчь о закрытіи, то здѣсь дѣло идетъ быстро.

Такъ въ 1913 г. по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ закрыто было Варнаулское общество потребителей „Труженики“, безъ всякаго объясненія причинъ. Морозовское сельско-хоз. общество Вологодской губ. было закрыто 2 апрѣля 1913 г. губернаторомъ за то, что предсѣдателемъ его былъ избранъ учитель 19 лѣтъ. Организаторы Корбанской молочной артели Кадниковскаго уѣзда, существующей съ 1908 г., были высланы изъ предѣловъ волости по проискамъ кулаковъ. Учитель, подписавшій уставъ Почевскаго общества потребителей, не былъ утвержденъ вологодскимъ губернаторомъ. Выбранный предсѣдателемъ, онъ долженъ былъ покинуть этотъ постъ подъ угрозой закрытія названнаго о-ва.

Кадниковскому о-ву потребителей тотъ же губернаторъ предложилъ исключить изъ состава членовъ крестьянина села Прилукъ А. Власова. Общее собраніе вынуждено было подчиниться и постановило 5 мая 1913 г. считать Власова выбывшимъ, но въ то же время направило жалобу министру внутреннихъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ никакого отвѣта ими не получено, и Власовъ въ обществѣ не состоитъ, хотя состоитъ гласнымъ городской думы, предсѣдателемъ правленія вольнаго пожарнаго о-ва, членомъ совѣта и казначеемъ городского попечительства по призванію семей нижнихъ чиновъ, призванныхъ по мобилизаціи.

Но особенно недоброжелательно относится администрація ко всякаго рода союзамъ. Рядъ кредитныхъ товариществъ Харьковской губ. сообщаетъ, что еще въ 1911 г. ими подавался на утвержденіе уставъ Харьковск. союза учрежденій мелкаго кредита, но до сихъ поръ онъ не утвержденъ. Пѣтковское кредитное т-во пишетъ, что въ 1911 г. имъ подавался на утвержденіе уставъ Южно-Донскаго союза кредитн. и ссудо-сберегательн. т-ва, „но только въ нынѣшнемъ году прослышали, что онъ одобренъ въ совѣтѣ министровъ, а долгихъ пять лѣтъ ждали, и многое измѣнилось“. Въ 1911 г. было возбуждено ходатайство объ Одесскомъ союзѣ учрежденій мелкаго кредита, но до сихъ поръ онъ не разрѣшенъ, хотя отсутствіе его особенно остро чувствуется въ настоящій моментъ; та же самая исторія съ Воронежскимъ союзомъ...

Въ 1902 г. возникла мысль объ образованіи уральскаго союза потребительныхъ обществъ, но до сихъ поръ уставъ его оставался неутвержденнымъ. Въ 1910 г. подавался на утвержденіе уставъ Ре-

вельскаго союза потреб. о-въ, а въ 1912 г.—Ревельскаго о-ва оптовыхъ закупокъ, но оба устава не были утверждены и т. д. Мы далеко не исчерпали всѣхъ случаевъ злключеній въ жизни русской кооперации, но и сказаннаго достаточно. Чтобы выйти изъ этого, явно ненормальнаго, положенія, чтобы дать кооперации возможность свободно дышать и развиваться, нуженъ особый кооперативный законъ, который бы замѣнилъ собою господствующія нынѣ системы усмотрѣнія администраціи; кооперативные дѣятели давно уже думали надъ этимъ. Еще первый кооперативный съѣздъ въ Москвѣ въ 1908 г. призналъ „отвѣчающимъ потребностямъ жизни, своевременнымъ и необходимымъ изданіе „общаго кооперативнаго закона“. На Кіевскомъ всероссійскомъ кооперативномъ съѣздѣ въ 1913 г. были приняты главнѣйшія общія положенія, на основаніи которыхъ долженъ быть созданъ этотъ кооперативный законъ. Въ настоящее время эта разработка закончилась, и проектъ внесенъ въ Государственную Думу. Наибольше существенныя нововведенія этого законопроекта, сравнительно съ настоящимъ положеніемъ, заключаются въ слѣдующемъ:

кооперативныя общества, товарищества и союзы освобождаются отъ стѣснительнаго надзора и опеки администраціи.

Учредителямъ кооперативовъ предоставляется возможность вносить въ уставы всѣ тѣ необходимыя особенности, которыя они находятъ цѣлесообразными по мѣстнымъ условіямъ. Уставы представляются далѣе не губернатору, а окружному суду, который обязанъ ихъ внести въ особый списокъ, если въ нихъ не содержится ничего противнаго закону. Такимъ образомъ, вмѣсто разрѣшительнаго, устанавливается явочный порядокъ открытія. На подобныхъ же основаніяхъ предоставляется возможность кооперативнымъ организациямъ объединяться въ союзы—центральные, областные или районные, словомъ, какіе они сочтутъ нужными. Надо думать, что важность кооперативной организациі народныхъ силъ въ настоящій трудный моментъ всеобщаго разстройства и дезорганизаціи хозяйственной жизни страны, будетъ признана Государственной Думой, и съ русской кооперациі будутъ сняты, наконецъ, путы, мѣшающія ей свободному развитію.

К. Пажитновъ.

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

Къ рисункамъ П. И. Львова.

С. К. Исаковъ.

Весьма возможно, что и воспроизводимые въ этомъ номерѣ рисунки П. И. Львова вызовутъ въ нѣкоторыхъ читателяхъ нашихъ недоумѣніе, — что собственно въ нихъ такого интереснаго, заслуживающаго особаго вниманія, почему выборъ редакціи палъ именно на нихъ. Такого рода недоумѣніе свое выражали намъ подписчики уже по поводу рисунковъ французскихъ художниковъ, помѣщенныхъ въ іюньской и іюльской книгахъ журнала.

Мы очень признательны корреспондентамъ нашимъ за ихъ свободныя выраженія своего отношенія къ даваемому журналомъ художественному матеріалу, — только этимъ путемъ и возможно установить живую связь между редакціей и читателемъ. Только общеніе уясняетъ, что нуждается въ комментаріяхъ — и въ какую сторону истолкованіе должно быть направлено.

Рисунки 6-го и 7-го номеровъ, помимо вѣдшей связи своей съ содержаніемъ номера — у перваго со статьей М. Симоновичъ, а у втораго съ годовщиной войны — представляютъ и иной интересъ, чисто художественный. При разсматриваніи ихъ, предъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ приемовъ изображенія, отъ линейнаго контура до тонко разработанной свѣтотѣни.

Каждый художникъ по своему передаетъ натуру. Не говорю уже о самомъ выборѣ сюжета, о томъ литературномъ содержаніи, которые вкладываетъ онъ въ свое произведеніе, объ идеѣ, толкнувшей его взяться именно за эту, а не за другую какую нибудь тему. Даже прямо какъ рисовальщикъ, какъ мастеръ-специалистъ, художникъ непремѣнно смотритъ на природу не такъ, какъ другіе, а какимъ-то своимъ, личнымъ, ему одному свойственнымъ взоромъ. Сообразно съ этимъ избирается имъ и наиболѣе подходящая на его взглядъ форма передачи.

Вотъ, напримѣръ, Леандръ. Тонко, твердо, увѣренно и законченно, какъ истый академикъ, рисуетъ онъ свои шаржи. Но почему-то до крайности утрируетъ всѣ отношенія, всѣ пропорціи; малюсенькія ноги при громадной головѣ, чудовищный животъ при тонкой шеѣ, или еще что нибудь въ этомъ родѣ. Казалось бы, должно получиться безобразіе, а получается красиво, хотя и карикатурно. Выдвигая черту, по его мнѣнію, для даннаго лица особо характерную, и доводя ее до нелѣпности, онъ все же соблюдаетъ вѣкую грань, не дающую рисунку стать грубымъ, неприятнымъ. Онъ утрируетъ художественно.

И если присмотрѣться, то тотъ же элементъ утрировки, то-же подчеркиваніе увидите вы и во всѣхъ другихъ рисункахъ другихъ авторовъ, — у беспощадно остраго Тулузъ-Лотрека, у нѣсколько сантиментальнаго Стенлейна, у суроваго Форэна, словомъ у каждаго подлиннаго художника. Ибо художникъ только

постолько и художникъ, поскольку присуща ему способность „по своему“ видѣть. Афоризмъ „художники—глаза чловѣчества“ безусловно справедливъ. Они—художники — раньше видятъ и показываютъ намъ, и мы начинаемъ видѣть вслѣдъ за ними, и какъ они. Вотъ почему настоятельно необходимо для художественнаго развитія видѣть художественныя произведенія. Никакими словами, никакими самыми гениальными истолкованіями въ словахъ нельзя передать полностью того, что изображено въ рисункѣ, въ картинѣ, въ скульптурѣ. Какъ непередаваема въ словахъ музыка, такъ непередаваема и прелесть рисунка.

Какъ надо самому прослушать музыкальную пьесу, такъ надо непремѣнно самому видѣть и художественное произведеніе.

Мы остановили свой выборъ на французсахъ, потому что у нихъ выше, чѣмъ гдѣ-либо, стоитъ мастерство рисунка. На ихъ работахъ хотѣли мы показать все многообразіе возможныхъ для художника подходовъ къ видимому міру.

Можно, конечно, поставить вопросъ: „да къ чему мнѣ это изощреніе способности видѣть. И такъ не слѣпъ, слава тебѣ, Господи, безъ очковъ вижу“. Но это путь скользкій. Онъ ведетъ къ отрицанію не только всего искусства, но даже и науки. Къ чему развивать слухъ, музыкальныя способности? И такъ слышу, крикнуть: „Иванъ!“ я и иду. Къ чему толковать о звѣздахъ, исчислять ихъ, изучать пути ихъ движенія. Безъ нихъ жили, безъ нихъ проживемъ. Словомъ, получается скотская мудрость Простаковыхъ и Матрофанушекъ: „къ чему географія, извозчикъ довезетъ“.

Если же держаться принципа: „*Нomo sum, et nihîl humanum mihi alienum est*“, то понятно стремленіе чловѣка проникнуть въ таинственный міръ формъ, линій, красокъ и массъ.

Разумѣется, и для постиженія красоты пластики нужна извѣстная преемственность въ матеріалѣ, извѣстный подборъ. Оттого то и дали мы сперва французовъ, болѣе близкихъ намъ, русскимъ, по свойственному имъ истолкованію формы. Они могутъ нравиться или не нравиться, но особо страннаго въ нихъ ничего нѣтъ.

Нѣтъ ничего особеннаго, броскаго и въ рисункахъ П. И. Львова, творчеству котораго посвященъ настоящій номеръ. На первый взглядъ они могутъ, пожалуй, показаться даже не интересными. Нѣтъ въ нихъ ни красивыхъ эффектныхъ мѣстъ, ни сюжетовъ, ни сценъ. Вся прелесть въ томъ, какъ передано. Не „что“, а „какъ“.

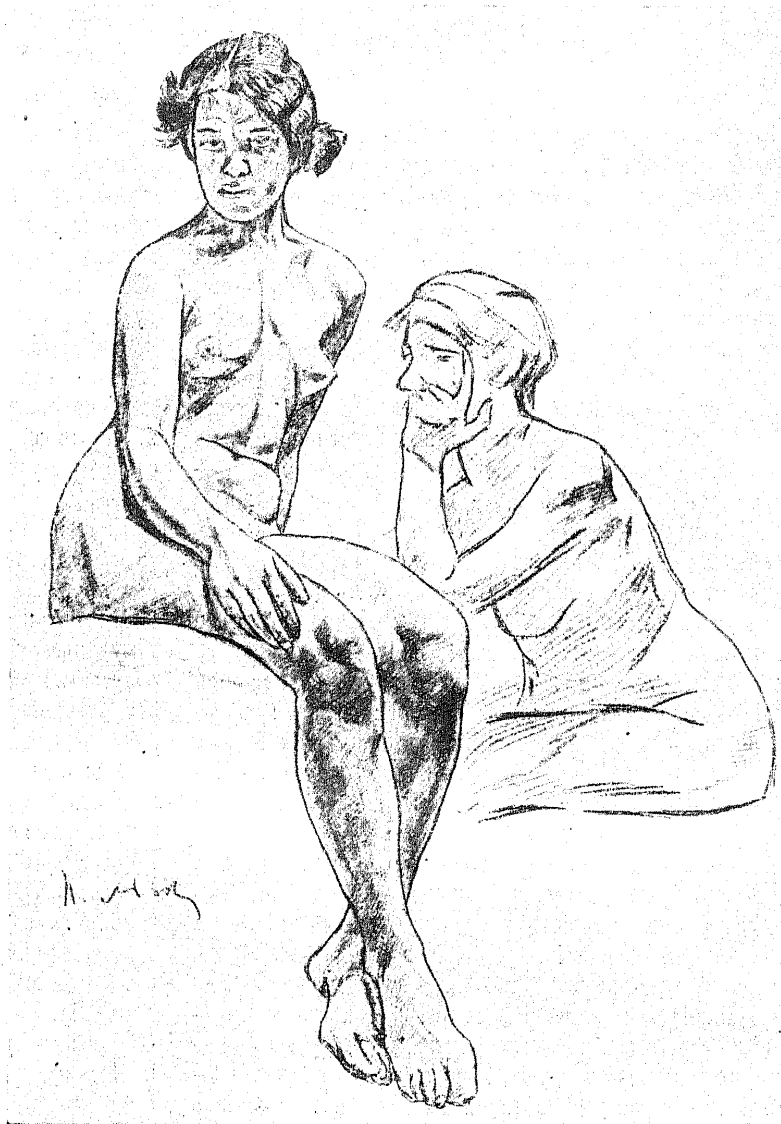
Львовъ, дѣйствительно, художникъ чистой воды. Весь интересъ его, всѣ исканія направлены въ сто-

рону разрѣшенія формальныхъ задачъ. Но, если вспомнить сказанное выше, то вѣдь ясно, что это „какъ“ и является самою сутью художественной работы. Остальное—наносное, привходящее изъ другихъ смежныхъ отраслей искусства, отъ поэзій, философій.

Но и при разрѣшеніи формальныхъ задачъ можно переносить центръ тяжести въ различныя мѣста. Можно гнаться за передачей характера, движенія, работать надъ линіей. Можно увлекаться красочными задачами. И можно искать широкой формы, работать надъ массами и ихъ сочетаніями. Отъ реализма чрезъ импрессионизмъ можно придти къ синтетизму, къ обобщенію, къ выдвиганію самой основы формы, отбрасывая все случайное. Французское искусство подошло къ разрѣшенію этой проблемы въ лицѣ гениальнаго Сезанна, оказавшаго огромное вліяніе на все послѣдующее развитіе искусства. Сезаннъ—отецъ кубизма. Но самъ онъ не былъ кубистомъ, какъ Марксъ не былъ марксистомъ.

Послѣдователемъ Сезанна, но не кубистомъ, а сезанистомъ, является и Петръ Ивановичъ Львовъ.

Пересматривая рисунки его, прямо удивляешься, до чего же надо любить природу, чтобы такъ внимательно, такъ вдумчиво и настойчиво изображать самыя неприглядныя мѣста. Уголокъ парка съ группой деревьевъ, обнесенныхъ изгородью; лугъ, а слѣва, за загородкой, молодой лѣсокъ; аллея, г. Тобольскъ, чаща лѣсная. Все такое скромное, лишенное какого-бы то ни было эффекта. И такъ же скромно, безъ тѣни уклона въ сторону ловкачества, передаетъ природу художникъ. Въ этихъ простенькихъ, казалось бы, рисункахъ, видна прямо поразительная точность глаза, вѣрность руки и исполненная изящнаго благородства сдержанная манера. Надо быть беззавѣтно влюбленнымъ, чтобы съ такимъ почтеніемъ подходить къ работѣ, какъ Львовъ. И Львовъ, дѣйствительно, влюбленъ въ творчество. Этотъ азіатъ, съ монгольскими чертами лица, неистовый по темпераменту, всю страсть души своей перенесъ на искусство. Трудно найти человѣка, такъ легко доходящаго до ссоры, разъ дѣло касается живописи, и собесѣдникъ обнаруживаетъ непониманіе и упорство. И трудно найти художника, способнаго съ такой беззавѣтной нѣжностью и ласковостью подходить къ плѣняющимъ его произведеніямъ. Львовъ можетъ доходить въ бесѣдѣ съ вами чуть не до драки, но напишите красивую

П. И. Львовъ.

Рисунокъ.

вещь, и кто первый будетъ восхищаться ею?—Львовъ.

Утонченный эстетъ, страстный поклонникъ французскаго искусства, художникъ, надѣленный отъ природы изумительной остротой зрѣнія и твердостью руки, способный рисовать точнѣе и законченнѣе Мессонье (посмотрите только его этюдъ воина, опирающагося на шпагу), Львовъ никогда, ни разу не пошелъ на компромиссъ, не нарушилъ своей художнической чести.

Весь пылъ свой изливаетъ онъ на работу, по уясненіи себѣ формы. Въ его рисункахъ, исполненныхъ въ разное время и разной манерой, всюду проходитъ это исканіе, и нѣкоторые изъ нихъ достойны самого Сезанна.

Простота, съ которою Львовъ передаетъ облака,

двумя-тремя линиями намѣчая ихъ мягкую форму, запутаннѣйшій переплетъ вѣтвей и листьевъ въ кронахъ деревьевъ, воздушную перспективу, — почти не прибѣгая къ градаціи силы тона, — изобличаетъ чутье прямо японское.

Рѣдкій художникъ.

Онъ не поддается ни на какія заманки, ни въ сторону новшества, ни въ сторону успѣха у широкой публики. Идетъ лишь своимъ внутреннимъ путемъ.

Мы даемъ сейчасъ лишь репродукціи съ его рисунковъ. Живописи Львова мы отведемъ въ свое время другой номеръ.

С. К. Исаковъ.

П.И. Львовъ.

Рисунокъ.

Выдуманная принцесса.

(„Золушка думаетъ“).

За стекло книжныхъ витринъ, на книги, рожденная сегодняшнимъ боевымъ днемъ, рука приказчика положила „последнюю новинку“, и въ „Дыму шрапнели“, въ „Когтяхъ германскихъ шпионовъ“ мелькнуло такое неожиданное сейчасъ, такое любимое всегда, милое слово—Золушка.

Жалко, что произнесшая это слово поэтесса—Марія Моравская не ограничилась его трогательной красотой, и, давая названіе своей новой книгѣ стиховъ, къ имени вѣжной принцессы изъ волшебной сказки Перро прибавила такой полный муки и жизни глаголъ—думаетъ.

Золушка думаетъ—для заглавія, для названія книги—это не хорошо, не удачно, но какъ характерно это неудачное заглавіе для самихъ стиховъ Маріи Моравской.

Думающая сказка, думающая пѣсня—вѣдь вся поэзія Моравской такъ часто только ритмованныя думы, только страшно трудный, гнетущій поэтессу процессъ мысли:

„Продумать жизнь такъ трудно мнѣ, такъ трудно“...

Какъ трудно! Словно я обязана
Весь міръ продумать до конца!
И не смѣю замечаться праздно,
И отъ жизни отвернуть лица.
Я рѣшаю громоздкіе вопросы,
Тяжести ворожаю душой...

Это почти какъ крикъ, какъ жалоба:

— Я женщина, маленькая, освободите, не для меня эти „громоздкіе вопросы“, не думать, не думать... Выдумать себѣ рай, сказку, Золушку, замечаться праздно, отвернуть лицо отъ жизни...

Но бѣгущая отъ бѣдности жизни, она, богатая только этою бѣдностью, и въ самую сказку переноситъ свое приукрашенное сокровище. Точно и въ мечтѣ боится разстаться со своею нищетой выдуманная принцесса.

„Я Золушка, Золушка,—мнѣ грустно!
„Просить нищій, и нечего подать“...

Золушка Города, современной многокаменной столицы, жилища городскихъ угловъ, знаетъ, что страшнѣе мачехи—квартирная хозяйка, жесточе чванныхъ сестеръ—равнодушные встрѣчные, грязнѣе кухонной золы—тѣни проспектовъ и бульваровъ.

Дѣловой день утомить заботами, измучить бѣготней и хлопотами. Кого-нибудь видишь, жмешь руки, чужая проходишь мимо людей, вечеромъ вернешься къ тѣмъ же обоямъ комнаты на шестомъ этажѣ. До сихъ поръ еще не выросла, чтобы не бояться комнатной пустоты, до сихъ поръ еще не выросла, чтобы не огорчаться, что не повезутъ, что не позовутъ на балъ.

Словно какая-нибудь Лиля, точно Ривочка,—маленькія дѣвочки самыхъ трогательныхъ ея стихотвореній,—готова ждать: вотъ пріѣдетъ золотая карета, запряженная бѣлыми мышами.

„О, Принцъ, вѣдь вы моя сказка“...

Нѣтъ, „надо жить трезвѣй“, вѣдь она—„взрослая“...

Какая ужъ тамъ карета,—не въ каретѣ, на трамваѣ, стиснутая на площадкѣ, комкая въ рукѣ ненадѣтыя поношенные перчатки, она доѣдетъ до набережной, чтобы только постоять „у вашего дома“, только посмотреть „гдѣ вы живете“...

„Былъ весь день дѣловой, я очень устала,
Я съ утра отдавалась заботѣ.
Но поѣхала къ набережной канала
Поглядѣть, гдѣ вы живете.“

Было въ домѣ такъ тихо, словно кто-нибудь померъ,
Было грустно и очень таинственно...
Всѣ дома перемѣнены, а этотъ—безъ номера,
Не потому ль, что вы—единственный?

Какъ тамъ строго-красиво, щемяще-пустынно
Въ этотъ часъ сумерекъ раннихъ! .
Не съ того ли балкона, узкаго, длиннаго,
Вы глядите на Новую Голландію?...

Любимый, дорогой человѣкъ... Невозможный, недоступный... Никогда не увидишь его, никогда не подойдешь къ нему. Вѣдь это только въ сказкѣ можно ждать, что принцъ за руку поведетъ въ золотой залъ и будетъ танцевать и будетъ угощать за столомъ лимонами и апельсинами. Вѣдь это только въ стихахъ можно попросить любимаго:

О, Принцъ, вы мнѣ надѣнете
Туфельку изъ хрустала?

Съ Невы дуетъ вѣтеръ, мелкій дождь сѣтеъ съ неба и отсырѣваетъ платье, руки, отсырѣваютъ тонкія некрсивыя парусинныя туфли на ногахъ.

Ихъ стыдно показать, ихъ невозможно потерять... И улица насмѣшлива и трезва. Нельзя долго стоять—привлечешь вниманіе, и грубо брошенное слово убьетъ романтическій міръ выдуманной принцессы.

О, Принцъ, вѣдь вы моя сказка,
О, Принцъ, вѣдь вы не живой!

Зябнуть безъ перчатокъ руки, зябнуть безъ любви сердце, и какъ грустно, Воже, какъ грустно эта „любовь отъ холода“, про которую посинѣвшими губами поетъ городская снѣгурка.

„Уже все равно“, „душа подъ снѣгомъ“ холоднаго чужого равнодушія, и начинается тотъ „бредъ о любимомъ“, о близкомъ, когда съ „охришимъ пискомъ слѣпота котенка“ повторяешь и шепчешь

какія-то, ниѣмъ не услышанныя жалобы и просьбы.

Жизнь со „стиснутыми зубами“, жизнь, задвленная „злой вѣщей и людей“, когда каждое завтра несетъ тотъ-же день, тотъ же обѣдъ въ „дымной столовой, гдѣ повсюду клеенки и бумажки вмѣсто салфетокъ“... тѣ же помятыя газеты, черствый хлѣбъ, тѣсныя сердца и скупыя впечатлѣнія...

„Я пришла сегодня изъ суда,—
Я сидѣла въ этомъ залѣ хмуромъ
Я глядѣла...
Я глядѣла на воровъ затравленныхъ,
Лгущихъ такъ нескладно, натужась...

...Сколько голодныхъ,
Сколько пьяныхъ въ весенніе дни ..

...всѣ люди грубы,
И такъ дымятъ городскія трубы,—
Недѣлями лазури не видать...

...Лица скучныя безработныхъ
На солнцѣ блѣднѣй, чѣмъ всегда...
Надъ Невой... забнуть, смотреть...

Золушка жизни, зябкая, маленькая, старѣющая женщина съ ранними сѣдыми волосами, этими медальонами неутѣшной обиды—она идетъ согрѣться въ „электрическомъ раю“ синемаатографа, въ „локутномъ раю“ магазинныхъ витринъ.

Стыдясь своей зависти, со слезами на глазахъ, смотритъ она на веселые манекены, одѣтые въ мѣха горностая и песца.

Всю жизнь страдавшая отъ вѣчныхъ отказовъ, отъ некрасивой убогости, она жадно разсматриваетъ теплый дорогой мѣхъ и шелковыя ткани, и, послѣ, въ пустой комнатѣ городского многоэтажнаго „коллѣжа“, она надѣваетъ ожерелье изъ стекляшекъ, дешевую „радугу на шею“ и звонитъ въ развѣшен-

ные на ленточкахъ колокольчики. Это сзываетъ своихъ подданныхъ королева нищихъ!

„Мастерицы, работницы, служанки...
Вы въ пыли скрипящія гранки,
Продающія цвѣты за прилавкомъ...
„Я Васъ кличу именъ не внал“...

Всѣ, всѣ сюда, дѣвушки, женщины, всѣ обиженные жизнью, всѣ къ кому жизнь была скупа, некрасивая, нелюбимая, одинокія... Заключите союзъ одинокихъ, оснуемъ царство неутѣшенной бѣдности!

Принцесса, выдуманная мечтой принижующаго, гнетущаго несчастья („Я—несчастливая“), безсильная поведительница всѣхъ плѣнницъ жизни, королева нищихъ—и въ поэзіи она натянута струна вѣчно напряженнаго душевнаго волненія, звенитъ неровными, болѣзненными нотами, нотами женской истерики и человѣческаго протеста.

Уже некогда думать о законахъ стихосложенія, о рифмахъ, уже не остается силы для ладной пѣсни... Не стихъ, тихія, заглушеннымъ шопотомъ произносимыя слова, свои, ласковыя для себя... „вечерніе стихи“, которые только самъ и называешь стихами, или крикъ, вотъ тотъ крикъ, когда разрываешь воротникъ, и, мотая головой, хрипишь: душно.

„Сердце болитъ отъ чернаго кофе...
Тамъ, за окномъ, качаются вѣтки,
Качаются вѣтки вдаль.. вдаль...
А мнѣ велья изъ накуреной комнаты
Уйти, уѣхать вдаль...

Этотъ крикъ надрывный, тоскливый, какъ черная осень, жалкій, какъ дешевая радуга стеклянныхъ бусъ, и этимъ крикомъ кричитъ Моравская—„гадкій утеночекъ“ русской поэзіи. Она кричитъ такъ уже не одинъ годъ, и иногда становится страшно, что и во все не совершится чудо Андерсеновской сказки, и безъ лебединыхъ пѣсень, въ одномъ надрывномъ крикѣ такъ и умретъ выдуманная принцесса.

А. Добрый.

Современная беллетристика.

Сем. Ѳомины.

„Все войнѣ“... „Все для войны“,—таковъ всеобщій лозунгъ на очереди дня. А разъ это такъ, то значить, что теперь не до художественныхъ цѣнностей. Даже больше: въ огнѣ и пеплѣ уничтожается и то, что созидалось цѣлыми столѣтіями.

Предъ великимъ пожаромъ войны не до созерцанія красоты и гармоніи. Душа наполнилась ужасомъ; сердце—наболѣвшей кровью, горечью и слезами.

Переживанія послѣдняго времени не могли не отразиться на искусствѣ вообще, а на литературѣ въ частности. Если что и пишется, то пишется не со спокойнымъ и тихимъ созерцаніемъ красоты, а съ лихорадочной и возбужденной поспѣшностью, съ бо-

лѣзненнымъ энтузіазмомъ, чтобы передать все тотъ же ужасъ въ бѣглыхъ наброскахъ, этюдахъ и эпизодахъ.

Быть можетъ, явленіе это для настоящаго времени въ порядкѣ вещей. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ „духъ времени“ въ искусствѣ сказывается всегда.

Чеховское „хмурое время“ смѣнилось переоцѣнкой старыхъ цѣнностей, декаденствомъ, мистическими и религіозными блужданіями.

Такова была литература того времени.

Отголоскомъ событій 1905 г., на книжный рынокъ хлынула специфическая литература съ политическими оттѣнками. Писали тогда на „злобу дня“

отъ мала до велика. Отъ Л. Толстого и М. Горькаго до Шебуева, отъ Мережковского и Сологуба до Вербицкой.

Но вернемся къ настоящему времени.

Исторія литературы говоритъ намъ, что войны, въ общемъ, дали намъ не много выдающихся произведений: въ 1854 г. „Севастопольскіе рассказы“ Л. Толстого; въ 1878 г. „Четыре дня“ Гаршина, въ 1904 г. „Красный смѣхъ“ Л. Андреева...

Романъ Толстого „Война и Миръ“ появился лишь въ 1864 г.; рассказъ Гаршина „Изъ воспоминаній рядового Иванова“—въ 1883 г.

Печатающіяся въ настоящее время „военныя странички“, рассказы „очевидцевъ“ и „очерки“, не только мало извѣстныхъ авторовъ, но даже и выдающихся писателей, напримѣръ, Валерія Брюсова, Ал. Н. Толстого и другихъ, не представляютъ художественной цѣнности. Даже шумѣвшая пьеса Л. Андреева „Король, законъ и свобода“, и та критикой признана послѣднимъ, невыдержаннымъ и риторичнымъ произведеніемъ, написаннымъ по газетнымъ статьямъ, съ психологической выдумкой.

Очевидно (какъ и слѣдуетъ ожидать), о великой мировой войнѣ будетъ писаться потомъ, въ отдаленномъ будущемъ, новыми творцами, имена которыхъ еще не извѣстны.

Все, что печатается не о войнѣ—дряблѣе, старое, неинтересное. Это можно наблюдать по беллетристичѣ, помѣщаемой въ толстыхъ журналахъ. Если и попадаются удачные рассказы новыхъ авторовъ, то, во всякомъ случаѣ, о нихъ, въ отдѣльности, пока говорить не приходится, такъ какъ крупнаго явленія въ литературѣ они не представляютъ.

Отраднымъ исключеніемъ является печатающійся въ „Русской Мысли“ романъ Георгія Чулкова „Сергея Нестроева“, о шумѣвшихъ въ свое время гимназическихъ кружкахъ въ Москвѣ, объ арестахъ еще совѣмъ „желторотыхъ птенцовъ“ и исключеніи ихъ навсегда изъ гимназій. Для современной беллетристики романъ Георгія Чулкова характеренъ тѣмъ, что онъ написанъ простымъ, классическимъ языкомъ.

Повѣствованіе автора о дѣтахъ нашей городской интеллигенціи льется, какъ пѣвучій, хрустальный родникъ, цѣликомъ захватывающій читателя.

Въ отдаленности отъ тѣхъ событій (прошло десять лѣтъ), автору удалось дѣйствующихъ лицъ обрисовать четко, и глубоко заглянуть имъ въ души. Среди множества юныхъ героевъ въ романѣ выступаетъ сложная и яркая фигура пятнадцатилѣтняго гимназиста Сережи Нестроева.

Не по лѣтамъ вдумчивый и серьезный, но уже сознававшій свою „порочность“ и „гадость“, Сережа нерѣдко ходилъ гулять изъ Левшинскаго переулка на кладбище Дѣвичьяго монастыря. Тамъ онъ встрѣтилъ четырнадцатилѣтнюю Вѣрочку Успенскую, скорбящую на могилѣ отца, такую-же не по лѣтамъ серьезную дѣвочку. Случайное знакомство двухъ подростковъ переходитъ въ прочную дружбу, а впоследствии—по выраженію автора—въ „суевѣрную любовь“.

Сергею Нестроева постигаетъ несчастье: во время прогулки, онъ присоединяется къ уличному шествію, и его забираютъ въ участокъ. Послѣ трехдневнаго заключенія въ участковой тюрьмѣ, Сергею везутъ на допросъ въ Гвѣздицковскій переулокъ, гдѣ выясняется, что его арестъ произошелъ ошибочно. Сергею выпускаютъ на волю, но его навсегда исключаютъ изъ гимназіи. Въ XIV гл. романа весьма интересно описано гимназическое собраніе въ домѣ профессора Грюнвальда, а въ XV главѣ—„союзъ отчаявшихся“. Интересны разсужденія и размышленія юнаго героя и его товарища Томы Грибова. Мы встрѣчаемъ здѣсь и философію, и богоискательство. Сережа говоритъ Томѣ:—„Я хочу вѣрить въ Бога, но не вѣрю. Я вѣрю, что безъ Бога нѣтъ смысла въ жизни, но уже не могу вѣрить, что Богъ есть, т. е. такой, какого мнѣ надо“ (стр. 7 кн. VII Русс. М.). Романъ еще не законченъ (окончаніе будетъ въ август. книгѣ Р. М.), но намъ кажется, что Г. Чулкову вполне удалось изобразить броженіе, исканіе, порывы и разочарованіе русской учащейся зеленой молодежи, вызванныя великимъ сдвигомъ въ 1905 г.

Сем. Томинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

И. Бунинъ. Чаша жизни. Кн-ство писателей въ Москвѣ 1915 г. ц. 1 р. 50 к.

Рассказы, вошедшіе въ сборникъ, написаны въ 1913—1914 году.

Ихъ объединяетъ настроеніе автора—крайне безрадостное, безотрадное. „Пыль, пыль“—говоритъ онъ, заканчивая рассказъ того же названія—„Азія, Азія“—подразумѣвая подъ этимъ всю провинціальную Россію, и видя манящіе яркіе огни только въ большихъ культурныхъ центрахъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе того, насколько правъ авторъ въ подобныхъ взглядахъ. Важно то, что представляя себѣ все въ такихъ сѣрыхъ, безпросвѣтныхъ тонахъ, онъ самъ не чувствуетъ, не видитъ тѣхъ огней, которые обѣщаютъ красивую жизнь. Авторъ самъ хо-

четъ повѣрить, что „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“ (Надъ городомъ) и не можетъ, а потому не можетъ заставить и насъ вѣрить въ это.

Одинъ за другимъ проходятъ рассказы, пронесены картины одна мрачнѣе другой. Мелкая провинціальная жизнь, гдѣ большія силы уходятъ на пошлое соревнованіе другъ съ другомъ, гдѣ каждый по своему держитъ драгоценную чашу жизни, совершенно не понимая, какое прекрасное содержимое заключается въ ней („Чаша жизни“). Эгоизмъ, подавляющій и поработающій себѣ подобныхъ („Братья“).

Жестокая по своей бессмысленности гибель дѣвушки, таящей въ себѣ такъ много жизненныхъ силъ и любви („При дорогѣ“). Убіеніе безразсудное и безубыльное на фонѣ чуднаго весенняго вечера (Весенній

вечеръ). Вся провинціальная Русь въ образѣ мертваго, сѣраго, пыльнаго города (Пыль), и такъ далѣе.

Вотъ такое безрадостное полотно даетъ намъ Бунинъ.

Написаны рассказы, какъ всегда, очень тщательно. Эта тщательность мелькаетъ вездѣ. Чувствуется, что авторъ очень серьезно относится къ самому себѣ, работаетъ надъ собой. Какъ всегда въ рассказахъ отводится большое мѣсто описаніямъ природы. Нѣкоторые изъ нихъ какъ бы написаны на фонѣ ея. („Весенній вечеръ“, „При дорогѣ“). Природа преобладаетъ не яркая, жизнерадостная, а съ чуть замѣтнымъ увяданіемъ. Авторъ предпочитаетъ тихій вечеръ—утру или полдню, туманныя блеклыя краски—яришь.

Въ сборникѣ есть нѣсколько стихотвореній.

Ихъ настроеніе нѣсколько иное чѣмъ въ рассказахъ. Въ нихъ Бунинъ, авторъ „Листопада“, пѣвецъ осени. Здѣсь много грусти, но грусти животворящей, не безнадежности, которая чувствуется въ рассказахъ.

О. К.

Сборникъ „Лукоморье“. Военные рассказы. Петроградъ. 1915. Стр. 340, цѣна 2 р.

Собственно военнымъ рассказомъ, хотя бы отчасти касающимся переживаній настоящихъ военныхъ людей, является только „Остріе меча“ Ф. Сологуба, произведение надуманное, искусно искусственное и совершенно недостойное автора „Мелкаго Бѣса“, „Тяжелыхъ сновъ“ и „Барышни Лизы“. Здѣсь выведена семья военного генерала, сынъ и зять котораго тоже военные. Поскольку рѣчь идетъ объ отношеніи къ Россіи и къ врагамъ ея, авторъ хорошо выдерживаетъ тонъ, но зато въ бытовой сторонѣ сколько нарочитой нелѣпости, отражающейся даже въ языкѣ рассказа! Жена генерала всю жизнь любить другого, одна изъ дочерей генерала видитъ цѣлый рядъ вѣщихъ сновъ, которые поразительно сбываются... въ рассказѣ, и все это такъ неубѣдительно, безкрасочно...

Въ другихъ рассказахъ описываются переживанія мирныхъ людей, неожиданно застигнутыхъ войной. Лучшее всего справился съ этой темой Ю. Слезкинъ въ рассказѣ „Бабися“. Величіе души русской женщины, ярко и художественно проявлено въ рассказѣ. Хорошо также образъ юнаго добровольца, образы слугъ и нѣмецкихъ офицеровъ.

Въ томъ же духѣ по содержанию и тенденціи написанъ рассказъ М. Кузмина „Обыкновенное семейство“, но языкъ шероховатъ и мѣстами скученъ. Б. Лазаревскій въ рассказѣ „Мое сердце“ только краешкомъ подошелъ къ военной темѣ; это покаянный рассказъ о женской неудачной жизни сердца, но чувствуется, что его рассказываетъ мужчина, не всегда проникающей женской психологіей.

„Фаликонъ“ Н. Олигера описываетъ сѣрое существованіе двухъ русскихъ и одного итальянца во Франціи, до войны и въ первые дни ея. Люди, которые во всемъ разочаровались и живутъ изо дня въ день, вдругъ, по объявленіи мобилизаціи, почувствовали себя обязанными отдать свою жизнь за что-то высшее, чѣмъ они сами, и пошли добровольцами. И тутъ же образъ содержателя кабачка и его семьи, французской типичной содержанки и ея патрона-покровителя. И жизнь всѣхъ этихъ людей съ войной измѣнилась, какъ-то облагородилась... Послѣ „Бабиси“ это—лучшій рассказъ въ сборникѣ.

Въ сборникѣ есть еще стихи С. Городецкаго „Галицкіе князья“, но въ нихъ нѣтъ ничего примѣчательнаго.

А. Кратовъ.

Н. Н. Брешко-Брешковскій. „Въ когтяхъ германскихъ шпионовъ“. Романъ. Петроградъ. 1915. Стр. 260, цѣна 2 руб.

Его же. „Въ сѣтяхъ предательства“. Романъ. Петроградъ. 1915. Стр. 167, цѣна 1 руб.

Оба эти романа относятся къ типу такъ называемыхъ „бульварныхъ“, и предназначены для публики, ищущей въ беллетристикѣ прежде всего занимательной фабулы, неожиданныхъ приключеній, захватывающихъ душу конфликтовъ и т. п. Событія въ обоихъ романахъ развертываются съ кинематографической быстротой, и все въ нихъ, какъ въ кинематографѣ: очерчено слегка и мелькаетъ, мелькаетъ...

Но въ одномъ надо отдать справедливость автору: онъ хорошъ въ своемъ кинематографическомъ жанрѣ, изобрѣтательна его фантазія, разносторонни его средства для вящаго возбужденія интереса читателя и, наконецъ, недурна проникающая оба романа политическая тенденція. Любители пинкертонщины съ большимъ удовольствіемъ прочитаютъ оба эти романа, тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ вполне злободневно.

Оба романа охватываютъ начало текущей войны. Въ первомъ—дѣйствіе протекаетъ въ Петроградѣ, гдѣ германская шпионка подъ руководствомъ шпиона-нѣмца фотографируетъ воздушный шаръ новаго образца у русскаго летчика, крадетъ документы у сербскаго дипломатическаго агента и т. п. Но русскому шпиону, съ которымъ у нея завязывается романъ, удается склонить ее къ измѣнѣ нѣмцамъ, и съ помощью одного изъ редакторовъ падкой на сенсациі газеты, они совершаютъ цѣлый рядъ подвиговъ... Тутъ же много второстепенныхъ лицъ, съ ихъ романами и приключеніями.

Въ другомъ романѣ дѣйствіе происходитъ на югѣ Россіи, гдѣ въ качествѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи выступаютъ поляки и евреи, а невѣрныхъ—нѣмецкіе колонисты и нѣмцы, состоящіе на русской государственной службѣ. Въ высшихъ кругахъ послѣдніе имѣютъ репутацію консервативныхъ чиновниковъ, и черносотенцы считаютъ ихъ своими; подъ видомъ борьбы съ крамолой, они душатъ все русское, и въ то же время способствуютъ процвѣтанію въ краѣ нѣмецкихъ ставленниковъ.

Цѣна второго романа должна быть признана очень высокой, такъ какъ онъ впятеро меньше первого по объему. Внѣшность изданій довольно хороша, но тѣмъ болѣе портятъ впечатлѣніе многочисленныя типографскія ошибки въ текстѣ, особенно въ первомъ большомъ романѣ.

А. Кратовъ.

Петръ Козловъ. „Р а з с к а з ы“. Петроградъ, 1915 стр. 113, ц. 1 р.

Съ чувствомъ искренняго удовольствія прочли мы небольшую книжку П. Козлова, имя котораго было намъ доселѣ совершенно неизвѣстно. Простота безъ наивности—отличительное качество разбираемаго сборника, а такое качество въ начинающемъ писателѣ—признакъ добрый. Конечно, творчество г. Козлова еще слишкомъ „неровно“, онъ не прочь иногда „поговорить красиво“, языкъ его не свободенъ отъ мелкихъ неправоподобностей, но все это совершенно выкупается художественной дѣловитостью, которая сквозитъ во всей книжкѣ молодого беллетриста. Ополтинности его дарованія лучше всего свидѣтельствуетъ рассказъ „Забутые“, въ которомъ описывается жизнь обитателей захолустнаго полустанка. Казалось бы, что послѣ рассказовъ Чехова на подобныя темы, послѣ очерка М. Горькаго „Скуки ради“,—трудно рассказать что-либо интересное и живое

о погибающемъ телеграфистѣ. И однако, г. Козлову удалось написать рядъ сценокъ, полныхъ движенія и искусно объединенныхъ общимъ настроеніемъ. Этотъ рассказъ съ достаточной ясностью говоритъ, что въ лицѣ г. Козлова мы встрѣчаемъ не подражателя, а самостоятельнаго художника, быть можетъ, и не крупнаго, но зоркаго и обладающаго чувствомъ мѣры. Кромѣ всего прочаго, въ книгѣ молодого писателя чувствуется умъ, каковое качество у новѣйшихъ беллетристовъ нашихъ встрѣчается не часто. А между тѣмъ, не обладая крупнымъ умомъ, нельзя стать крупнымъ писателемъ, даже при наличности очень большого артистическаго таланта. Пушкинъ сказалъ, что „поэзія должна быть глуповата“; но это совсѣмъ не значитъ, что и писатель долженъ быть „глуповатъ“. Къ сожалѣнію, многіе не поняли фразы Пушкина до конца и мы могли бы назвать нѣсколькихъ современныхъ беллетристовъ, которые чуть-ли не гордятся своей „глуповатостью“ и не прочь даже подцѣлаться подъ нее... Къ счастью, г. Козловъ не принадлежитъ къ ихъ числу; онъ сталъ на вѣрный путь; удержится-ли онъ на немъ,—покажетъ будущее...

А. Тиняновъ.

В. Бончъ-Бруевичъ. Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній съ 6 портретами. Изд. 3-е. Петроградъ, 1915. Стр. 80, цѣна 20 коп.

Подборъ стихотвореній въ этомъ сборникѣ таковъ, что онъ устремляетъ мысль читателя къ преклоненію передъ высшими началами правды и права и къ борьбѣ за ихъ торжество въ людскихъ отношеніяхъ. Но гражданско-скорбный характеръ темъ не мѣшаетъ стихотвореніямъ быть истинно художественными произведеніями.

Здѣсь помѣщены стихотворенія Некрасова, Никитина, Жадовской, Сурикова, Надсона, Дрожжина, Плещеева, Барыковой, Ал. Толстого, Н. А. Ероцкаго и др.—всего 38 стихотвореній. Будемъ надѣяться, что въ дальнѣйшемъ изданіи составитель пополнитъ сборникъ стихотвореніями того же содержанія новѣйшихъ авторовъ П. Я. Бальмонта, Минскаго и др.).

И. К.

Альфредъ де-Виньи. Неволя и величіе солдата. Москва, 1915. Изд. „Универсальной библиотеки“. Цѣна 20 коп.

Здѣсь помѣщено три разсказа „Лоретта или Красная печать“, „Ночь въ Венсеннѣ“ и „Жизнь и смерть капитана Рено или камышевая тросточка“. Хотя фабула разсказовъ относится къ началу прошлаго вѣка, но характеристика солдатской французской доблести примѣнима и къ нынѣшнему моменту. Дешевое изданіе этой книги необходимо признать вполне своевременнымъ. Переводъ Н. Н. Русова вполне хорошъ, но намъ кажется, что такія названія какъ „городъ Сэнъ-Дени“ не слѣдуетъ переводить „городъ святого Дениса“. Переводчикъ оставилъ безъ перевода многія разсужденія и поясненія оригинала, отчего книга стала общепонятнѣе.

А. Кратовъ.

Аполлонъ Григорьевъ. Собр. соч. подъ редакціей и съ біографическимъ очеркомъ В. Ф. Саводника. Вып. I—„Мои литературныя и нравственныя скитальчества“ (Автобіографія), ц. 60 к., III—„Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина“, ц. 50 к., V—„Горе отъ ума“ Грибоѣдова, ц. 15 к., VII—„Лермонтовъ и его направленіе“, ц. 35 к. М. 1915 гр.

Въ собраніи сочиненій Ап. Григорьева давно уже ощущался недостатокъ, тѣмъ болѣе, что I т. его сочиненій, изданный его другомъ Н. Н. Страховымъ въ 1876 г., давно уже сталъ біографическою рѣдкостью.

Настоящее изданіе разбито на 3 серіи. Въ первую войдутъ статьи литературно-критическаго, во вторую—

театрально-критическаго характера, а въ третью—художественныя произведенія и переводы. Такимъ образомъ широкая публика получаетъ возможность познакомиться съ Ап. Григорьевымъ не только какъ литературнымъ и театральнымъ критикомъ, но и какъ поэтомъ, беллетристомъ и переводчикомъ.

Помѣщенная въ первомъ выпускѣ „Автобіографія“ составляетъ литературныя воспоминанія, снабженныя автобіографическимъ матерьяломъ. Написанныя живо и увлекательно, они являются характеристикой преобладающихъ направленій и вѣяній 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Въ этомъ же выпускѣ находится самая полная, изъ существующихъ, біографія Ап. Григорьева, составленная В. Ф. Саводникомъ. Авторъ ея использовалъ большую литературу, преимущественно воспоминанія, но, къ сожалѣнію, не счелъ нужнымъ, приводя цитаты, указывать точно—откуда они взяты, гдѣ напечатаны и на какой страницѣ находятся приведенныя мѣста. Къ тому же нѣтъ и списка использованной литературы, что могло бы хоть до нѣкоторой степени замѣнить частичныя указанія.

Статья о „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова, вошедшая въ V выпускъ такъ же, какъ и „Автобіографія“ почти неизвѣстны и появленію ихъ на свѣтъ нужно радоваться.

Статья написана Григорьевымъ по поводу новаго изданія Грибоѣдовской комедіи. Она интересна своимъ толкованіемъ и пониманіемъ личности Чацкаго. Позднѣе, а именно въ 1872 г. Гончаровъ въ статьѣ „милліонъ терзаній“ развилъ дальше мысли Григорьева, и это истолкованіе личности Чацкаго, считающееся до сихъ поръ непревзойденнымъ, ставится всецѣло на счетъ Гончарова, мысли же Григорьева по этому поводу мало кому извѣстны.

Сличеніе этихъ двухъ статей, равно какъ и многихъ другихъ, поможетъ намъ не въ далекомъ будущемъ оцѣнить Ап. Григорьева, и по достоинству опредѣлить его мѣсто въ исторіи нашей критики.

Недостаткомъ симпатичнаго изданія приходится признать отсутствіе общаго біографическаго указателя. Этотъ издательскій дефектъ особенно чувствителенъ въ изданіи, задавшемся цѣлью ознакомленія читателя листъ съ главнѣйшими произведеніями автора (предисл. ст. IV).

О. К.

Н. Рубакинъ. Разсказы о Западной Сибири. Изданіе 4-е. Москва, 1915. Стр. 198, цѣна 45 к.

Третье изданіе этой книжки было просмотрѣно и дополнено знатокомъ Сибири С. П. Швецовымъ, настоящее 4-е вновь просмотрѣно и дополнено А. Балакшинымъ, и однако въ приложенномъ къ книжкѣ указателѣ сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ не указана Тюмень-Омская дорога, дѣйствующая уже больше трехъ лѣтъ. Карта Сибири, приложенная къ книгѣ, тоже сдѣлана небрежно и мало поможетъ читателю.

Но при всемъ томъ это—единственная книжка, которая можетъ помочь переселенцамъ—крестьянамъ ориентироваться въ Тобольской и Томской губерніи, предварительно познакомиться съ ихъ растительнымъ и животнымъ міромъ, съ ихъ лѣсами, степями, рѣками, озерами, горами, хозяйственными условіями и различными народами, ихъ населяющими. Въ книжкѣ много полезныхъ указаній специально для поселенцевъ-крестьянъ, что придаетъ ей чисто-практической характеръ.

Недостаткомъ книжки является почти полное отсутствіе свѣдѣній о жизни городовъ указанныхъ двухъ губерній, ихъ ярмарокъ и т. п. Пожелаемъ, чтобы составитель дополнилъ книжку этими свѣдѣніями въ слѣдующемъ изданіи.

Цѣна книжки недорогога. Языкъ ея общедоступенъ. Есть много рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ.

И. К.

Влад. Бончъ - Бруевичъ. Знаменіе времени. Убіиство Андрея Ющинскаго и дѣло Бейлиса. С.-Петербургъ. 1914. Стр. 308, цѣна 1 руб.

Книга эта помѣчена 1914 г., когда Петроградъ былъ еще Петербургомъ, но вышла она только на дняхъ, будучи задержана цензурой.

До сихъ поръ еще злободневно дѣло, о которомъ она говоритъ. Недавно еще присудили къ тюремному заключенію В. А. Маклакова и редакторовъ „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Русской Мысли“ за статьи объ этомъ дѣлѣ. И такъ какъ убійца Ющинскаго до сихъ поръ не розысканъ, то есть вѣроятность, что „дѣло“ вновь еще предстанетъ во весь свой ростъ передъ совѣстью русскаго общества.

Въ тотъ знаменательный день названная здѣсь книга сослужитъ великую службу широкимъ демократическимъ слоямъ читателей. Будучи составлена изъ статей, опубликованныхъ авторомъ во время самаго процесса въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, книга является свѣжимъ и живымъ конспектомъ всѣхъ сложныхъ обстоятельствъ „дѣла Бейлиса“. Языкъ автора простъ и общедоступенъ, впечатлѣнія интересны, подборъ фактовъ сдѣланъ такъ, что останавливаютъ вниманіе читателя наиболѣе важныя и типичныя лица и рѣчи. Вся книга прочитывается легко, какъ рядъ занимательныхъ газетныхъ фельетоновъ.

И. К.

Е. Звягинцевъ. Кому и зачѣмъ нужны народные дома. Москва. 1915. Стр. 68, цѣна 20 к.

Именно теперь, во время войны, особенно остро стоитъ у насъ вопросъ о народныхъ домахъ. Воспрещено употребленіе алкоголя, а другого средства для развлеченія у крестьянъ нѣтъ. Отвлечь отъ суррогатовъ алкоголя можетъ только народный домъ, заключающій въ себѣ библиотеку-читальню, музей и передвижныя выставки, чайную съ граммофономъ и кинематографомъ, — устраивающій лекціи и курсы, литературные вечера и любительскіе спектакли. Здѣсь, крестьянинъ и его семья могутъ развлечься и многому шутя научиться, здѣсь, наконецъ, они могутъ быть освѣдомлены надлежащимъ образомъ о текущихъ событіяхъ.

Авторъ указанной здѣсь книжки указываетъ нѣсколько примѣровъ недавно возникшихъ народныхъ домовъ, даетъ образцы ихъ уставовъ, рассказываетъ объ ихъ задачахъ, уже осуществленныхъ и еще только намѣчаемыхъ.

Такъ какъ устройство народныхъ домовъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ усилій самихъ крестьянъ, жертвующихъ на нихъ личныя и общественныя деньги, то распространеніе этой книжки весьма желательно. Она напечатана крупнымъ шрифтомъ, иллюстрирована и читается легко и съ интересомъ.

И. Книжничъ.

К. Циолковскій. Образование земли и солнечныхъ системъ. Калуга. Цѣна 15 коп. 1915 г.

На фонѣ нашихъ военныхъ неудачъ, происходящихъ отъ крайняго несовершенства нашей техники сравнительно съ нѣмецкой, невольно вспоминается странная судьба русскихъ ученыхъ—изобрѣтателей вообще и одного изъ нихъ, Циолковскаго, въ частности. Много лѣтъ назадъ, еще задолго до графа Цеппелина въ Германіи, выступилъ онъ своимъ теоретически разработаннымъ и обоснованнымъ проектомъ металлическаго управляемаго аэростата. И въ то время какъ нѣмцы сразу оцѣнили громадное значеніе металлическихъ дирижаблей, когда они при каждой неудачѣ графа, при

каждой новой гибели его воздушныхъ чудовищъ, въ нѣсколько дней собирали ему все новые и новые миллионы, въ Россіи голосъ нашего незадачливаго изобрѣтателя оставался и остается только голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не имѣя собственныхъ средствъ на осуществленіе своего проекта, тратя свой скромный личный заработокъ на постройку демонстраціонныхъ моделей, онъ со стороны общества встрѣчаетъ полнѣйшее равнодушіе къ своей идеѣ. Не разчитывая больше на общественную поддержку, Циолковскій задумалъ теперь самъ собрать нужныя ему средства, путемъ выпуска отдѣльныхъ брошюръ по различнымъ вопросамъ естествознанія. Въ число такихъ брошюръ входитъ разбираемая нами „Образованіе земли и солнечныхъ системъ“. Не стараясь сказать въ ней что либо новое, не развивая новыхъ теорій, не поднимая новыхъ вопросовъ, авторъ просто схематическими штрихами рисуетъ исторію образованія земли отъ возникновенія матеріи до появленія человѣка. Представивъ сначала себѣ безграничное пространство космоса, наполненное неподвижными, недѣлимыми, имѣющими одинаковыя свойства, находящимися на одинаковыхъ разстояніяхъ, элементами матеріи, между которыми дѣйствуютъ связи въ родѣ тяготѣнія онъ показываетъ, какъ изъ нихъ сначала образуются простыя соединенія, группы, а затѣмъ съ одной стороны сгустки матеріи, или туманности, дающія начало солнечнымъ системамъ, а съ другой, молекулы, порождающія современную матерію. Оторвавшаяся отъ общей туманности, земля сгущается, стынетъ и въ связи съ измѣненіемъ ея температуры, начинаютъ совершаться химическіе, геологическіе, а затѣмъ и биологическіе процессы. „Наступаетъ благоприятный моментъ, когда появляется первая живая матерія, въ родѣ протоплазмы, способная расти, дѣлиться на части, распространяться“. — Въ концѣ брошюры Циолковскій говоритъ вообще о распространеніи знанія и объ общемъ языкѣ, какъ о необходимомъ факторѣ для этого. Но о чемъ бы ни говорилъ онъ, мысли его все время возвращаются къ одному и тому же, къ той идеѣ, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Всѣ статьи и брошюры его кончаются однимъ призывомъ, призывомъ обратитъ вниманіе на его работы, посмотрѣть на уже достигнутые „результаты“. „Приходите посмотрѣть мои модели“, зоветъ Циолковскій тѣхъ, для будущаго блага которыхъ онъ отдаетъ свои силы, и въ этихъ словахъ начинается слышаться отчаяніе.

М. Добровольскій.

Г. Джонсонъ. Воспитаніе посредствомъ игръ и забавъ. Москва. 1915. Цѣна 40 коп.

Книжка эта составляетъ 101 номеръ серіи „Библиотека новаго воспитанія и образованія“, выходящей подъ редакціей И. Горбунова-Посадова, и снабжена предисловіемъ извѣстнаго американскаго педагога Станлей-Холла. Здѣсь дана естественно-научная теорія игръ вообще, исторія игръ у древнихъ и въ наше время, новое воззрѣніе на игру и примѣненіе игръ въ современныхъ школахъ въ постепенномъ порядкѣ, по возрастамъ отъ младенчества до 15 лѣтъ. На играхъ показано, какія умственныя и физическія способности затрагиваются, и расположены онѣ такъ, чтобы можно было при ихъ помощи достигнуть наибольшей воспитательной пользы. Въ книжкѣ много иллюстрацій. Распространеніе ея весьма желательно.

И. К.

Чего ждетъ Германія отъ войны. Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями К-во „Прометей“. Петроградъ. 1915. Стр. 159, цѣна 1 р. 25 коп.

Проф. А. Н. Савинъ. Война имперій и мѣръ ислама. Из-во „Трудъ“. Москва. 1915. Ц. 20 к.

Первая изъ этихъ книгъ представляетъ собою сборникъ интервью испанскаго журналиста Иберо, напечатанныхъ въ парижской газетѣ и бросающихъ яркій свѣтъ на состояніе въ Германіи политическихъ партій, на отношеніе ихъ къ внѣшней политикѣ, на германское общественное мнѣніе по поводу войны, наконецъ, на финансовое и экономическое положеніе Германіи. Такъ какъ г. Иберо считался представителемъ нейтральной державы, то общественные дѣятели Германіи были заинтересованы въ томъ, чтобы представить Германію въ наиболѣе благоприятномъ свѣтѣ, и однако изъ ихъ рѣчей, часто ими самими записанныхъ, слѣдуетъ совершенно противное. Общій выводъ г. Иберо, что Германія морально пала, а нея нѣтъ единства дѣйствій ни во внутренней ни во внѣшней политикѣ, она не подготовлена экономически для долговременной войны и она должна быть побѣждена.

Переводъ сдѣланъ З. А. Венгеровой и Н. М. Лаго-

вымъ и снабженъ обстоятельнымъ предисловіемъ и примѣчаніями Р. Е. Стрѣльцова. Книга написана очень живо и даетъ много интересныхъ свѣдѣній.

Брошюра проф. Савина представляетъ собою публичную лекцію, выясняющую сущность современнаго империализма и позицію народовъ, исповѣдующихъ исламъ. Авторъ выясняетъ, что и въ исламѣ много сектъ и разновѣрія, есть и расовыя и культурныя отличія, такъ что объединеніе всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ исламъ, невысказано. Но если бы оно было возможно, то должно было бы совершиться самостоятельно, а не при помощи гяурскаго императора Вильгельма. Нѣтъ сомнѣній, что выступленіе Турціи окончится ея окончательнымъ разложеніемъ.

Чтеніе указанныхъ здѣсь книги и брошюры значительно поможетъ читателю уяснить себѣ тѣ духовныя силы, которыя двигаютъ народы, участвующіе въ войнѣ, и дастъ правильное освѣщеніе многимъ извѣстіямъ газетъ, поглощаемымъ ежедневно всѣми грамотными людьми.

А. Кратовъ.

Списокъ книгъ присланныхъ въ редакцію для отзыва.

Александръ Журинъ. Вѣчныя мгновенія. Стихи. Москва. 1913 г. ц. 1 р. 25 к.
Александръ Журинъ. Радостный кругъ. Стихи. Москва. 1915 г. ц. 1 р. 25 к.
К. Милль. Сказочки полярнаго. Москва. 1915 г. ц. 75 к.
Семень Ѳоминычъ. Пѣсни радости и печали. Москва. 1914 г. ц. 25 к.
Борисъ Садовской. Лебединыя клики. Книгоиздат. 6. М. В. Попова. ц. 1 р. 25 к.
Петръ Козловъ. Разказы. Петроградъ. 1915 г. ц. 1 р.
 Книгоиздательство „Прометей“ Н. Н. Михайлова.
 „Мы помнимъ Польшу“. Литературно-художественный сборникъ. ц. 1 р.
Джэкъ Лондонъ. Путешествіе на „Ослѣпительномъ“. Собран. соч. т. XVIII. ц. 1 р.
 „Чего ждетъ Германія отъ войны“. Сборникъ подъ ред. Р. Стрѣльцова. ц. 1 р. 25 к.

Книгоизд. „Лукоморье“. Петроградъ.

В. Козловъ. Подъ грозой. Разказы. ц. 1 р. 50 к.
М. Кузминъ. Военные разказы. ц. 1 р. 50 к.
Борисъ Лазаревскій. Во время войны. ц. 1 р. 50 к.
Борисъ Миронъ. Разказы. ц. 1 р. 25 к.
Сергій Городецкій. Четырнадцатый годъ. ц. 1 р.
В. Опочининъ. Грезы и жизнь. ц. 1 р. 50 к.
Георгій Ивановъ. Памятникъ славы. Стихотворенія. ц. 1 р.
Михаилъ Долиновъ. Радуга. ц. 75 к.
С. Гернетъ. Сатиры скальда. ц. 1 р. 50 к.
Н. Н. Брешко-Брешковскій. Въ когтяхъ германскихъ шпионовъ. Романъ. ц. 2 р.
Н. Н. Брешко-Брешковскій. Въ сѣтяхъ предательства. Романъ. ц. 1 р.
 Сборникъ „Лукоморье“. Военные разказы. ц. 2 р.
В. Розановъ. Опавшіе листья. Коробъ второй и послѣдній. ц. 2 р.

Универсальная бібліотека. Книгоизд. „Польза“. Москва.

С. Гусевъ-Оренбургскій. Злой духъ. ц. 10 к. **С. Гусевъ-Оренбургскій.** Казакъ Колодинъ. ц. 10 к. **А. Купринъ.** Бредъ. ц. 10 к. **А. Купринъ.** Осенніе цвѣты.

ц. 10 к. **А. Купринъ.** Ученикъ. ц. 10 к. **А. Купринъ-Гамбринусъ.** ц. 10 к. **Гр. А. Н. Толстой.** Хромой баринъ. ц. 30 к. **Гр. А. Н. Толстой.** Архипъ. ц. 10 к. **Гр. А. Н. Толстой.** Дни войны. ц. 10 к. **Ив. Шмелевъ.** Весенній шумъ. ц. 10 к. **Ив. Наживинъ.** На нивѣ народной. ц. 10 к. **Л. Н. Толстой.** Семейное счастье. ц. 10 к. **Л. Н. Толстой.** Севастополь. ц. 10 к. **А. С. Пушкинъ.** Драматическія сцены. ц. 10 к. **Г. де-Мопассанъ.** Сильна какъ смерть. ц. 40 к. **Г. де-Мопассанъ.** Миссъ-Гэрриетъ. ц. 10 к. **Г. де-Мопассанъ.** Монтъ-Ориоль. ц. 40 к. **Г. де-Мопассанъ.** Милый другъ. ц. 40 к. **Дж. Уэльсъ.** Освобожденный мѣръ. ц. 30 к. **Б. Келлерманъ.** Туннель. ц. 50 к. **Анатоль Франсъ.** Записки добровольца. ц. 10 к. **Анатоль Франсъ.** Семь женъ сѣней бороды. ц. 10 к. **Альфредъ де-Виньи.** Неволя и величіе солдата. ц. 20 к. **П. Вальми.** Погоня за любовью. ц. 30 к. **Грація Деледа.** Пепель. ц. 40 к. **Маринетти.** Битва у Триполи. ц. 10 к. **О. Уальдъ.** Флорентинская трагедія. ц. 10 к. **Джеромъ К. Джеромъ.** Человѣкъ, который не вѣрилъ въ счастье. ц. 10 к. **Ш. Перро.** Волшебныя сказки. ц. 10 к.

проф. **А. Н. Савинъ.** Война имперій и мѣръ ислама. Книгоизд. „Трудъ“. Москва. ц. 20 к.

проф. **Ф. Колетти.** Дороговизна и ея причины и мѣры борьбы съ нею. Книгоизд. „Трудъ“. Москва. ц. 30 к.

В. А. Кильчевскій. Указанія правленіямъ кредитныхъ товариществъ для самоповѣрки. Изд. Ком. о сельск. ссуд.-сберег. и промыш. тов. Москва. 1915 г. ц. 15 к.

А. А. Мининъ. Война, Хозяйство и Кооперация. Изд. Ком. о сельск. ссуд.-сбер. и промыш. тов. Москва. 1915 г. ц. 20 к.

Д. І. Корвинъ-Веледницкій. Международный языкъ, критика „Эсперанто“ и алфавиты. Тифлисъ. 1915 г. п. 20 к.

Д. І. Корвинъ-Веледницкій. Классификація и численность народовъ земли. Тифлисъ. 1915 г. ц. 15 к.

„Къ Еврейскому вопросу въ Польшѣ“. Сборникъ статей, съ предисл. Н. Н. Полянскаго. Скл. изд. кн. маг. „Наука“. Москва. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Борисъ Кушнеръ. Родина и народы. Кн. 1-я. Книгоизд. „Родина и Народы“. 1915 г. Ц. 25 к.

Всѣ вышеупомянутыя новыя книги можно выписывать черезъ книжный складъ при журналѣ „Новый Журналъ для Всѣхъ“.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Бюро по приему бѣженцевъ-учителей и учительницъ проситъ лицъ и учрежденія, могущихъ предоставить занятія въ учебныхъ заведеніяхъ и частные уроки, мѣста гувернантокъ, письменныя и счетоводныя занятія въ торгово-промышленныхъ занятіяхъ, конторахъ, банкахъ, работы по перепискѣ, и переводы и т. п.,—обращаться въ Педагогическое О-во, Демидовъ, 5, кв. 55, телеф. 490-31, отъ 2 ч. до 4 ч. ежедневно.

БЮРО.

„Городской Комитетъ по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ, извѣщаетъ, что денежные пожертвованія въ пользу бѣженцевъ принимаются въ 1-омъ Отдѣлѣ Комитета (Невскій пр., Городская Дума) въ присутственные дни отъ 11 до 2 час. дня и въ Складѣ Комитета по сбору и распредѣленію пожертвованій въ Городскомъ Домѣ на Кронверкскомъ пр. 49“.

К Н И Ж Н Ы Й С К Л А Д Ъ

при конторѣ журнала

„НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛ Я ВСѢХЪ“

Петроградъ, Эртелевъ пер., 3. Телефонъ 107-88.

Книжный складъ выполняетъ заказы на всевозможныя книги по различнымъ отраслямъ. Пересылка по стоимости почтового тарифа за счетъ заказчика. При заказахъ, превышающихъ 10 руб., слѣдуетъ переводить или полностью всю причитающуюся сумму, или задатокъ въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ стоимости.

При высылкѣ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается 20 коп. дополнительныхъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ при конт. журн.
„Нов. Журн. для Вс.“ Петрогр., Эртелевъ, 3.

Имѣется въ продажѣ изящное издание
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО

въ 5 кн.

(съ портр. автора раб. Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ).
Цѣна—70 к. Съ перес.—1 р. 5 к.

Продолжается подписка на газету

„Тулъская Заря“

выходящая ежедневно (по понедѣльникамъ—вып. телеграммъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ

на три мѣсяца—1 руб. 50 коп., на 1 мѣсяць—65 коп.

Цѣна объявленій: впереди текста 10 к., строка петита въ одну колонну, позади текста 5 к. При мѣсячныхъ объявленіяхъ (по соглашенію) скидка до 60% съ таксы.

Г. Тула, Кіевская, д. № 18, при типографіи В. И. Дружининой.

Издатель В. А. Селезневъ.

Редакторъ Н. В. Павлицевъ.

Открыта подписка на новый популярно-научный и художественный журналъ

Русскій Фотографическій Вѣстникъ.

Задача журнала—разработка вопросовъ фотографическаго знанія и искусства и примѣненій фотографии въ разныхъ областяхъ. Художественный отдѣлъ журнала дастъ воспроизведенія лучшими способами художественно-цѣнныхъ работъ фотографовъ-любителей по однотонной и цвѣтной фотографіи.

Журналъ выходитъ (въ тек. г.) шесть разъ въ годъ.

Подписная плата въ годъ съ пересылкой: въ Россіи—3 руб., за границу—4 руб. Пробный №—50 коп.

Первый № журнала выйдетъ въ апрѣлѣ мѣс. тек. года.

Редакція и контора журнала: Одесса, Б.-Арнаутская, 68.

Редакторъ и издатель журнала Георг. Серг. Михайловъ-Мучкинъ.

Т-во ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

„Природа и Школа“.

Производство наглядныхъ пособій

для начальной, средней и сельско-хозяйственной школъ, Предметы для микроскопій.

Каталоги и проспекты бесплатно.

Москва, 1. Магазины: Воздвиженка, д. 11. Телеф. 28-95.
2. Мастерскія: Андроньевская площ. д. 7. Тел. 186-43.

Складъ изданій. Записная книжка и календарь для преподавателей, составленная членами „Природа и Школа“ цѣна 50 к. и тетрадь Игнатьева и Соколова „Наблюдай природу“ цѣна 30 коп.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при конторѣ журнала „Новый журналъ
для Всѣхъ“

Петроградъ, Эртелевъ пер., 3.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

1-я книга стиховъ **ЮСИФА
МОЗАЛЕВСКАГО**

**„Утренній
Туманъ“.**

Цѣна 75 коп.

Наложеннымъ платежомъ 1 руб.

М. МОРАВСКАЯ.

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ.

СТИХИ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Рисунки С. ЧЕХОНИНА.

Цѣна 1 руб.

Изданіе О. Н. Поповой.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ при конторѣ „Но-
ваго Журнала для Всѣхъ“.

Петроградъ, Эртелевъ, 3.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ
**ФРАНЦУЗСКІЕ РАЗСКАЗЫ
СЪ ФРОНТА.**

Съ официального разрѣшенія по сообщеніямъ французскаго Военнаго министерства

ОБРАБОТАЛЪ И ПЕРЕВЕЛЪ **Н. М. ЛАГОВЪ.**

ВЫП. I. Изд. 3-е. 64 стр. съ портретомъ генералиссимуса **Жоффа.**
Первый періодъ войны.—*Общій обзоръ дѣйствій съ начала войны по конецъ января.* Германское наступленіе. Французская побѣда на Марнѣ и отступленіе нѣмцевъ.

Второй періодъ войны.—*Позиціонная борьба.* Отдѣльные военные эпизоды и подвиги съ февраля по апрѣль 1915 г.

ВЫП. II. Изд. 2-е. 64 стр. съ портретомъ генерала **Фошъ.**

Боевые эпизоды за май мѣсяць 1915 года.

Бои въ Лотарингіи и Шампани.—Успѣхи французской авіаціи. Французская побѣда подъ Эпаржемъ. Французскіе успѣхи въ лѣсу Аи. Саперы Ля-Фонтнэли.

Операции у Арраса.—Успѣшное дѣло на участкѣ Лоосъ-Нэвилъ. Взятіе Каранси и Аблень-Сэнъ-Наэра. Сраженіе при Нэвилъ-Сенъ-Ваастъ.

ВЫП. III. 80 стр. съ портретомъ генерала **Дюбайль.**

Боевые эпизоды за іюнь и іюль мѣсяцы 1915 года.

Завоеваніе массива Лорэтъ. Успѣшное дѣло подъ Аблень-Сенъ-Наэромъ. Взятіе Суше. Завоеваніе „Лабиринта“. Французскіе саперы въ бою подъ Аррасомъ. Завоеваніе Лепрэтрскаго лѣса. Сраженіе подъ Метцералемъ и проч.

Цѣна каждого выпуска — 25 коп.

Въ продажѣ во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ жел. дорогъ.

Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ пользу

КРАСНАГО КРЕСТА.

ЗАКАЗЫ и деньги адресуются Г. Секретарю Французскаго Благотворительнаго Общества. Мойла, 58. Петроградъ. Телеф. 24-05.

ВЕЛИКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1914-15 г.

I. Открытыя письма со снимковъ съ войны, самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ, хорошей художественной работы, цѣна—4 руб. 50 к. за сотню, безъ пересылки, а при большемъ количествѣ дѣлается соотвѣтствующая скидка.

II. Альбомъ снимковъ Великой Освободительной Войны 1914-15 г., каждый альбомъ содержитъ въ себѣ 16 фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ на поляхъ брани, офицерами-участниками войны. Печать на хорошей мѣловой бумагѣ художественнаго исполненія. Цѣна 35 коп. за экземпляръ, безъ пересылки. Для торговцевъ соотвѣтствующая скидка.

СЪВЕРНЫЕ СТЕНОГРАФИИ КУРСЫ

Лекціи для самообученія „СТЕНОГРАФІЯ НА ДОМУ“ подъ ред. ст. сов. Д-ра И. Л. Циммермана. Цѣна за курсъ **2 руб. 50 коп.** Вступительныя лекціи высыл. за 50 коп. нал. пл. 75 коп. Проверка работъ. **Аттестатъ на званіе преподавателя и стенографа-корреспондента.** Личное обученіе на отдѣлахъ: **корреспондентскомъ, парламентскомъ и педагогическомъ.** По окончаніи аттестатъ и рекомендація на мѣста. Новыя группы организуются ежемѣсячно. Проспекты и программы высылаются бесплатно. Изд. „Стенографъ“.

БУХГАЛТЕРІЯ двойная—ит., америк. заочное обученіе подъ руководствомъ канд. комм. И. Д. Бѣлостоцкаго. Проверка работъ. Ручательство. Аттестатъ бухгалтера. Цѣна за полный курсъ **6 р. 60 к.** Вступительныя лекціи высылаются за 60 к. (можно марками). Проспекты и программы бесплатно. Ввидѣ бесплатнаго приложенія подписчики получаютъ **ТОРГОВУЮ ПРАКТИКУ** подъ ред. Н. И. Иванова, цѣна въ отд. продажѣ 1 р. 20 к. Въ качествѣ пособія для изучающ. бухгалтер. и коммерсантовъ рекомендуемъ книгу—Религъ Рэсъ „**УПРОЩЕННОЕ СЧИСЛЕНІЕ**“ переводъ инженера-технолога Л. Филлеръ. Цѣна **2 руб. 25 коп.** безъ пересылки. Изд. „Стенографъ“.

Заказы адресовать: Книжный складъ журнала: „Новый Журналъ для Всѣхъ“, Эртелевъ пер., д. 3, Петроградъ.

При заказѣ необходимо высылать задатокъ (можно марками).

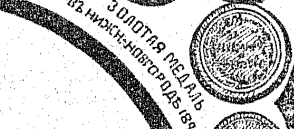
ОСНО
№ 18

Восемнадцать наградъ
на выставкахъ.

ВАНА
73г.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ
ВЪ МОСКВѢ 1896.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ
ВЪ МОСКВѢ 1896.

Петроградская Мастерская УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ и ИГРЪ

Осн. въ 1873 г. 9. ТРОИЦКАЯ УЛ., 9. Осн. въ 1873 г.

Поставщики учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Постоянной Комиссіи народн. чтеній и Московск. Комиссіи публичн. народн. чте ній.

ПРЕДЛАГАЕТЪ:

Рельефныя картинки животныхъ.

Текстъ подъ ред. докт. зоологій О. А. Гримма и проф. Э. К. Бра дта. Прекрасно исполненныя картины наклеиваются на соответствующія мѣста въ описаніи, а сжатая, умѣло составленная характеристика каждаго животнаго въ отдѣльности и подробное описаніе особенностей каждаго типа дѣлаютъ изданіе не только хорошимъ руководствомъ при первоначальномъ ознакомленіи дѣтей съ животнымъ міромъ, но и цѣннымъ дополненіемъ къ любому школьному зоологическому атласу.

- Вып. I. МЛЕНОПИТАЮЩІЯ—20 табл. съ 228 отд. карт. Ц. 2 р.
- Вып. II. ПТИЦЫ—24 табл. съ 288 отд. карт. Ц. 2 р. 40 к.
- Вып. III. БЕЗПОЗВОНОЧНЫЯ—30 табл. съ 360 отд. карт. Ц. 3 р.

НЯНИНА АРИѠМЕТИКА

книжка съ раскрашенными картинками для изученія первыхъ ДЕСЯТИ чисель. Для дѣтей отъ 4 лѣтъ.

Текстъ составилъ А. Н. Канаевъ.

Изученіе чисель ведется рѣшеніемъ задачъ по картинкамъ, при чемъ попутно сообщаются свѣдѣнія изъ окружающей природы.

2-е изданіе, Ц. 60 к.

АРИѠМЕТИКА.

2-е изданіе посмертное, Ц. 80 к.

Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѠметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чисель.

Составилъ А. Н. Канаевъ.

Съ 40 рис. въ текстъ, съ вопрос. и задач. для усвоенія пройденнаго. 1-е изд. Учен. Комитет. Мин. Народн. Просвѣщ. допущено, какъ учебное пособіе, для среднихъ и низшихъ учебн. завед. и включена въ каталоги книгъ для библиотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

1-е изд. Учен. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ допущено къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, какъ учебное пособіе.

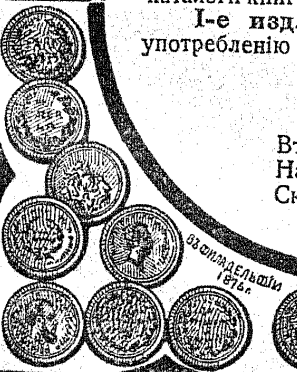
Таблица нумераціи:

Составилъ А. Н. КАНАЕВЪ.

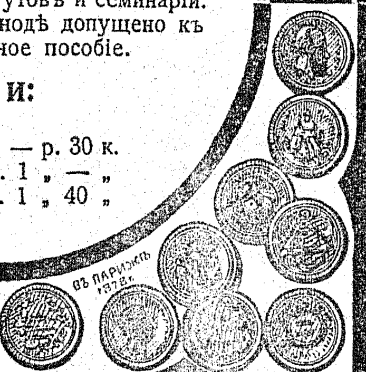
- Въ листахъ — р. 30 к.
- Наклеенная на папку съ подвижн. цифр. 1 „ — ”
- Складывающаяся для удобства при перес. 1 „ 40 ”

Медаль Импер. Русск. Техн. О-ва за САМОСТОЯТЕЛЬНОУ установку изгот. вошеби. Фоторен и ихъ ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ. МЕДАЛИ на выставкахъ: въ Филадельфій, за ИЗОБРЕТАТЕЛЬ-НОСТЬ, оригинальность и дешевизну въ Парижѣ, Москвѣ, Петроградѣ и ми. друг.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ на выстанѣ при 2-ой всездѣ дѣтской по техническому и профес- сійному образованію въ Москвѣ 1896 года на Всероссийской Выстанѣ въ Нижнемъ- Новгородѣ въ 1896 году.

ВЪ МОСКВѢ 1896.

ВЪ ПАРИЖѢ 1875.

1 р. 90 к.
ВЪ ГОДЪ
безъ доставки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1915-й годъ
на
— Н О В Ы Й —

2 р. 20 к.
ВЪ ГОДЪ
съ пересылкой.

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХЪ

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

(Подписной годъ съ января).

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ восьмой годъ изданія, журналъ ставитъ своей задачей дать, при доступной для всѣхъ цѣнѣ, возможность самымъ широкимъ кругамъ читателей, имѣть серьезное ежемѣсячное изданіе одного характера съ дорогими, такъ называемыми „толстыми“ журналами.

Слѣдуя намѣченной программѣ, „Новый Журналъ для Всѣхъ“ будетъ заключать въ себѣ отдѣлы: изящной литературы, популярно-научный, общественно-политическій, критическій, художественный и др., отводя мѣсто только лучшимъ произведеніямъ, независимо отъ имени ихъ авторовъ.

Художественность, серьезность содержанія, прогрессивность мысли — таковы пути къ общенію журнала съ установившимся въ теченіи 7 лѣтъ кругомъ читателей.

Слѣдуя разъ принятому курсу, журналъ будетъ стремиться освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни, чуждый какому либо пристрастія и партійности.

Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальными рисунками, фотографіями и виньетками. Для каждаго номера будетъ даваться новая иллюстрированная обложка.

Вѣруя, что въ народной массѣ таится непочатый источникъ творческихъ силъ, журналъ будетъ стремиться дать подписчикамъ не только выдающіяся произведенія русской и иностранной литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставить своей задачей идти на встрѣчу молодымъ талантамъ, съ особымъ вниманіемъ и радушіемъ предоставляя имъ страницы своего журнала, дабы облегчить первые, особо трудные шаги на литературномъ поприщѣ.

Въ отдѣлахъ художественной критики журналъ намѣренъ удѣлять большое вниманіе переживаемому въ настоящее время сдвигу въ сферѣ искусства и давать безпристрастное освѣщеніе всѣмъ явленіямъ, какъ русской, такъ и заграничной художественно-артистической жизни.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками въ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 столб.).

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 1 р. 90 к., съ перес.—2 р. 20 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к., на 1 м.—83 к. За границу—3 р. 25 к., отдѣльн. книжки въ магаз. 25 к., пробн. № высылается за двѣ 10 коп. марки. Подписная плата марками не принимается.

Для сельскихъ учителей, учительницъ, сельскихъ священниковъ, рабочихъ и крестьянъ допускается разсрочка: 80 к.—при подпискѣ, 80 к.—1 марта и 60 к.—1 июля.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Эртелевъ пер., д. 3. Телеф. 107—88.

Редакторъ-издатель А. Боане-Яворовская.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Контора „НОВАГО ЖУРНАЛА ДЛѢ ВСѢХЪ“ проситъ г.г. подписчиковъ—при заявленіяхъ претензій на неполученіе номера—прилагать свой адресъ съ бандероли.

При перемѣнѣ адреса подписчики уплачиваютъ—40 коп.—иногородніе, и 20 коп.—петроградскіе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорно просятъ г.г. сотрудниковъ при доставленіи рукописей въ редакцію четко писать адресъ и имя автора на самой рукописи.

Стихотворенія, не принятыя для напечатанія, въ редакціи не сохраняются.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 коп.

